

Гетманский

СБОРНИКЪ
Учено - Литературнаго
Общества

при

ИМПЕРАТОРСКОМЪ
Юрьевскомъ Университетѣ.

Томъ XVII.

ЮРЬЕВЪ.
Типографія К. Маттисена.
1910.

Печатано по опредѣленію Учено-Литературнаго Общества при
Императорскомъ Юрьевскомъ Университетѣ.

Предсѣдатель Общества:

проф. М. Красноженъ.

Содержаніе.

	стр.
1. Проф. Евгений Бобровъ. Положеніе науки психологін въ XVII столѣтін	1— 72
2. Онъ-же. В. А. Бобровъ. † Некрологъ. (Съ портретомъ покойнаго.)	73— 96
3. Я. Лаутенбахъ. Христіанъ Доналиціусъ, инициаторъ-основатель изящной литовской литературы	97—109
4. Проф. М. Красноженъ. Библиографическія замѣтки	110—178
5. Студ. Д. Захаровъ. Къ вопросу о свободномъ воспитаніи	179—212

Приложеніе.

Изъ университетской лѣтописи	1— 35
Оглавленіе XI—XVII томовъ Сборника	1—111

Положеніе науки психологіи въ XVII столѣтіи.

Семнадцатое столѣтіе играетъ въ исторіи психологіи особенно важную роль. Въ это время окончательно ниспровергнута была послѣ двухтысячелѣтняго господства въ умахъ европейскихъ мыслителей старая аристотелева психологія¹⁾. Ниспровергъ ее титанъ новой философіи — Декартъ. Онъ же далъ основу для построенія новаго типа этой науки. Но, кромѣ трудовъ Декарта, къ семнадцатому же вѣку относятся основательные для психологіи труды Лейбница и Локка.

Изложеніе главнѣйшихъ и основныхъ чертъ психологіи трехъ поименованныхъ философовъ составляетъ задачу настоящаго этюда, написаннаго но нервоисточникамъ.

Если мы оставимъ въ сторонѣ Юма, то въ сочиненіяхъ философовъ XVII вѣка, Декарта, Лейбница и Локка мы увидимъ намѣченными уже почти всѣ проблемы, какія волнуютъ и современныхъ психологовъ.

Вотъ почему изученіе психологовъ XVII вѣка имѣетъ выдающееся значеніе и для насъ, если мы желаемъ сознательно относиться къ трактованію тѣхъ же проблемъ въ настоящее время, и если желаемъ прослѣдить историческіе корни нынѣшнихъ споровъ и раздоровъ, какими страдаетъ, къ сожалѣнію, эта прекрасная и великая наука, — наука психологія.

1) Характеристику ея см. въ моей книжкѣ „Психологическія воззрѣнія древнихъ греческихъ мыслителей“, II изд. 1910 года.

Съ XVII-го же столѣтія въ области нашей науки ясно опредѣлились и рѣзко обозначились два направленія: эмпирическое (*psychologia empirica*) и умозрительное (*psychologia rationalis*). Ученикъ Лейбница - Вольфъ даже одинъ оставилъ послѣ себя сразу двѣ такихъ системы психологіи — эмпирической и рационалистической. Лица, смотрѣвшія на дѣло серьезнѣе, нежели Вольфъ, и посвятившія себя изученію человѣческой души, такъ сказать, присяжные психологи — разбились съ этого времени на два лагеря. Одни изъ нихъ считали психологію чисто эмпирической наукою, — другіе настаивали, что психологія не можетъ обойтись безъ метафизики, которая, по словамъ Аристотеля, является „первою философій“.

I. Декартъ.

Самъ Декартъ всегда обнаруживалъ обычную истинно великимъ людямъ скромность въ оцѣнкѣ своихъ научныхъ заслугъ. Но мы путемъ историческаго изученія легко можемъ убѣдиться, на сколько великъ былъ тотъ переворотъ въ философіи, — и въ частности — въ психологіи, какой удалось совершить этому скромному гению. Декартъ далъ новые принципы для психологіи и указалъ новое средство (интроспекцію) для ея разработки. Какъ первое, такъ и послѣднія его произведенія трактуютъ о методѣ (*Discours de la méthode*). Въ чемъ же этотъ новый методъ?

Первою частью этого метода является абсолютное сомнѣніе. Въ то время, какъ Аристотель, приступая къ изложенію собственныхъ взглядовъ, обыкновенно подробно останавливается на ученіяхъ своихъ предшественниковъ, излагая и критикуя ихъ, — Декартъ приступаетъ къ дѣлу безъ обычнаго со времени Аристотеля историческаго вступленія, — какъ простецъ, душа котораго изболѣла въ безплодныхъ попыткахъ опредѣленія истины. Эти попытки довели его до отчаянія (см. конецъ его перваго размышленія); простота и искренность его особенно располагаютъ къ нему читателя. Онъ пере-

бираетъ всѣ отрасли человѣческаго знанія: свидѣтельства чувствъ, область представленій и такъ называемыя прирожденные данныя.

Путемъ остроумнѣйшихъ и убѣдительныхъ доказательствъ онъ приходитъ къ убѣжденію, что все это не можетъ быть абсолютно истиннымъ, но во всемъ можно сомнѣваться. Не только въ данныхъ чувствъ возможно сомнѣніе, но оно простирается даже на область математическихъ истинъ, которыя обычно берутся за идеаль достовѣрнаго знанія. Декартъ болѣетъ проблемой познанія, стремится къ истинѣ; быть можетъ, вообще нѣтъ ничего абсолютно достовѣрнаго, а потому лучше остановиться на сомнѣніи и воздерживаться отъ всякаго знанія и даже сужденія. Древніе скептики успокаивались на этомъ безотрадномъ выводѣ и проповѣдывали абсолютное воздержаніе отъ сужденія (*ἐποχή*)¹⁾.

Декартъ не довольствуется такимъ воздержаніемъ отъ изслѣдованія истины. Скептическое направленіе мысли, приведшее къ сомнѣнію въ томъ, что я раньше признавалъ за истинное, еще не исключаетъ возможности другого пути. Нашъ путь привелъ къ отчаянію, но этотъ путь вѣдь не единственный. Декартъ совѣтуетъ толкнуться на другую сторону. Представимъ себѣ такой примѣръ: я хочу пересчитать, сколько насъ всего присутствуетъ здѣсь въ комнатѣ. Съ этой цѣлью я пересчитываю всѣхъ нѣсколько разъ, но всякій разъ забываю присчитать себя самого. То же самое случилось и съ философами до Декарта. Во всемъ можно усумниться. Но сомнѣніе во всемъ внѣшнемъ моему сознанію еще не затрогивало моего „я“, самого меня, сомнѣвающагося;

1) Къ числу такихъ скептиковъ нѣкоторые несправедливо относятъ и Сократа. Тезисъ: „я знаю только то, что я ничего не знаю“ имѣетъ пропедевтическое, а не гносеологическое значеніе. Такими словами Сократъ даетъ понятъ слѣдующее: люди думаютъ, что они — обладатели истины, а въ сущности они ничего не знаютъ; и потому-то онъ утверждаетъ абсолютное незнаніе, какъ исходный пунктъ для дальнѣйшаго изслѣдованія.

отказавшись отъ всего, въ чемъ можно было усумниться, я забылъ изслѣдовать, что же изъ себя представляю самъ-то „я“, размышляющій и во всемъ сомнѣвающійся.

Древнимъ грекамъ еще чужда была идея о человѣческой личности, и потому они не ставили такого вопроса, какой поставилъ Декартъ, и не занимались его рѣшеніемъ. Греки пытались постигнуть истинное бытіе во внѣ и объяснить изъ него все разнообразіе внѣшнихъ вещей, почему одни изъ нихъ, какъ напр., атомисты считали весь міръ за собраніе атомовъ, а идеалисты — за собраніе идей. Но ни у кого изъ нихъ еще не было и никто изъ нихъ не ставилъ этой проблемы „я“.

Какъ бы оказавшись среди запертыхъ дверей, толкнулся Декартъ въ глухо закрытую дверь, куда никто не толкался, и открылъ новый путь къ достиженію истиннаго, несомнѣннаго знанія. На этомъ пути онъ дѣлаетъ замѣчательные успѣхи: онъ отвергаетъ созданный греческимъ гениемъ типъ аристотелевой психологіи и возсоздаетъ эту науку на новыхъ началахъ.

Декартъ доказалъ, что ни одна область человѣческаго знанія не можетъ претендовать на достовѣрность; во всемъ можно усумниться. Но вотъ я вспоминаю о себѣ. Что-же такое представляетъ мое „я“, существуетъ ли оно, какъ нѣчто абсолютно достовѣрное, или и въ немъ можно усумниться? Въ существованіи своего „я“ никто не сомнѣвался и не сомнѣвается ¹⁾).

Правда, разсуждаетъ Декартъ, я уже отвергъ все чувственное, отвергъ всякую мысль, но я еще колеблюсь признать себя за ничто. Нельзя согласиться съ тѣмъ, чтобы существованіе моего „я“ находилось въ такой тѣсной связи и такой зависимости отъ чувствъ, что, разъ я отвергну ихъ (чувства), то не будетъ существовать и мое „я“. Декартъ

1) Были философы-солипсисты (*solus* и *ipse*), которые признавали истиннымъ только свое индивидуальное „я“, но отрицали бытіе другихъ людей и вообще чего бы то ни было внѣ своего сознанія. Но такіе философы, если и вообще существовали, стали возможными только послѣ Декарта.

даетъ отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Изъ того, что все подвергается сомнѣнію и, какъ неистинное, отвергается, мы не имѣемъ права переходить къ сомнѣнію и отрицанію сомнѣвающагося и все отрицающаго человѣческаго „я“. Я подумалъ о чемъ-либо, усумнился въ чемъ-либо, отрицаю что-либо, но все таки существую „я“, какъ мыслящій, сомнѣвающийся и отрицающій. Предположимъ, что есть „великій обманщикъ“, злой геній, который допускаетъ все, чтобы обмануть меня . . . Пусть онъ обманываетъ меня; но несомнѣнно то, что, разъ онъ меня обманываетъ, значить, „я“ — то существую. Самый фактъ обмана, фактъ, что я обладаю иллюзіею, обманываюсь, говоритъ о томъ, что я существую. Итакъ „я есмь“, я держу въ умѣ это положеніе, когда думаю о чемъ-либо. Такая увѣренность въ своемъ существованіи теперь обычно называется „неосредственнымъ самосознаніемъ“.

Поиски Декарта привели его къ пріобрѣтенію такого знанія, котораго уже не можетъ расшатать никакое сомнѣніе. Безпрекословная увѣренность въ бытіи своего „я“ является той базой, опираясь на которую Декартъ разрушаетъ основы старой аристотелевской психологіи и переноситъ изслѣдованіе въ новую плоскость.

Итакъ, я увѣренъ въ своемъ существованіи, но я не знаю еще, что такое мое „я“, какіе его признаки. Нужно остерегаться, чтобы не принять его за что-нибудь другое; нужны какіе-нибудь пункты сравненія, чтобы правильно опредѣлить наше „я“. Переберу въ своей памяти все, что я раньше думалъ о своемъ „я“. Что же такое „я“? Отвѣтъ на это есть у Аристотеля. — „Я“ — человѣкъ. Что же такое человѣкъ? — Человѣкъ есть животное, совершенно особенное, имѣющее отличительный признакъ, котораго ни одно животное не имѣетъ, разумъ. Но можно ли этимъ удовлетвориться? Декартъ говоритъ, что нельзя. Какая польза для насъ мысли, когда я слышу, что я — человѣкъ, а человѣкъ есть животное разумное? Придется спросить, что такое животное, что такое разумное? Придется

итти вверхъ по іерархіи понятій, и я никогда не кончу. Я не желаю злоупотреблять своимъ короткимъ досугомъ, чтобы разрѣшать такія трудности, которымъ не предвидится удовлетворенія. Слѣдовательно, Декартъ отвергаетъ аристотелевскую методу опредѣленія черезъ высшій родъ и видовое различіе.

Мы знаемъ, что для Аристотеля отвѣтить на вопросъ *τι ἔστιν* — это значить указать родъ, подвести данный объектъ познанія подъ іерархію понятій. Декартъ признаётъ бесполезность такого способа опредѣленія вещей, такъ какъ онъ является лишь переходомъ отъ одного вопроса къ другому и требуетъ напрасной траты времени. Декартъ рекомендуетъ отказаться отъ стараго идеалистическаго критерія, въ силу котораго вещи опредѣлялись сообразно съ природой понятій (*πρότερον φύσει*). Декартъ признаетъ единственно истиннымъ то опредѣленіе человѣка, которое выводится нами сообразно съ природою нашего индивидуальнаго духа. На пути къ истинному познанію человѣку свѣтитъ внутренній природный свѣтъ (*lumen naturale*), — это связь пунктовъ живого непосредственнаго сознанія. Къ нему-то и нужно обращаться при рѣшеніи вопроса, чтó изъ себя представляетъ наше „я“.

Непосредственное самосознаніе даетъ мнѣ увѣренность въ томъ, что мое „я“ прежде всего существуетъ. Существованіе — это слишкомъ широко сказано; существуетъ — но какъ существуетъ, въ видѣ чего же именно существуетъ мое „я“? Какія же конкретныя опредѣленія мы въ правѣ ему приписать? Оставляя въ сторонѣ, размышляетъ Декартъ, ученія философовъ, начну размышлять попросту. Чѣмъ всё люди признаютъ свое „я“? Займусь тѣми мыслями, которыя сами по себѣ возникаютъ. Раньше я представлялъ себя имѣющимъ лицо, руки и — вообще, какъ совокупность различныхъ органовъ, которые называются тѣломъ. Простой человѣкъ отвѣтитъ: „я“ — тѣло, т. е. машина изъ мяса и костей. А еще что? Кромѣ тѣла, есть, говорятъ, еще и душа. А въ чемъ она состоитъ? Здѣсь Декартъ перебираетъ психологическую схему Аристотеля: я питаюсь, я хожу, я чувствую, я

мыслью — всё эти дѣйствія приписываются душѣ. Это сокращенное изложеніе психологіи Аристотеля — душа растительная, животная и разумная. Я считаю, что „я“ есть все это, что называется душою. Но я не знаю, что же такое моя душа? Когда я останавливаюсь на этой мысли, то воображаю ее (душу), какъ что-то такое нѣжное, тонкое, подобное вѣтру, огню и воздуху, разлитое по всему тѣлу, въ кожной оболочкѣ. Анаксименъ, напр., считалъ ее подобною воздуху, а Демокритъ — огневидною. Всегда Греки представляли душу матеріальною, въ видѣ какого-нибудь матеріальнаго агента, находящагося внутри тѣла. А самую тѣлесность какъ понимать? Я не сомнѣваюсь въ природѣ тѣла: я полагалъ, что тѣло я знаю. Если же хотѣтъ понять его; то подъ тѣломъ я имѣю въ виду все, что ограничено какой-нибудь фигурой, наполняющее пространство, такъ что другое тѣло не можетъ наполнять то же самое пространство (точка зрѣнія атомистовъ). Я вообще не думалъ, что тѣло можетъ двигаться само собою, и также думалъ, что тѣлу не присвоена способность чувствовать, думать. Когда я замѣчалъ одушевленные тѣла, которыя сами двигались, то скорѣе удивлялся этому. Вотъ тѣ отвѣты, которые Декартъ могъ собрать по вопросу, что такое „я“. Тѣло — кости и мясо, познаваемое чувственнымъ образомъ, а душа присоединяется къ тѣлу въ грубомъ пониманіи, какъ нѣчто матеріальное. Но могу ли я быть увѣреннымъ, что я обладаю всѣмъ этимъ?

Въ первомъ размышленіи все это было забраковано. Тѣло не имѣетъ критерія достовѣрности — и комплексъ органовъ — вещь иллюзорная. Слѣдовательно, и здѣсь нужно признать тѣло недѣйствительнымъ. Онъ здѣсь разъясняетъ, что душа не есть тѣло, а тѣло не есть душа. Мысль эта очень проста и устанавливаетъ аксіому, которая будетъ рѣшительной для развитія науки психологіи. Всѣ функціи, которыя еще Аристотель причислялъ къ душѣ (хождение и питаніе), теперь могутъ быть элиминированы изъ психологіи.

Теперь, внимательно вдумавшись, продолжаетъ. Декартъ,

ничего не нахожу, о чемъ-бы я могъ сказать, что оно принадлежитъ мнѣ. Тѣло для меня — нѣчто внѣшнее, не составляющее моего „я“: остаются лишь психическіе акты, если откинемъ тѣло. Перейдемъ къ атрибутамъ души. На первомъ планѣ — питаніе и ходьба. Если истинно, что „я“ не есть тѣло, то истинно и то, что безъ тѣла „я“ не состоитъ въ хожденіи и питаніи. Слѣдовательно, питаніе и ходьба не касаются моего „я“. „Я“ — не тѣло; „я“ не ходитъ, не питается, оно безпространственно и функціи питанія и ходьбы нужно вы б р о с и т ь изъ схемы психологіи.

„Я“ — не тѣло, тѣло — не душа, тѣло не есть „я“; слѣдовательно, это предположеніе можно отбросить, какъ несостоятельное.

Если пользоваться схемою Аристотеля, то „я“ можно разсматривать, какъ функціи души растительной, души животной и функціи специально человѣческой души. Изъ нихъ питаніе и ходьба уже отброшены, ибо эти функціи не относятся къ душѣ, моему „я“: нѣтъ ли еще функціи? А внѣшнія чувства? Но мнѣ не разъ казалось, что я чувствую, воспринимаю вещи; на самомъ же дѣлѣ это только казалось. Вѣдь помню же я, что во снѣ я сидѣлъ въ своей комнатѣ, въ халатѣ съ бумагою въ рукахъ предъ пылающимъ каминомъ, точно такъ же, какъ я это сдѣлалъ бы сейчасъ, въ дѣйствительности, тогда какъ на самомъ дѣлѣ лежалъ голымъ въ постели. Остается изъ всѣхъ членовъ системы Аристотеля одно только мышленіе. Декартъ находитъ, что мышленіе и есть единственный атрибутъ моего „я“. „Я“ есть мышленіе, „я“ есмь, постольку существую, поскольку мыслю. Итакъ, наше „я“ есть вещь мыслящая — *res cogitans*.

Что же понимать подъ мышленіемъ? Декартъ оставилъ за душой послѣднее аристотелево опредѣленіе, ея способность мышленія. Но для Аристотеля существуетъ только вселенское мышленіе, оно тождественно во всѣхъ отдѣльныхъ человѣческихъ организамахъ. Вселенское мышленіе, по Ари-

стотелю, одинаково и сразу присутствуетъ во всѣхъ людскихъ индивидуумахъ, и въ немъ, какъ въ безличномъ, нѣтъ индивидуальныхъ перегородокъ. Точка зрѣнія Декарта на мышленіе совершенно противоположна означенному взгляду Аристотеля. Аристотелево мышленіе въ человѣка приходитъ извнѣ, „изъ-за дверей“. Декартъ отказался отъ всего внѣшняго; такимъ внѣшнимъ оказывается для него и міровое мышленіе Аристотеля, въ существованіи котораго всегда можно усумниться. Единственно достовѣрнымъ, по Декарту, является мое индивидуальное мышленіе, какъ сущность моей индивидуальной души. Такимъ образомъ у Аристотеля — вселенскій, недѣлимый *νόησις*, у Декарта индивидуальное сознаніе. Декартъ еще не могъ отрѣшиться отъ старой аристотелевой терминологіи и для обозначенія своего индивидуальнаго мышленія онъ пользуется аристотелевскимъ терминомъ *νόησις* (*cogitatio*). Если же мы вникнемъ въ содержаніе этого понятія у Декарта, то легко убѣдимся, что разница между „мышленіемъ“ Декарта и „мышленіемъ“ Аристотеля огромная.

Νόησις Аристотеля — это высшая способность духа, свободная отъ эмпирическаго матеріала и низшихъ психическихъ функций: для Декарта мышленіе прежде всего индивидуально, оно есть цѣлый міръ разнообразныхъ психическихъ актовъ. Мышленіе Декарта разнится отъ мышленія Аристотеля тѣмъ, что оно индивидуально и что, кромѣ того, въ объемъ этого понятія входитъ совокупность психическихъ актовъ, которую (совокупность) современная психологія называетъ не мышленіемъ, а сознаніемъ.

Итакъ, душа, по Декарту — *res cogitans*. Такое опредѣленіе души содержитъ въ себѣ два пункта сознанія. Во 1-хъ, наша внутренняя увѣренность, что наше „я“ есть *res*, т. е. что оно нѣчто существующее въ истинномъ смыслѣ, а не такъ, какъ другія вещи, существованіе которыхъ я раньше отвергалъ; во 2-хъ, характеристика нашего „я“ — это то, что оно есть *cogitans*, т. е. мышленіе, притомъ не міровое,

но индивидуальное мышленіе, такъ какъ, кромѣ индивидуальной мыслящей субстанціи, ничего нѣтъ. И въ объемѣ этого понятія (мышленія), по ученію Декарта, содержатся не только высшіе познавательные акты души, но и вся совокупность низшихъ, даже психо-физическихъ актовъ сознанія, отнесенныхъ Аристотелемъ въ область смертной души или функцій организма.

Первое, абсолютное достовѣрное знаніе о душѣ, являющееся въ результатъ длительного и мучительнаго сомнѣнія во всемъ, указываетъ на то, что наше „я“, душа, является прежде всего чѣмъ-то достовѣрно существующимъ, тѣмъ, что до Декарта называли субстанціею . . . Открывъ новое психологическое начало — индивидуальное самосознаніе, — Декартъ обозначаетъ его стариннымъ терминомъ *res* — вещь, бытіемъ — „субстанціею“. А вѣдь между понятіемъ субстанціи у греческихъ философовъ и субстанціею Декарта — громадная разница. Декартъ въ понятіи субстанціи (хотя онъ самъ и не употреблялъ этого термина въ примѣненіи къ индивидуальной душѣ) мыслить что-то имматеріальное, состояніе сознанія. О такой тоже нематеріальной субстанціи говорили и древніе идеалисты — Платонъ и Аристотель. Разница между древними и отцемъ новой философіи будетъ состоять въ слѣдующемъ. Для Платона и Аристотеля субстанція есть прежде всего идея, идеальный образъ вещей (*τύπος*), отдѣльныя вещи обнимаются, содержатся въ идеѣ, но сами не будутъ идеями; послѣднія являлись общими „универсалиями“, подъ которыя подводилось всякое отдѣльное бытіе. Декартъ, пользуясь терминомъ древнихъ грековъ, сохраняетъ лишь часть его содержанія — непремѣнное существованіе, и отвергаетъ другой, чрезвычайно важный въ теоріяхъ грековъ, атрибутъ субстанціи — идеи, ея внѣшнюю объективность по отношенію къ моему „я“, моему сознанію. Для него абсолютно достовѣрно существуетъ лишь индивидуальное „я“, какъ абсолютно достовѣрная субстанція, которая не имѣетъ общаго значенія. Говоря такъ, Декартъ

становится еретикомъ во отношеніи древнихъ идеалистовъ. Вѣдь съ точки зрѣнія Аристотеля — субстанція Декарта, какъ нѣчто индивидуальное, хотя и есть „первая субстанція“, но не можетъ даже быть предикатомъ къ чему-либо, но какъ субъектъ (*ὑποκείμενον*), она сама нуждается въ предикатахъ.

Не менѣе далеко уходитъ Декартъ отъ древнихъ идеалистовъ въ пониманіи второго атрибута души — *cogitatio*. Для насъ не представитъ никакого труда уяснить себѣ эту разницу, если мы воспроизведемъ себѣ путь размышленій, приведшихъ Декарта къ этому опредѣленію души.

Пытаясь опредѣлить наше мыслящее и сомнѣвающееся „я“, Декартъ перебиралъ аристотелевы опредѣленія способностей души: питаніе, ходьбу, ошущеніе и разумъ. Въ результатѣ анализа этихъ свойствъ оказалось возможнымъ остановиться лишь на послѣднемъ аристотелевомъ опредѣленіи души, высшей ея способности — мышленіи. Старый аристотелевъ терминъ — *cogitatio* у Декарта сталъ обозначать со-всѣмъ другое содержаніе, а именно — міръ сознанія, какъ совокупность психическихъ и психо-физическихъ актовъ. Вливая новое вино въ старые мѣхи, Декартъ какъ бы самъ даетъ въ руки противниковъ оружіе для нападенія на его главныя позиціи.

Уже вскорѣ за обнародованіемъ его „Метафизическихъ размышленій“ посыпались возраженія со стороны такихъ видныхъ философовъ, какъ Гоббзъ и матеріалистъ Гассенди. Возраженія объясняются тѣмъ именно обстоятельствомъ, что Декартъ для своего, открытаго его геніемъ, психологическаго матеріала не установилъ новаго термина — „сознаніе“, но воспользовался старой аристотелевою терминологіей — „мышленіе“. Декартъ вынужденъ былъ отвѣчать своимъ противникамъ; его отвѣты обыкновенно печатаются послѣ „Метафизическихъ размышленій“; по объему они гораздо больше послѣднихъ и представляютъ для специалистовъ большой интересъ.

Гассенди, между прочимъ, возражаетъ Декарту съ точки зрѣнія аристотелевой логики. Онъ останавливается

на главномъ тезисѣ Декарта: *cogito ergo sum*. Въ старыхъ схоластическихъ примѣрахъ *ergo* всегда обозначаетъ переходъ отъ второй (меньшей) посылки къ выводу. Выходить, значитъ, что тезисъ Декарта — *cogito ergo sum* есть не что иное, какъ обрывокъ скрытаго силлогизма. А именно: на лицо мы имѣемъ здѣсь только вторую (меньшую) посылку — *cogito* и выводъ — *ergo sum*, а большей посылки нѣтъ, но ее легко возстановить въ умѣ: всѣ, кто мыслить, существуютъ. Слѣдовательно, у насъ будетъ на лицо такой силлогизмъ:

omnes, qui cogitant, sunt,
ergo cogito

ergo sum

отсюда открытіе — *cogito ergo sum* зависитъ отъ большей посылки, а что касается меньшей (*cogito*), то она только подводится подъ большую. А откуда взялась большая посылка? На чемъ основывается существованіе всѣхъ людей, если они мыслятъ?

На это очень серьезное съ точки зрѣнія аристотелевой логики возраженіе Декартъ отвѣчалъ въ томъ смыслѣ, что *ergo* въ его тезисѣ нельзя трактовать такъ, какъ понимали его логики аристотелевой школы, а, слѣдовательно, и Гассенди. Въ тезисѣ (*cogito ergo sum*) *ergo* — только присловіе, которымъ обозначается простой переходъ отъ одной мысли къ другой, а не логическій выводъ изъ двухъ посылокъ. Для Декарта обѣ половины этого тезиса — *cogito ergo sum* — равнозначущи: я мыслю, т. е. и существую. Существованіе, по Декарту, ни въ чемъ иномъ и не состоитъ, какъ лишь въ мышленіи; я — *res cogitans*, а самое бытіе моего „я“ — (сознаніе) мышленіе. Отсюда понятно, что тезисъ Декарта не основывается на аристотелевой логикѣ, что его меньшая посылка (*cogito*) всецѣло индивидуальнаго происхожденія, а *ergo* указываетъ не на выводъ, но на пунктъ сознанія, который еще далекъ отъ логическаго вывода.

Тезисъ Декарта (*cogito ergo sum*) содержитъ въ себѣ очень важное свидѣтельство: абсолютно достовѣрное и самоочевидное знаніе своего „я“, какъ мыслящей вещи. Но это знаніе о нашей душѣ дѣлается не на основаніи какихъ-либо внѣшнихъ посылокъ, оно (знаніе) ничѣмъ не обусловлено, но непосредственно содержится въ нашемъ „я“. Очевидно, Декартъ отказывается отъ метафизическихъ предпосылокъ для обоснованія своего тезиса; онъ довольствуется свидѣтельствомъ непосредственнаго сознанія. Однимъ словомъ, утвержденіе — *cogito ergo sum* — это фактъ самонаблюденія, а не логическій выводъ изъ другихъ, находящихся въ нашемъ разумѣ посылокъ.

Затѣмъ, не мало недоразумѣній вызвалъ другой терминъ въ тезисѣ Декарта — *cogito*. „Я мыслю, я существую“, но спрашивается, сколько времени я существую? Декартъ отвѣчаетъ: „я есмь, я существую“ — это достовѣрно. Но сколько времени? Столько, сколько мыслю; ибо возможно и то, что я совсѣмъ пересталъ бы существовать, если бы окончательно пересталъ мыслить. Изъ этой цитаты можно замѣтить, насколько Декартъ остороженъ въ выраженіяхъ: одно онъ хочетъ подчеркнуть, что „я“ существуетъ только, какъ мыслящее существо. Строгий математическій умъ Декарта запрещалъ ему переходить отъ интуитивнаго воспріятія своего „я“ къ чисто метафизическому утвержденію этого „я“, какъ субстанции, не имѣющей ни начала, ни конца. Наше „я“ сознаётъ себя существующимъ и это самое существованіе его есть сознаніе: но сколько времени будетъ продолжаться бытіе моего „я“ — не знаю. Очевидно одно: когда я мыслю — существую; перестаю мыслить — не существую. Такимъ образомъ Декартъ не даетъ опредѣленнаго отвѣта на вопросъ, является ли наша душа, міръ моего сознанія — субстанціею? Но для философа-метафизика (какъ напр., Лейбницъ) видно, что Декартово „я“ — субстанція и характеризуется эта субстанція тѣмъ, что она есть мышленіе.

Такой взглядъ Декарта на душу человѣка вызвалъ жестокій отпоръ со стороны Локка.

Локкѣ продолжалъ дѣло Декарта, но въ своемъ „Опытѣ о человѣческомъ разумѣ“, именно въ I-ой книгѣ, а затѣмъ и во II-ой, возражая противъ прирожденныхъ идей, рѣзко напалъ на своего предшественника.

Возраженіе Локка на „мышленіе“ Декарта можно формулировать слѣдующимъ образомъ: Декартъ рассуждаетъ: „я существую столько времени, сколько я мыслю“. Локкѣ хотеть опровергнуть Декарта и приводить такой примѣръ (II кн.). Я сплю крѣпкимъ, здоровымъ сномъ безо всякихъ сновидѣній. Въ это время я ничего не мыслю; слѣдовательно, стоя на точкѣ зрѣнія Декарта, придется сказать, что въ это время мое „я“ уже не существуетъ, оно равно нулю (0). Это возраженіе также обязано — неудачной терминологіи Декарта. Самъ Локкѣ точно не формировалъ своего возраженія; но вполне очевидно, что оно имѣетъ въ виду показать: какъ а я же наше „я“ — с у б с т а н ц і я, если бываютъ моменты, когда она перестаетъ существовать. Возраженіе Локка очень сильно, и если бы живъ былъ Декартъ, то ему бы трудно было опровергнуть его.

Вызванныя возраженіемъ Локка недоумѣнія блестяще разрѣшилъ другой, гениальный продолжатель Декарта — Лейбницъ.

Мы видѣли осторожность Декарта при опредѣленіи нашего „я“. Единственно достоверно сказано о немъ лишь то, что оно называется мыслящей вещью (*res cogitans*) и совѣмъ, по его словамъ, безразлично, „назовемъ ли мы его душою, или разумомъ, или умомъ“. Сознаніе Декарта носитъ качественный характеръ: оно есть отличіе моего „я“ отъ внѣшнихъ вещей. Лейбницъ къ этому атрибуту сознанія присоединяетъ еще и другой — количественный его характеръ.

Для Лейбница сознаніе по своей энергіи не представляетъ одной и той-же величины во всякое время. Мы можемъ наблюдать постоянныя въ немъ перемѣны: оно (сознаніе) то увеличивается, то ослабѣваетъ. Каждый изъ насъ, слѣдя за собой, можетъ убѣдиться, какъ отъ самыхъ бурныхъ припад-

ковъ, напр., гнѣва или радости мы постепенно переходимъ въ нормальное спокойное состояніе. Сознаніе — величина далеко не постоянная. И вотъ, когда мы бодрствуемъ и имѣемъ множество разнообразныхъ перцепцій, то сознаніе наше болѣе интенсивно, чѣмъ во снѣ, когда за отсутствіемъ внѣшнихъ впечатлѣній оно достигаетъ *minimum'a*. Приведенный выше Локкомъ примѣръ еще не доказываетъ, что во снѣ сознаніе совершенно обрывается, умираетъ. Сознаніе, по Лейбницу, является психической величиною, бытіемъ. А если это такъ, то законы логики и математики запрещаютъ предположить, что какое бы то ни было бытіе могло превратиться въ небытіе, нуль (0). Еще греки (особенно элейцы) доказывали, что изъ ничего ничто не происходитъ и что нѣчто не можетъ превратиться въ ничто, въ небытіе. Эту мысль Лейбницъ распространилъ на физическій актъ смерти и доказывалъ, что и смерть — не абсолютная гибель индивидуальнаго сознанія, но только временное его замираніе. Тѣмъ болѣе нельзя говорить о прекращеніи сознанія у спящаго. Въдь если бы во снѣ сознаніе прекращалось, умирало, то какимъ же образомъ появилось бы сновидѣніе, да и могъ ли бы спящій вообще проснуться и съ пробужденіемъ ото сна сознавать опять? Откуда въ такомъ случаѣ опять появилось бы у него сознаніе? Отсюда ясно, что сознаніе, какъ величина, непостоянна, но безусловно непрерывна. Оно не можетъ превратиться въ „нуль“, такъ какъ самъ „нуль“ является только нанею идей, обозначающей отсутствіе чего-то: абсолютнаго же нуля нѣтъ, и онъ не представимъ.

При изложеніи психологическихъ взглядовъ Декарта мы неоднократно могли убѣдиться въ оригинальности и самобытности этого философа по отношенію къ господствовавшимъ до него — психологическимъ взглядамъ Аристотеля. Теперь мы укажемъ на общую причину, заставившую Декарта свернуть съ психологическаго пути, указаннаго Аристотелемъ, и толкнуться въ другую сторону, открыть новый путь для психологическаго изслѣдованія.

Аристотель является въ древнее время творцомъ психологіи. Обладая необычайнымъ запасомъ эмпирическаго знанія, исчерпавъ въ своихъ сочиненіяхъ всю опытную область психологіи, онъ все-таки не придавалъ ей, какъ научной дисциплинѣ, особаго самостоятельнаго значенія.

Психологія Аристотеля — законная дочь его метафизики; она произошла отъ послѣдней и всѣ психологическіе взгляды Аристотеля носятъ на себѣ печать его метафизики. Стѣбитъ припомнить аристотелево опредѣленіе души, какъ „первой энтелехіи физическаго организованнаго тѣла“. Если это опредѣленіе услышитъ такой простецъ, какимъ себя представляетъ Декартъ, то онъ не пойметъ, что такое душа. Это объясняется всецѣло тѣмъ, что аристотелево опредѣленіе души тѣсно связано съ метафизикой этого философа. Не только Аристотель, но и первые психологи-греки старались поставить въ связь свои психологическіе взгляды съ метафизической своей системою. Психологія Аристотеля еще тѣснѣе, чѣмъ у нихъ, связана съ его метафизикой и безъ нея совершенно непонятна. Въ самомъ дѣлѣ, что такое энтелехія? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, нужно припомнить почти всѣ основные пункты аристотелевой философіи, его идею развитія, ученіе о тѣлѣ физическомъ, организованномъ и неорганизованномъ; словомъ, намъ придется привести цѣлый рядъ метафизическихъ опредѣленій, и только тогда мы поймемъ аристотелеву душу, какъ „первую энтелехію физическаго организованнаго тѣла“.

Когда отъ этого гиганта древней философіи мы обратимся къ отцу новой философіи — Декарту, то мы подивимся нашему геніальному простецу, который закрылъ глаза на дебри аристотелевой и всякой вообще универсалистической метафизики, указавъ душу тамъ, гдѣ ея до него никто не искалъ. А мы знаемъ, что до Аристотеля греки усиленно искали душу и видѣли ее то въ огнѣ, то въ воздухѣ, то въ атомахъ, то въ идеяхъ; въ собственное же сознаніе никто изъ нихъ не догадался заглянуть; Декартъ первый указалъ на эту область,

на область нашего сознанія, откуда мы почерпаемъ единственно достовѣрное и абсолютно несомнѣнное знаніе — *cogito ergo sum*. Мы знаемъ уже, какъ отвѣтилъ Декартъ на то возраженіе Гассенди, что де его тезисъ является выводомъ изъ большей посылки — *omnes, qui cogitant, sunt*. Декартъ категорически утверждаетъ, что его положеніе (*cogito, ergo sum*) — есть не выводъ силлогизма, а наша непосредственная увѣренность, опирающаяся на непосредственное свидѣтельство, констатированіе нашего сознанія. Изъ этого мы убѣждаемся, что взгляды Аристотеля и Декарта на нашу науку разнятся, какъ — небо отъ земли. Въ первомъ случаѣ, т. е. у Аристотеля психологія не имѣла широкаго значенія, а была лишь частью, надстройкой метафизики, въ задачу которой входило объяснить душу, — органическую силу, какъ и все существующее вообще. Основа психологіи у Аристотеля не эмпирическая, но метафизическаго характера. Аристотель разсматриваетъ вопросы о душѣ, какъ о міровомъ факторѣ — и ближайшимъ образомъ, какъ о факторѣ тѣла, безъ котораго душевныя способности имъ и не разсматриваются.

Декартъ элиминируетъ тѣло, онъ отбрасываетъ его, какъ и всѣ предметы внѣшняго міра. Свою руку я чувствую, ощущаю, какъ и другіе внѣшніе предметы; а разъ я заподозрилъ достовѣрность и несомнѣнность всего ощущаемаго мною разнообразія вещей, то я и могу сомнѣваться въ существованіи моей руки и всего моего тѣла. Межъ тѣмъ Декартъ ищетъ достовѣрнаго. И такимъ именно знаніемъ является чистое бытіе души, въ чемъ бы оно ни оказалось, въ мысляхъ, чувствахъ, ощущеніяхъ и т. п.

Такимъ образомъ Декартъ является родоначальникомъ новой психологіи, какъ по духу, такъ и по направленію отличающейся отъ психологіи грековъ. Его методъ изслѣдованія совершенно иной, чѣмъ у грековъ вообще и въ частности у Аристотеля. Аристотель соединяетъ свою психологію съ метафизикою и его опредѣленіе понятно только для тѣхъ, кто знаетъ его метафизику. Для Декарта нѣтъ предварительнаго

метафизическаго знанія; напротивъ онъ стремится найти абсолютно достовѣрное знаніе, которое опирается на наше внутреннее, эмпирическое сознаніе. Слѣдовательно, по Декарту психологія его *eo ipso* не можетъ быть метафизической, потому что она сама по себѣ не даетъ намъ никакого метафизическаго знанія. Психологія даетъ намъ познаніе души и это знаніе не вытекаетъ изъ какихъ-нибудь предпосылокъ, но является результатомъ непосредственнаго сознанія.

Однако, мы должны обратить вниманіе на то обстоятельство, что Декартъ этимъ не ограничивается: въ дальнѣйшихъ своихъ разсужденіяхъ онъ построяетъ и свою метафизику, исходя изъ несомнѣннаго свидѣтельства нашего сознанія. Выходитъ, значить, что Декартъ строить свою метафизику на психологіи. Здѣсь мы можемъ наблюдать ту пропасть, какую Декартъ отдѣляется отъ Аристотеля. У послѣдняго на первомъ планѣ стоитъ метафизика, потомъ психологія; Декартъ наоборотъ сначала утверждаетъ несомнѣнно свидѣтельство нашего сознанія, 1) что „я“ существую и 2) что я есть *cogitatio* (сознаніе). Уже на этой психологической первоначальной базѣ онъ сооружаетъ свою метафизику. Если у Аристотеля психологія, какъ наука, является надстройкой, то у Декарта она является уже фундаментомъ, на которомъ зиждется всякое дальнѣйшее и метафизическое, и всякое вообще знаніе. Впрочемъ, мы здѣсь должны оговориться. Ни Аристотель, ни Декартъ не задавались прямой цѣлью создать психологическія системы. Хотя Аристотель и создалъ особый типъ психологіи, но къ этому онъ пришелъ окольнымъ путемъ. Психологическіе трактаты Аристотеля явились необходимымъ слѣдствіемъ его главнаго стремленія подвести всѣ области человѣческаго знанія къ „началамъ“ своей метафизической системы, построить цѣльную систему знанія, базируя на этомъ метафизическомъ основаніи. При осуществленіи своихъ намѣреній Аристотелю приходилось сталкиваться съ разнообразными областями знанія, и онъ, дѣйствительно, оста-

вилъ намъ очень цѣнныя изслѣдованія по этикѣ, риторикѣ, логикѣ, поэтикѣ, политикѣ и др. наукамъ.

Декартъ совершилъ переворотъ въ психологіи, создалъ новый типъ ея, но онъ не имѣлъ въ виду писать психологію, какъ науку. Стремясь построить знаніе метафизическое, онъ проводитъ его по психологическому пути. Научная психологическая работа началась послѣ Декарта. Локкъ въ своемъ философскомъ творествѣ уже руководится чисто-психологическимъ матеріаломъ. Что же касается Декарта, то онъ не задавался опредѣленной цѣлью сдѣлаться психологомъ, но онъ-то именно сдѣлалъ возможнымъ самое появленіе психологіи, какъ науки, какъ самостоятельной области знанія. Аристотель связывалъ душу съ тѣломъ; душа у него — „первая энтелехія физическаго организованнаго тѣла“. Связь, зависимость психологіи отъ метафизики въ системѣ Аристотеля была настолько тѣсною, что психологія не могла существовать самостоятельно, но была лишь надстройкою, дополнительной частью метафизики. Декартъ доказалъ, что наше тѣло, какъ и всѣ предметы внѣшняго міра, не является абсолютно достовѣрнымъ нашимъ знаніемъ, а такимъ знаніемъ Декартъ признаетъ лишь внутренній міръ нашего сознанія, совокупность душевныхъ актовъ, въ которыхъ уже нельзя усумниться. Доказавъ, что человѣческая душа не что иное, какъ особый міръ сознанія, Декартъ полагаетъ самостоятельный объектъ для науки психологіи; она получаетъ въ силу этого самостоятельное значеніе. И только послѣ Декарта стало возможнымъ говорить о наукѣ психологіи, какъ самостоятельной научной дисциплинѣ.

Эмпирическое направленіе психологіи расцвѣло и принесло обильные плоды въ Англіи въ лицѣ знаменитыхъ представителей — психологовъ англійской школы, особенно же Локка и Юма. Представители эмпирическаго направленія сосредоточили свое вниманіе на области сознанія, открытой Декартомъ и существованія которой до него и не подозрѣвали. Всѣ свои усилія они приложили къ тому, чтобы всесторонне

изучить и научно разработать детали міра сознанія и этими усиліями своими построили науку психологіи въ современномъ смыслѣ.

Подъ рукою Канта направленіе рачіоналистическое претерпѣло жестокую критику. Кантъ былъ ученикомъ Лейбница; хотя онъ и не имѣлъ подъ руками всѣхъ сочиненій Лейбница, но познакомился съ его идеями черезъ вольфіянцевъ. Всякій критицизмъ опирается на критицизмъ Декарта и на основной принципъ его философіи — на фактъ непосредственнаго, внутренняго сознанія. Развивая критическіе взгляды Декарта, Кантъ отказывается, однако, отъ психологическаго основанія этой критики, которое создалъ Декартъ, и является вообще жестокимъ противникомъ психологической методы изслѣдованія въ философіи.

Отвергая совершенно психологію при рѣшеніи гносеологическихъ вопросовъ, Кантъ сбивается съ пути, указаннаго Декартомъ, и извращаетъ его критицизмъ, почему созданное имъ зданіе не оказалось особенно прочнымъ. Даже сами кантіанцы признають, что философія Канта содержитъ въ себѣ много очень трудно согласимыхъ противорѣчій.

II. Лейбницъ.

Еще раньше намъ приходилось упоминать о томъ, что въ основѣ рачіоналистическаго направленія въ психологіи лежатъ взгляды второго величайшаго генія новой философіи — Лейбница. При жизни Лейбницъ не успѣлъ изложить всей своей философской системы и вообще опубликовалъ только часть своихъ сочиненій. Важнымъ матеріаломъ для знакомства съ его ученіемъ являются многочисленныя письма этого философа. Вообще, въ XVII-омъ вѣкѣ письма были чѣмъ-то въ родѣ трактатовъ, съ помощью которыхъ философъ знакомилъ интересующихся съ своими взглядами. Письма Лейбница представляютъ изъ себя такой громадный матеріалъ

что изданіе ихъ сопряжено съ немалыми трудностями. Трудность изученія этихъ писемъ и ихъ разбора много зависитъ и отъ универсализма его учености. Лейбницъ обладалъ болѣе обширной эрудиціею, чѣмъ самъ Аристотель. Онъ былъ 1) замѣчательный богословъ; 2) какъ юристу, ему еще въ 17 лѣтъ предлагали кафедру юридическихъ наукъ; 3) былъ геніальнымъ математикомъ: открылъ исчисленіе безконечно малыхъ величинъ; 4) какъ философъ, онъ равенъ Платону, Аристотелю и Декарту; 5) какъ историкъ, онъ первый показалъ, какъ нужно научно пользоваться историческими документами и т. д. Но эта разносторонность его учености помѣшала ему сосредоточиться и изложить свое ученіе въ стройномъ философскомъ трактатѣ.

Главное философское произведеніе Лейбница — „Монадологія“ — написана имъ по совершенно случайному поводу. Знаменитый въ то время полководецъ — принцъ Евгений Савойскій, если вѣрить преданію, заинтересовался философіею Лейбница и попросилъ его изложить вкратцѣ свою систему. Лейбницъ написалъ небольшое сочиненіе, гдѣ онъ набросалъ въ видѣ конспекта основные пункты своей философіи. Его „Монадологія“ разбита на параграфы и такъ какъ она не имѣетъ ни введенія, ни комментаріевъ, то каждый параграфъ ея требуетъ разъясненія.

Самое названіе его сочиненія „Монадологія“ показываетъ, что система Лейбница основывается на понятіи монады. Монада — греческое слово (*μονάς* — единица) и указываетъ на то, что философія Лейбница есть философія индивидуальной субстанціи.

Лейбницъ былъ величайшимъ знатокомъ всей предшествовавшей философіи; онъ прекрасно зналъ Платона, Аристотеля и схоластиковъ. Еще въ 11 лѣтъ онъ читалъ, какъ романы — „*ut fabulas milesias*“ — хитроумные схоластическіе трактаты. Отъ схоластиковъ онъ обратился къ чистому матеріализму, объяснявшему міръ съ атомистической точки зрѣнія.

Философія Демокрита точно такъ же, какъ и философія Лейбница, является проповѣдью индивидуальной субстанціи. Индивидуальная субстанція Демокрита — это матеріальный атомъ, недѣлимая частица матеріи. Весь міръ, по теоріи Демокрита, состоитъ изъ совокупности недѣлимыхъ матеріальныхъ частицъ.

Лейбницъ, какъ мы уже говорили, сначала былъ одно время приверженцемъ атомистической теоріи. Но впоследствии онъ прекрасно созналъ недостатки ученія древнихъ атомистовъ. Разъ атомъ — матеріальная частица, то онъ дѣлится до безконечности и, слѣдовательно, выработанная древними атомистами идея объ индивидуальной недѣлимой тѣлесной субстанціи не можетъ не заключать въ себѣ противорѣчія. Здѣсь и лежитъ переходъ къ духовному атому или монадѣ. Что же такое духовный атомъ или монада?

Для обозначенія индивидуальной субстанціи Лейбницъ принимаетъ терминъ „монада“, полагая, что міръ составляется изъ живыхъ единицъ. Въ этомъ отношеніи онъ сходится съ атомистами, тоже видѣвшими въ мірѣ сумму отдѣльныхъ индивидовъ-единицъ. Разница лишь въ пониманіи свойствъ атомовъ.

У древнихъ атомъ — наималѣйшая частица, матеріальное не подлежащее дробленію тѣльце. Сначала матеріалистъ, Лейбницъ переходитъ къ слѣдующему ученію объ атомахъ: въ ученіи объ атомахъ — здоровое ядро, но что они матеріальны, съ этимъ Лейбницъ не соглашается. Онъ считаетъ матерію способною къ безконечному дѣленію, поскольку пространство способно къ безконечному (мысленно) дѣленію; матерія же есть наполненное пространство. Слѣдовательно, допуская доктрину безконечнаго дѣленія, необходимо допустить иныя свойства. Но атомъ, по Лейбницу, — духовный, а не матеріальный. Здѣсь коренное различіе между нимъ и древними атомистами.

Въ поискахъ духовной субстанціи Лейбницъ принимаетъ доктрину Декарта. Субстанціи, именно, должны быть духовными. Такимъ образомъ, отдѣльная субстанція есть декартов-

ское „Я“. Мы сознаёмъ въ себѣ субстанцію, не изучая внѣшняго міра. Аристотель, учившій тоже о субстанціяхъ, полагалъ, что человѣкъ ищетъ субстанціи въ изнаніи идей во внѣшнемъ мірѣ, во внѣ. Декартъ же обратился въ собственную душу, давъ этимъ критическую философію, которая отвергаетъ всѣ сомнительныя познанія, утверждая познанія на внутреннемъ самосознаніи — на томъ, что намъ всего ближе и легче нами усвояемо.

Лейбницъ воспользовался и ученіемъ древнихъ, и выводами Декарта. Онъ сумѣлъ примирить все, далъ всеобъемлющій синтезъ разнообразныхъ системъ — и универсализма, и индивидуализма, и идеализма, и матеріализма. Онъ сдѣлалъ то, чего не могъ сдѣлать Платонъ и Аристотель. Аристотель, правда, зналъ всѣхъ своихъ предшественниковъ, но синтеза не произвелъ. У Лейбница, объединившаго все, создалась система, названная монадологіей.

Первый параграфъ „Монадологіи“ Лейбница гласитъ: „монада есть простая субстанція“. Древнюю идею о недѣлимой индивидуальной субстанціи Лейбницъ переноситъ на сознание, на человѣческое „я“, впервые открытое Декартомъ. Декартъ пришелъ къ абсолютной истинности существованія индивидуальнаго „я“, но не договорилъ до конца, не сказалъ прямо: есть ли „я“ субстанція? Для него „я“ — *res cogitans* — и только; онъ даже предоставляетъ полную свободу называть его „душою, духомъ или разумомъ“ (см. выше). Лейбницъ ставитъ точку надъ і: онъ говоритъ, что наше „я“, человѣческая душа, есть субстанція: эта субстанція индивидуальна; она — монада. Монада, или просто душа, есть простая субстанція, не имѣющая частей. Монада, какъ духовный атомъ, недѣлима, не имѣетъ частей. А что не имѣетъ частей, то не можетъ быть сложнымъ; по этому же монада или душа не имѣетъ ни пространства, ни фигуры. Въдъ идея пространства предполагаетъ связь частей, а въ душѣ (монадѣ) нѣтъ такихъ частей; слѣдовательно, она не имѣетъ пространства и недѣлима. Понятіе фигуры точно также предполагаетъ части,

изъ которыхъ любая фигура образуется, — въ монадѣ (въ душѣ) частей нѣтъ: слѣдовательно, она и не имѣетъ фигуры. Словомъ, монада (душа), какъ недѣлимая индивидуальная субстанція, — истинный атомъ. Такъ гениально Лейбницъ соединяетъ идею о недѣлимой субстанціи древнихъ атомистовъ съ теорією индивидуальнаго сознанія Декарта.

Итакъ душа --- простая, не имѣющая частей субстанція; она не имѣетъ ни пространства, ни фигуры, она недѣлима. Изъ этихъ первоначальныхъ опредѣленій монады (души) Лейбницъ выводитъ и остальные.

Не имѣя пространства, монада-душа не можетъ занимать опредѣленнаго мѣста, т. е. нельзя гдѣ-либо локализовать душу. До Лейбница всѣ философы старались открыть мѣсто пребыванія души. Философы досократовскаго періода, Платонъ, Аристотель и даже еще Декартъ связывали душу съ какою-либо частью нашего тѣла: мозгомъ, сердцемъ, шишковидной желѣзой и т. п. Лейбницъ разрушаетъ всѣ эти попытки локализовать душу. Душа не имѣетъ пространства — и въ пространствѣ, вообще во внѣшнемъ мірѣ души нѣтъ, и ея нельзя связывать съ этимъ міромъ, а равнымъ образомъ и съ нашимъ тѣломъ или съ его частью. Словомъ, какъ духовной субстанціи, душѣ невозможно приписывать матеріальныхъ свойствъ: пространства, фигуры, дѣленія и мѣста.

На томъ же основаніи, что душа проста, не имѣетъ частей, Лейбницъ строитъ доказательство безсмертія души — второго метафизическаго опредѣленія души. Душа не матеріальна, не имѣетъ частей, а слѣдовательно, ей не на что разложиться; душа не можетъ погибнуть, она безсмертна. Древній Гераклитъ говорилъ, что „все течетъ“; все погибаетъ и разрушается; но подъ „все“ нужно разумѣть у него вещи матеріальныя. Дѣйствительно, такія вещи могутъ и должны погибнуть, такъ какъ онѣ сложны и состоятъ изъ частей. При гибели вещь разлагается на свои составныя части. Процессъ разложенія обусловленъ первоначальнымъ процессомъ созиданія, соединенія частей въ данное единство.

Душа — проста, въ ней нѣтъ частей, изъ которыхъ она можетъ составиться — не можетъ она, слѣдовательно разложиться на несуществующія въ ней части — и понятіе гибели или смерти къ ней не приложимо. Душа безсмертна.

Лейбницъ возстаеъ противъ смертности души. По Аристотелю, душа смертна, она умираетъ вмѣстѣ съ тѣломъ. Лейбницъ говоритъ: нельзя вообразить снособъ, какимъ монада можетъ погибнуть; слѣдовательно, душа для него безсмертна. Какимъ же образомъ? Погибать могутъ только сложныя вещи, потому что онѣ — агрегатъ простыхъ субстанцій. Жизнь заключается въ томъ, что части объединяются; затѣмъ связь нарушается, и сложныя тѣла распадаются на свои составныя элементы, т. е. на монады, а сами монады простыя, несложныя и распадаться не могутъ, слѣдовательно, и погибнуть не могутъ; онѣ не имѣютъ себѣ предѣла въ будущемъ.

По той же самой причинѣ монада не имѣетъ для себя предѣла и въ ирошедшемъ. Лейбницъ задаетъ вопросъ, какъ можетъ образоваться монада? что значитъ начало чего бы то ни было? Это понятіе образовалось ли оно изъ наблюденія простыхъ вещей или сложныхъ? Родиться, образоваться — это значитъ, что простыя вещи агрегируются въ сложную величину; она начинаетъ существовать, возникла; но монада какъ была, такъ и есть, частей въ ней нѣтъ, ея изъ элементовъ сложить нельзя; слѣдовательно, мы не можемъ сказать, что она получила начало. Лейбницъ даетъ разгадку вопроса, который мучилъ философвъ и богослововъ, а именно вопроса о началѣ души. Для рѣшенія вопроса о началѣ души предлагались разныя теоріи¹⁾: а) креаціонная, что Богъ всякій разъ при рожденіи человѣка присоздаетъ новую душу; б) традукціонная теорія иолагаетъ, что родители, творя тѣло, создаютъ и душу; в) теорія преэкистенціи, предсуществованія душъ высказывалась, главнымъ обра-

1) Объ этихъ теоріяхъ см. въ переведенной подъ моею редакціею книжкѣ Густава Тейхмюллера „Безсмертіе души“.

зомъ, восточными богословами, находившимися подъ вліяніемъ метафизическихъ ученій Платона (Оригенъ). Оригенъ предполагалъ, что ни Богъ не творитъ души *ad hoc*, ни родители, но что есть души уже отъ вѣка существующія. Въ церкви господствуетъ креационная теорія, хотя этотъ догматъ не утвержденъ и не обязателенъ. Лейбницъ, выходя изъ точки зрѣнія своей монадологіи, полагаетъ, что душа не имѣетъ ни въ прошедшемъ начала, ни конца въ будущемъ, къ монадѣ не приложимы ни иространственныя, ни временныя опредѣленія, она внѣ пространства и внѣ времени. Вотъ каковъ истинный смыслъ монадологіи Лейбница; въ этихъ опредѣленіяхъ подготавливается критическая философія Канта. Философія Канта лучше всего объясняется философіей Лейбница; Лейбницъ уже понималъ, что время и пространство это только порядокъ вещей, нами устанавливаемый, только какъ способъ воззрѣнія нашего на внѣшній міръ.

Обратимся къ тому параграфу, который составляетъ святая святыхъ „Монадологіи“ (7-ой §): нѣтъ средствъ объяснить, какъ можетъ монада испытать воздѣйствіе извнѣ. Здѣсь рѣчь идетъ о томъ, возможно ли произвести въ монадѣ измѣненія, возможно ли на нее какое бы то ни было воздѣйствіе? Постановка вопроса кажется странною: разумѣется, возможно, отвѣтимъ мы сначала: вѣдь — весь процессъ познанія, вся жизнь состоитъ во взаимодействіи нашей души съ вещами внѣшняго міра: чрезо всѣ пять чувствъ міръ постоянно напираетъ на насъ. Но нужно различать двѣ вещи: чтó творится въ мірѣ, и чтó въ душѣ. Разница Лейбница отъ другихъ философовъ заключается вотъ въ чемъ. Платонъ говорилъ, что познаніе чувствами ни къ чему, будемъ искать познанія въ разумѣ; Декартъ отбросилъ познаніе внѣшняго міра; но Лейбницу, одно дѣло порядокъ истинныхъ вещей — монадъ, другое — вещей призрачныхъ или матеріальныхъ, внѣшнихъ. Чувственное представленіе міра — это есть феноменъ, но только „bene fundatum“. Это значитъ, что мы иначе себѣ, какъ матеріальнымъ, воображать внѣшній

міръ и не можемъ, это есть закономѣрное представленіе о немъ. Все — и механика, и физика вѣрны, но всѣ эти законы ихъ касаются лишь „*phaenomena bene fundata*“, все это вѣрно лишь для ряда призрачныхъ вещей, матеріальныхъ тѣлъ. Но то, что вѣрно для міра тѣлъ, то не вѣрно для душъ. Вопросъ о взаимодействіи души и матеріи есть одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ вопросовъ философіи. Платонъ говоритъ о взаимодействіи матеріи и идеи, но онъ не объяснилъ, какъ именно идея дѣйствуетъ на матерію. Аристотель показалъ, что идея можетъ дѣйствовать на матерію, напередъ уже соединившись съ одною ея частью, но это существа дѣла не объясняетъ, точно такъ же, какъ всѣ нынѣшніе физиологи не могли разгадать тайну, какъ именно физическое раздраженіе дѣлается психическимъ ощущеніемъ. Въ этомъ пунктѣ мы, по словамъ Д ю б у а - Р е й м о н а , — „*ignorabimus*“, а Лейбницъ прямо говоритъ, что взаимодействие приложимо только къ вещамъ внѣшняго міра, въ области же монадъ взаимодействия нѣтъ.

Лейбницъ опредѣляетъ монаду, исходя изъ различія двухъ порядковъ: одинъ господствуетъ во внѣшнемъ мірѣ, другой — въ мірѣ истинныхъ вещей или монадъ, при чемъ все то, что закономѣрно для тѣлесныхъ вещей внѣшняго міра, не приложимо для монады. Какъ опредѣляется монада? Она внѣ пространства, она не имѣетъ временнаго опредѣленія, не имѣетъ ни начала, ни конца. Третій вопросъ, вопросъ о взаимодействіи, относится къ тѣмъ, которые Гейне назвалъ проклятыми. Этотъ гордіевъ узелъ разбираетъ Лейбницъ.

Примѣры взаимодействия мы знаемъ во внѣшнемъ мірѣ между тѣлами. Демокритъ объяснялъ движеніе въ мірѣ тѣмъ, что одно тѣло толкаетъ другое. Такимъ образомъ одно тѣло передаетъ часть своей энергіи и заставляетъ другое двигаться. Толчекъ есть простѣйшій видъ механическаго взаимодействия, какъ мы его себѣ представляемъ. Это имѣетъ отношеніе только къ вещамъ внѣшняго міра. Особенность философіи Лейбница въ томъ, что онъ признаетъ истинность

того и другого порядка вещей; онъ говоритъ, что наука механики или наука о тѣлесныхъ взаимодействіяхъ истинна, но только до тѣхъ норъ, нока мы вращаемся въ кругѣ идей, относящихся къ матеріальнымъ вещамъ. Тутъ Лейбницъ признаетъ взаимодействіе. Самый интересный случай взаимодействія — это взаимодействіе души и тѣла. Всякій признаётъ, что онъ съ помощью души можетъ заставить свое тѣло двигаться и приводить въ движеніе вещи внѣшняго міра, и что внѣшнія тѣла черезъ наше тѣло дѣйствуютъ на нашу душу. Въ этомъ никто не сомнѣвается. Черезъ всё пять чувствъ міръ постоянно дѣйствуетъ на насъ. Декартъ сдѣлалъ оговорку: мы сознаёмъ, что есть ощущеніе, но вызвано ли оно чѣмъ извнѣ, мы не знаемъ. Если монада и душа одно и то же, то какъ одна душа можетъ дѣйствовать на другую? Какъ тѣло можетъ дѣйствовать на душу, какъ душа движетъ свое тѣло? Вопросъ этотъ рѣшается различно. Въ средніе вѣка предполагали, что есть прямое взаимоотношеніе между душой и тѣломъ (*influxus physicus*). Декартъ полагалъ, что можно найти такой органъ, гдѣ совершается превращеніе физической энергіи чувства въ психическую и обратно; онъ нашелъ одну желѣзку (*glandula pinealis*), которая поразила его тѣмъ, что она ассиметрична, между тѣмъ, какъ мозгъ имѣетъ симметрическое, парное строеніе. Онъ полагалъ, что въ этой шишковидной желѣзкѣ заключается центръ, гдѣ свершается взаимодействіе души и тѣла. Эта фантастика ничего намъ не объясняетъ. Спиноза предположилъ, что каждому акту тѣла соответствуетъ актъ души, благодаря тому, что въ Богѣ два атрибута. Это тоже мало говорящая попытка рѣшенія вопроса параллелизмомъ. Затѣмъ попытка окказіоналистовъ (*occasio-chudo*): Богъ все время на сторожѣ и всякій разъ даетъ знать душѣ, когда на нее что-нибудь дѣйствуетъ извнѣ, и наоборотъ. Окказіоналисты признавали чудомъ взаимодействіе между душой и тѣломъ. Какъ приступаетъ къ дѣлу Лейбницъ? Онъ говоритъ, что взаимодействія никакого быть не можетъ и рѣшительно разрываетъ узелъ. Нѣтъ средствъ объяснить,

какъ можетъ монада претерпѣть измѣненіе извнѣ; монада живетъ своею особенною жизнью, независимою отъ внѣшняго міра.

Взаимодѣйствіе въ вещахъ внѣшняго міра, по его мнѣнію, заключается въ томъ, что, благодаря толчку, въ тѣлѣ происходитъ измѣненіе внутреннихъ соотношеній между его частями; это объясненіе никакъ не можетъ быть приложимо къ монадѣ — она не состоитъ изъ частей. Далѣе Лейбницъ употребляетъ свое знаменитое изреченіе, которое всегда повторяется при упоминаніи о Лейбницѣ: „монада вовсе не имѣетъ оконъ, чрезъ которыя могло бы что-нибудь войти или выйти изъ нея“, монада есть нѣчто закрытое абсолютно. Нѣтъ нашего дѣйствія навнѣ и наоборотъ: мы — замкнутый міръ сознанія, и нѣтъ оконъ, чтобы мы соотносились съ міромъ. Какимъ образомъ объяснить себѣ весь міръ?

Мы представляемъ его, какъ совокупность субстанцій. Жизнь заключается въ томъ, что одно дѣйствуетъ на другое — и вдругъ Лейбницъ говоритъ, что нѣтъ никакихъ оконъ, и что ничто не можетъ воздѣйствовать на душу. Онъ прибѣгаетъ къ своей знаменитой гипотезѣ „предустановленной гармоніи“ и взаимодѣйствіе пытается объяснить, не какъ реальной процессъ, а только, какъ феноменъ, но „bene fundatum“.

Каждая монада замкнута. Однако монады должны обладать какими-нибудь свойствами? Необходимо, чтобы монады чѣмъ-то отличались другъ отъ друга, имѣли свои свойства. Въ 9-омъ параграфѣ говорится, что монады должны быть отличны другъ отъ друга, потому что, если бы онѣ не отличались, не разнствовали другъ отъ друга, то не было бы и міра. Здѣсь Лейбницъ ссылается на свой законъ тождества неразличимыхъ, *identitas indiscernibilium*. Этотъ законъ имѣетъ такой смыслъ; мы всегда подводимъ вещи подъ типъ, напр., видимъ нѣсколько лошадей и подводимъ ихъ подъ одинъ общій типъ лошади. Но здѣсь только приблизительное отождествленіе. Каждая лошадь имѣетъ свое отличіе индивидуальное. Наши законы логики приблизительны. Мы отождествляемъ то,

въ чемъ не находимъ различія, устанавливаемъ родство тамъ, гдѣ не можемъ еще установить различія, а на самомъ дѣлѣ каждый индивидъ, каждая монада имѣетъ свои особенныя отличія. Рассказываютъ, что однажды на прогулкѣ въ саду Лейбницъ просилъ подыскать ему листья, которые абсолютно повторяли бы другъ друга. Здѣсь Лейбницъ практически показалъ значеніе своего закона. Въ философіи Лейбница личность получаетъ полное значеніе, каждая монада есть нѣчто само по себѣ особенное: вотъ почему система Лейбница можетъ быть названа системой критическаго индивидуализма. Всякая личность есть нѣчто отдѣльное, абсолютный міръ; и зрѣлая, и дѣтская душа представляетъ свой міръ, къ которому нужно подходить со вниманіемъ, съ уваженіемъ. Вотъ гдѣ кроется для философа-индивидуалиста источникъ уваженія къ личности человѣка.

Разсмотримъ дальнѣйшія открытія Лейбница въ области психологіи. Послѣ опредѣленія, что всякая монада есть нѣчто замкнутое, и въ нее извнѣ ничто не входитъ, Лейбницъ говоритъ, что взаимодѣйствіе бываетъ только между вещами внѣшняго міра, а жизнь души регулируется исключительно внутреннимъ началомъ.

Вопросъ о взаимодѣйствіи души и внѣшняго міра трактовался различно. Это взаимодѣйствіе признаётся за фактъ, но нѣтъ ни у кого яснаго отчета, какъ оно происходитъ. Наивная точка зрѣнія Демокрита и Эмиедокла предполагаетъ, что какъ-будто что-то извнѣ влывається въ насъ, въ наши органы чувствъ. Аристотель говоритъ, что ничего матеріальнаго въ органы чувства не проникаетъ, но что ощущенія суть энергіи матеріальныхъ этихъ органовъ.

Лейбницъ первый смѣло заявилъ, что никакого воздѣйствія извнѣ на душу быть не можетъ. И здѣсь онъ противопоставляетъ два порядка вещей: взаимодѣйствіе можетъ быть лишь между вещами внѣшняго міра, но душевная жизнь регулируется только своимъ собственнымъ внутреннимъ началомъ. Далѣе онъ набрасываетъ тѣ основные законы, которые

принимаются и современной психологіею. Въ нашей душѣ не господствуетъ всегда одинъ только моментъ, но происходитъ ихъ постоянная смѣна (законъ смѣны моментовъ сознанія).

Всякій отдѣльный моментъ состоитъ изъ многихъ, непохожихъ другъ на друга душевныхъ актовъ. Напр., у насъ сейчасъ происходитъ теченіе философскихъ мыслей, мы испытываемъ вмѣстѣ съ тѣмъ ощущенія слуха, но испытываемъ и танія, которыя тоже не имѣютъ отношенія къ даннымъ мыслямъ и чувствамъ (напр., ощущеніе холода, усталости, голода).

Такимъ образомъ, мы испытываемъ всякій разъ сразу огромное количество душевныхъ фактовъ. Однимъ моментомъ мы охватываемъ массу актовъ, но они не смѣшиваются въ одно, а сознаются, хотя и въ единствѣ момента, но отдѣльными (законъ нераздѣльности и несліянности элементовъ сознанія).

Какъ же происходитъ эта смѣна моментовъ? „Естественное измѣненіе совершается постепенно“, т. е. все совершается постепенно, какъ говорили схоластики: *natura non operat per saltus* — природа не знаетъ прыжковъ. Этотъ законъ постепеннаго развитія Лейбницъ утилизировалъ въ различныхъ областяхъ, напр., въ математикѣ. Въ этомъ измѣненіи кое-что изъ прежняго содержащаго съ исчезновеніемъ момента исчезаетъ, а кое-что переходитъ въ другой моментъ. „И слѣдовательно, (§ 13) въ простой субстанціи необходимо должна существовать множественность состояній и отношеній, хотя частей она не имѣетъ, ибо она безпространственна“.

Обратимся къ § 14.

„Преходящее состояніе, которое обнимаетъ и представляетъ собой множество въ единомъ или въ простой субстанціи, есть не что иное, какъ то, что называется перцепціею“.

Что такое перцепція? Это всего ближе можно толковать, какъ моментъ сознанія. Этотъ терминъ у психологовъ англійскихъ принимается, какъ актъ душевный,

нами сейчас переживаемый, въ отличіе отъ воспоминанія объ этомъ актѣ.

Что понимаетъ подъ этимъ терминомъ Лейбницъ? — объединенность въ одномъ моментѣ различныхъ актовъ сознанія. У Лейбница перцепція, такимъ образомъ, есть моментъ сознанія, какъ единства нѣкоего количества актовъ. Вдобавокъ, Лейбницъ различаетъ перцепціи по ихъ силѣ и интенсивности. Такъ, напр., въ моментѣ обморока, сна или душевныя силы понижаются и не такъ сильно сознаніе. Сама смерть есть пониженіе сознанія. Низкія степени сознанія называются у Лейбница малыми перцепціями.

Итакъ, нѣкоторые душевные акты доходятъ до порога сознанія, а иныхъ мы не замѣчаемъ. Терминъ „порогъ сознанія“ введенъ въ обиходъ психологіи Гербартомъ. Лейбницъ открылъ, что есть въ нашей душѣ что-то сейчасъ несознаваемое, но что въ ближайшемъ или дальнемъ будущемъ можетъ выступить на арену нашего сознанія.

У Декарта и Локка сознаніе является качествомъ, отличающимъ душевные акты. Я — res, но res самосознающая. По Декарту и Локку, душа — капиталъ, что-то готовое, я существую, какъ мыслящій, поскольку имѣю сознаніе. По Лейбницу же капиталомъ души является не только сознаваемое въ данный моментъ, но и вся громадная область безсознательнаго или несознаваемаго. Богатство души и велико, и обширно. Въ нѣдрахъ нашей души обитаетъ еще и то, чего мы не сознаемъ, но что въ ней назрѣваетъ, будетъ создано. Слѣдовательно, то, чтò, по Локку и Декарту, является всею оборотной кассою души, то, по Лейбницу, есть — нынѣшній моментъ, „теперь“ — лишь ничтожная частичка всего ея богатства.

Въ душѣ масса латентнаго. Какъ безсознательное переходитъ въ область сознательнаго, Лейбницъ не отвѣчаетъ, но отвѣтъ пытался дать Гербартъ; по мнѣнію его, у порога нашего сознанія ироисходитъ борьба представленій, какъ механическихъ силъ. Тотъ актъ, который является болѣе сильнымъ,

тотъ въ данный моментъ и пріобрѣтаетъ себѣ господство надъ остальными.

Своимъ ученіемъ Лейбницъ создаётъ теорію памяти. Память есть безсознательное храненіе въ душѣ всего пережитого: то, что выступаетъ въ данный моментъ сознанія, потомъ по прошествіи этого момента погружается въ нѣдра памяти, т. е. въ безсознательное.

За Лейбницемъ остается величайшая заслуга въ томъ, что онъ открылъ область безсознательнаго, которая сейчасъ спекулируется многими (оккультизмъ, спиритизмъ, телепатія, гипнотизмъ и т. д.).

Лейбницъ былъ великимъ психологомъ метафизическаго направленія, но онъ былъ и психологомъ эмпирическимъ, хорошимъ наблюдателемъ. На эту сторону дѣла до него никто не указывалъ, ибо Декартъ и Локкъ все время оперировали съ величинами ясными, опредѣленными, которыя у насъ имѣются въ качествѣ проявленій сознанія, перешедшихъ за порогъ. На „малыя“, т. е. безсознательныя перцепціи никто не указывалъ. Лейбницъ разрѣшилъ этотъ вопросъ съ помощью „теоріи безсознательнаго“. Ясно стало, можетъ ли прерываться сознаніе даже во время обморока, сна и смерти.

Опытъ Локка „о человѣческомъ разумѣ“ составилъ эпоху въ исторіи развитія психологіи. Чуткій Лейбницъ не отнесся къ нему безразлично; онъ посвятилъ много труда этому сочиненію Локка, пересказалъ его, во многихъ мѣстахъ улучшилъ формулировку. Локкъ пишетъ широко: Лейбницъ далъ краткую формулировку его мнѣній въ видѣ діалога, слѣдуя глава за главой („Новые опыты о человѣческомъ разсудкѣ“). Первый собесѣдникъ сообщаетъ мысль Локка, а второй (Теофиль — Боголюбовъ — этимъ Лейбницъ подчеркиваетъ, что главная цѣль его системы — опредѣлить природу Бога) даетъ поправки къ теоріи Локка. Здѣсь, между прочимъ, онъ говоритъ о малыхъ перцепціяхъ. —

„Нельзя полагать, что душа не имѣетъ представленій во время сна безъ сновидѣній. Я утверждаю, что субстанція не

можетъ быть безъ дѣятельности, и что даже не существуетъ тѣла безъ движенія“. Вотъ какъ онъ показываетъ свои новинки въ области психологіи. Удивительнымъ образомъ Локкъ не достигъ пониманія того, что въ нашей душѣ кроется много бессознательныхъ актовъ.

„Во всякомъ случаѣ, существуетъ тысяча признаковъ, позволяющихъ думать, что въ каждый моментъ въ насъ существуетъ безконечное множество перцепцій, но безъ сознанія и рефлексіи“.

Лейбницъ предвосхищаетъ новѣйшія теорія о томъ что не только бессознательные акты становятся сознательными, но и наоборотъ. Мы знаемъ, напр., что ребенокъ сперва ходитъ сознательно, но затѣмъ начинаетъ шагать механически. Точно также мы читаемъ сначала буквы, затѣмъ цѣлыя слова, и уже дѣлаемъ это механически.

„Такъ, въ силу привычки мы не обращаемъ вниманія на движеніе мельницы или на водопадъ, когда живемъ близко отъ нихъ. Это . . . не потому, чтобы это движеніе перестало дѣйствовать на наши органы (чувствъ), . . . но потому, что впечатлѣнія, существующія въ душѣ и тѣлѣ, потерявъ прелесть новизны, недостаточно сильны, чтобы привлечь наше вниманіе и память, которыя обращаются лишь на болѣе знаменательные предметы“.

На свѣжаго, значитъ, человѣка шумъ мельницы производитъ впечатлѣніе, а на самого мельника уже не производитъ, до порога его сознанія не достигаетъ.

Вотъ явленія, наведшія Лейбница на мысль о безконечно-малыхъ воспріятіяхъ.

„Привожу въ иримѣръ ревъ или шумъ моря, который мы слышимъ, бывая на берегу. Чтобы слышать этотъ шумъ, необходимо слышать части, составляющія это цѣлое, т. е. шумъ каждой волны, хотя каждый изъ этихъ шумовъ остался бы совершенно незамѣченнымъ, если бы производящая его волна была единственная“.

Шумъ одной волны не обращаетъ на себѣ вниманія, но сумма шумовъ производитъ, сливаясь, сильный шумъ.

„Иначе нельзя было бы получить воспріятія и отъ ста тысячъ волнъ, такъ какъ сто тысячъ ничто или нулей не могутъ составить нѣчто“.

Небытіе, сколько бы разъ его мы не суммировали, бытія не составитъ.

„Наконецъ, мы никогда не спимъ настолько глубоко, чтобы не обладать хоть слабымъ и смутнымъ чувствомъ, и насъ никогда не разбудилъ бы величайшій шумъ въ мірѣ, если бы мы не получили нѣкотораго воспріятія отъ его начала, весьма незначительнаго“.

Кромѣ психологическаго интереса, Лейбницемъ здѣсь руководилъ и интересъ математическій, что послужило къ созданію теоріи счисленія „бесконечно малыхъ величинъ“. Благодаря этому гениальному открытію, пересоздаются понятіе души и теорія памяти. Наша душа не состоитъ изъ одного отдѣльнаго момента: она развертывается въ видѣ бесконечной ленты, потока сознанія, ряда моментовъ.

Переходимъ къ знаменитому § 17.

„Вообще надобно признаться, что представленіе и все, что отъ него зависитъ, необъяснимо причинами механическими“.

Можно ли душу объяснить причинами механическими, можно ли искусственно, сопоставленіемъ распознанныхъ нами уже механическихъ причинъ породить душу, т. е. создать искусственно организмъ, который былъ бы носителемъ души, можно ли создать жизнь научнымъ путемъ, въ лабораторіи, въ ретортѣ химика? Если создадимъ искусственнымъ путемъ, путемъ сложенія механическихъ веществъ живое существо, хотя бы и самое низшее, то окажется, что душа (и жизнь) объясняется и создается механическими причинами. Задача создать жизнь научно-механически съиздавна волновала всѣхъ ученыхъ, особенно же настроенныхъ матеріалистически.

Средневѣковые алхимики бились надъ этимъ, желая постигнуть тайну живого организма. Они пытались создать въ своихъ лабораторіяхъ искусственнаго человека-homunculus'a. Эту тайну пытались разгадать и въ XIX вѣкѣ.

Современный матеріалистъ Геккель увѣрялъ, что онъ можетъ создать первоначальную живую протоплазму. Брался иль изъ глубинъ морскихъ (по Анаксимандру, жизнь тоже впервые появилось въ пучинахъ морскихъ), изслѣдовался; потомъ этотъ иль — батибій — пытались создать искусственно (изъ масла, соли и т. п.) и хотѣли доказать, что изъ него могутъ образоваться живыя существа, — но ничего не вышло

„Если вообразимъ себѣ машину, устройство которой производить мысли, чувства и воспріятія, то можно ее представить себѣ въ увеличенномъ видѣ, такъ что можно будетъ входить въ нее, какъ въ мельницу“.

Лейбницъ даетъ здѣсь свой знаменитый примѣръ машины-мельницы, производящей душевныя явленія.

„При осмотрѣ ея не найдемъ ничего внутри нея, кромѣ частей (т. е. колесъ, шестерень и т. п.), толкающихъ одна другую. И никогда не найдемъ такое, чѣмъ бы можно было объяснить перцепцію“.

Гдѣ же тайна нознанія души? — Декартъ уже отвѣтилъ, что мы никакой души, кромѣ своей собственной, познать не можемъ. Другой человѣкъ представляется намъ не какъ душа, а какъ матеріальное тѣло, и мы его души никогда непосредственно не постигнемъ. Мы будемъ вездѣ видѣть только машину. Разсматривая этотъ искусственный механизмъ, мы самого чужого душевнаго процесса не постигаемъ. Представленіе необъяснимо причинами механическими.

Все сказанное можетъ служить предостереженіемъ тѣмъ психологамъ, которые увлекаются возможностью въ будущемъ уловить въ экспериментѣ самую душу. Уяснить себѣ порогъ, пунктъ, гдѣ физическая энергія переходитъ въ психическую, какъ раздраженіе пересоздается въ мозгу въ психе, мы не можемъ. Душевная дѣятельность необъяснима механически.

Вопросъ о существѣ души можетъ быть разрѣшенъ только такъ, что душа внѣшними чувствами не познаваема: ее можно познать только путемъ интроспекціи, т. е. заглядыванія въ собственное сознаніе (Декартъ). Далѣе Лейбницъ переходитъ

къ вопросу о томъ, каковы степени души. Вспомнимъ, что психологія Лейбница построена — на двухъ началахъ: одно атомистическое, другое — Декартово. Лейбницъ говоритъ, что монада есть душа (§ 19). Всякая ли монада есть душа? У Декарта рѣчь шла все время о человѣческой душѣ. Онъ оперировалъ только съ высшими проявленіями души въ области ея дневного сознанія, совершенно не зная еще области безсознательнаго. Лейбницъ указалъ на сферу безсознательнаго или малыхъ перцепцій.

„Если бы мы хотѣли назвать душой все, что имѣетъ перцепціи и стремленія, то всѣ простыя субстанціи или монады можно бы назвать душами“. Лейбницъ поясняетъ, что „всѣ простыя субстанціи, характеризуемая простыми перцепціями, могутъ быть названы монадами, а души — только такія монады, перцепціи которыхъ болѣе отчетливы и сопровождаются памятью“.

Теперь онъ снова возвращается къ вопросу о безсознательномъ, напр., о томъ состояніи, когда мы ничего не помнимъ или ничего не „мыслимъ“, въ состояніи обморока, сна. Лейбницъ съ большою охотою пользуется примѣромъ Локка. У насъ бываетъ такое состояніе, когда мы фактически не имѣемъ ясныхъ перцепцій. Эти низшія состоянія души даютъ возможность составить нѣкоторое понятіе о душевной жизни животныхъ. Такимъ образомъ то, что для нашей души является н и с ш и мъ состояніемъ, для животныхъ есть обыкновенное, или даже высшее ихъ душевное состояніе. Безсознательное состояніе состоитъ въ томъ, что энергія душевной жизни ослабляется. Указывается и примѣръ — искусственное пониженіе энергіи сознанія путемъ поворачиванія въ одну и ту же сторону: Лейбницъ говоритъ, что самая смерть не есть окончательное прекращеніе нашего существованія, потому что душа неуничтожима. Сонъ же и обморокъ не являются прекращеніемъ нашего существованія потому, что они являются лишь состояніями временными. Проснувшись, мы снова вступаемъ въ сферу здраваго, полнаго и

высокаго сознанія. Такъ какъ всякое состояніе есть моментъ послѣдующій по отношенію къ предшествующему, — слѣдовательно, моменты засыпанія и просыпанія не раздѣлены, но между ними былъ цѣлый рядъ моментовъ сознанія, имѣвшихъ пониженную дѣятельность: никакого психологическаго нуля не было, такъ какъ изъ небытія не можетъ возникнуть бытіе, возвращеніе къ сознанію.

Переходимъ къ слѣдующему знаменитому афоризму Лейбница: перцепція можетъ возникнуть естественнымъ образомъ изъ другой перцепціи, какъ движеніе — изъ другого движенія. Философію Лейбница можно понимать, только въ томъ случаѣ, если все время помнить, что у насъ два порядка вещей, но терминологіи Канта, *Noobmeva* и *Phaenomena*: въ мірѣ психическомъ происходитъ одно, въ мірѣ физическомъ другое. Въ послѣднемъ измѣненіе происходитъ движеніями, одна форма энергіи переходитъ въ другую; въ мірѣ же монады нѣтъ движеній физическихъ, но тамъ происходитъ вѣчная смѣна моментовъ сознанія, между которыми не можетъ быть нуля, т. е. гибели монады. Перцепція въ душѣ можетъ произойти изъ другой перцепціи той же души, какъ одно движеніе — изъ другого движенія. Это служитъ доказательствомъ того, что монада ни на одинъ моментъ не прекращаетъ своего существованія, и кажущаяся гибель монады есть лишь временное пониженіе дѣятельностей души. Если бы въ нашихъ представленіяхъ не было ничего яснаго, то мы всегда бы находились въ безсознательномъ состояніи; мы привыкли жить только съ яснымъ сознаніемъ. Иногда намъ приходится погружаться въ глубь безсознательнаго. Современная наука указываетъ все больше фактовъ, гдѣ приходится ознакомляться съ безсознательной сферой душевной жизни. — Таковы состоянія гипноза, спиритическаго транса, *status volens'a*, испушенія астральнаго тѣла, „радѣній“ и т. д. Современная наука много занимается этими безсознательными состояніями, граничащими иногда съ безумствомъ или душевной болѣзнью; но медицина не особенно одобряетъ эту область, и она не реко-

мендуетъ пробуждать эти дремлющія сферы (небудничныя состоянія), отвращаться отъ дневного сознанія.

Безсознательныя состоянія (для насъ) — для низшихъ монадъ являются обыденною жизнью; то, что у насъ является обморокомъ или состояніемъ сна, — для животныхъ это высшее проявленіе духовной жизни. Такимъ образомъ порогъ сознанія — величина относительная и не постоянная для всѣхъ монадъ.

Если говорить о научно-сравнительной психологіи, то мы въ познаніи души животныхъ можемъ руководствоваться только аналогіею. Жизнь собакъ въ собственномъ смыслѣ не можетъ быть сравнена съ нашею; нужно имѣть въ виду разницу пороговъ сознанія. Такимъ образомъ мы можемъ судить здѣсь только по аналогіи. Основою для этой аналогіи служитъ то открытіе Лейбница, что уровень сознанія въ нашей душѣ можетъ то подниматься, то понижаться. Далѣе Лейбницъ выясняетъ старый вопросъ о томъ, что память отличаетъ высшія формы души отъ низшихъ.

„Память даетъ душѣ рядъ связи по послѣдовательности, которая походитъ на разсудокъ, но которую нужно отличать отъ него“, говоритъ Лейбницъ.

Это писано до появленія трудовъ англійскихъ ученыхъ (Юма) объ ассоціаціи идей. Эта связь послѣдовательности похожа на разсудокъ, но не есть разсудокъ. Разница между высшими и низшими монадами градуальная. У животныхъ есть нѣчто въ зачаткѣ; но нѣтъ высшаго разума. Роль разума разнообразна и высока — мы связываемъ представленія въ понятія, иодвергаемъ ихъ высшей абстракціи; у низшихъ животныхъ все это въ зачаточномъ состояніи.

При помощи памяти животныя ожидаютъ того, что было соединено въ предшествующей перцепціи, и въ нихъ возбуждаются чувства, подобныя тѣмъ, какія они тогда имѣли. Наиримѣръ, когда собакамъ показываютъ палку, онѣ припоминаютъ о боли, которую она имъ причинила: онѣ воютъ или убѣгаютъ.

Здѣсь Лейбницъ подчеркиваетъ точку зрѣнія своей сравнительной психологіи. Есть разница между Аристотелемъ и Лейбницемъ, при общей имъ основѣ сравнительной психологіи. По мнѣнію Аристотеля, души животныхъ не имѣютъ высшихъ функций, — Лейбницъ же считаетъ стчасти и высшія, и нисшія функции одинаково доступными всѣмъ субстанціямъ; разница только въ энергіи.

Послѣдніе параграфы (26—30) монадологіи Лейбница, имѣющіе психологическое содержаніе, стараются еще болѣе утвердить его общую идею о родствѣ всѣхъ монадъ между собою. Нѣтъ между ними непроходимой границы: и тутъ монады, — и тамъ монады; разница только градуальная, въ энергіи и интенсивности ихъ перцепцій.

Нужно проводить большую разницу между Лейбницемъ и картезіанцами. Лейбницъ основывается на почвѣ психологическихъ традицій, возвращается къ ученію грековъ, которые утверждали, что у животныхъ и даже у растений есть душевная жизнь; но съ другой стороны Лейбницъ возстаётъ противъ греческой привычки рубить душу на сло и. У Лейбница нѣтъ такого мнѣнія (какъ у Аристотеля), якобы одному человѣку свойственны мыслительныя функции, которыхъ нѣтъ у животныхъ — нѣкоторые зачатки разсудка есть и у животныхъ. Не нужно думать, что въ этомъ отношеніи люди абсолютно отличаются отъ животныхъ (§ 28).

„Люди, поскольку послѣдовательность ихъ воспріятій опредѣляется только по началу памяти, дѣйствуетъ, какъ животныя, и въ трехъ четвертяхъ нашихъ поступковъ мы бываемъ только эмпириками: напр., мы поступаемъ чисто эмпирически, когда ожидаемъ, что завтра наступитъ день, потому что до сихъ поръ такъ происходило всегда. И только астрономъ судить въ этомъ случаѣ при помощи разума“.

Только астрономъ поступаетъ въ этомъ случаѣ на основаніи разума потому, что онъ знаетъ о движеніяхъ земли, отъ чего бываетъ день, отъ чего зависитъ ночь, отчего происходитъ эта постоянная ихъ смѣна. Такимъ образомъ, по

Лейбницу, не нужно проводить строгихъ границъ между чело-
вѣкомъ и животными.

Но чѣмъ же тогда люди отличаются отъ животныхъ? —
Познаніемъ необходимыхъ, вѣчныхъ, высшихъ истинъ,
познаніемъ своего „я“, познаніемъ Бога. Вотъ гдѣ наше
преимущество передъ животными. Здѣсь примѣрно очерчи-
вается кругъ вопросовъ, та научная область, которая возвы-
шаетъ насъ надъ животными. Но что касается Бога, то мы
должны отмѣтить, что современная наука не совсѣмъ согла-
шается съ Лейбницемъ. Въ нѣкоторыхъ курсахъ богословія
серьезно рассматривается вопросъ, возможна ли религія у живот-
ныхъ. Предполагаютъ, что, можетъ быть, и у животныхъ есть
смутные проблески религіи.

Подведемъ итоги психологіи Лейбница. Лейбницъ является
въ исторіи европейской психологіи первымъ создателемъ психоло-
гіи метафизической. Ее продолжилъ его ученикъ Вольфъ,
затѣмъ подвергъ критикѣ Кантъ („Критика чистаго разума“).
Но какъ бы то ни было, Лейбницъ обосновалъ специально
метафизическое направленіе. Лейбницъ исходилъ изъ Декарта;
самъ Декартъ своимъ открытіемъ не воспользовался, можетъ
быть, потому, какъ раньше указывалось, что онъ былъ очень
остороженъ, а можетъ быть, потому, что, не сознавая хоро-
шенько значенія своихъ открытія, онъ устремился къ новымъ
цѣлямъ. Онъ задался цѣлью рѣшить вопросы полу-философ-
скаго, полу-богословскаго характера. Доказательства его были
подновленіемъ неудачнаго онтологическаго доказа-
тельства бытія Божія, взятаго у Анзельма Кентер-
берійскаго. Здѣсь Декартъ подмѣнилъ понятіе „вели-
чины бытія“ понятіемъ „совершенства бытія“. Декартъ здѣсь
базируетъ не на своихъ научныхъ психологическихъ откры-
тіяхъ, а ударился на старый путь платонова идеализма.
Итакъ, Декартъ не основалъ психологіи и метафизики кри-
тического индивидуализма — эту задачу выполнилъ только
Лейбницъ.

Въ основѣ его метафизики положено понятіе монады или

души. Разъ онъ положилъ въ основу всей науки душу, то онъ долженъ былъ заняться выясненіемъ свойствъ души: поэтому онъ и далъ психологію, носящую метафизическій характеръ. Лейбница душа интересуетъ постольку, поскольку онъ съ помощью этого понятія можетъ построить критическую метафизику. Ему удалось произвести массу эмпирическихъ наблюденій — надъ моментами сознанія, смѣной ихъ (потокъ сознанія), онъ пересоздалъ понятіе о душѣ, включивъ въ ея обиходъ сферу безсознательнаго (малыхъ воспріятій). Многого бы мы не узнали безъ Лейбница, или узнали бы очень поздно. За это все мы должны помянуть его добрымъ словомъ.

III. Локкъ.

Что представляетъ собою Локкъ вообще — и въ частности въ исторіи психологіи? — Онъ, какъ и Лейбницъ, невысказанно безъ Декарта, который далъ имъ импульсъ къ работѣ. Самый главный трудъ Локка „Опытъ о человѣческомъ разумѣ“ — въ значительной части посвященъ опроверженію труда Декарта.

Какъ же принимается за дѣло Локкъ? — Локкъ, какъ истый англичанинъ, беретъ за работу иначе, чѣмъ Лейбницъ — нолуславянинъ, полунѣмецъ (происходилъ изъ племени Лужицкихъ сербовъ; настоящая его фамилія Любеничъ, т. е. сынъ Любена (т. е. Любима): фамилія исковеркана нѣмцами въ Лейбница; по своему смыслу она соотвѣтствуетъ русской формѣ „Любимовъ“). Локкъ открываетъ собою цѣлое поколѣніе англичанъ, работавшихъ въ области психологіи и создавшихъ себѣ безсмертное имя. Отличительная черта большинства ихъ въ томъ, впрочемъ, что они чувствуютъ, къ сожалѣнію, инстинктивное отвращеніе къ метафизикѣ. Начиная съ Локка и до Джона Стюарта Милля, во всѣхъ нихъ найдемъ черту трезвости, будничной дѣловитости. Другая черта — многословность (въ противоположность Лейбницу), большой объемъ сочиненій.

Какая задача Локка? — Онъ былъ занятъ тѣмъ, что

далъ Декартъ, преимущественно, во второмъ своемъ „Размышленіи“. Декартъ указалъ, что душа есть *res cogitans*. Естественно, долженъ былъ появиться человѣкъ, который бы захотѣлъ подробнѣе выяснитъ составъ человѣческой души. Задача Локка можетъ быть формулирована такъ: составъ нашего обычнаго, развитогаго сознанія, разложеніе его и его исторія. Поэтому Локкъ самъ называетъ свой методъ историческимъ. Эта задача радикально отличаетъ Локка отъ Лейбница. Его не интересуеетъ, что такое душа сама по себѣ, есть ли она монада, откуда происходитъ, — его интересуеетъ все то, чѣмъ мы сейчасъ оперируемъ, откуда всѣ данныя идеи происходятъ. Локкъ совершенно не зналъ еще открытія Лейбница (безсознательная область души). Его интересуеетъ только то, что мы имѣемъ теперь, при полномъ свѣтѣ сознанія, — въ глубину же, въ сферу безсознательнаго онъ не пускается; ему чужда и точка зрѣнія сравнительной психологіи, гдѣ предметомъ изученія является душа и животнаго, и человѣка. Онъ ведетъ свое изслѣдованіе надъ человѣческой душою въ сферѣ высшаго, яснаго ея сознанія.

Какова же цѣль написанія труда Локка?

— „Итакъ моя цѣль“, говоритъ онъ, „состоитъ въ изслѣдованіи происхожденія, достовѣрности и протяженія человѣческаго знанія, вмѣстѣ съ основаніемъ и степенями вѣры, мнѣнія и согласія; я не буду теперь заниматься изученіемъ души съ физической (т. е. метафизической) стороны“.

Значитъ, Локкъ имѣетъ въ виду главнымъ образомъ гносеологическую цѣль и преслѣдуетъ не столько критику знанія, сколько происхожденіе, генезисъ его; познаніе же генезиса идей невозможно безъ психологіи.

Локкъ говоритъ, что онъ не будетъ изучать душу съ физиологической стороны, какъ этого желалъ Аристотель.

„Я не буду вдаваться въ изслѣдованія о томъ, въ чемъ ея сущность, вслѣдствіе какихъ движеній души и переменъ въ тѣлѣ мы получаемъ нѣкоторое ощущеніе черезъ свои органы“.

Особенно слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что Локкъ

называетъ свой методъ историческимъ. Слѣдовательно, задаваясь гносеологическими цѣлями, Локкъ естественнымъ образомъ приходитъ къ психологіи: желаетъ изучить, какъ возникаетъ сознание въ нашей душѣ. Можно съ полнымъ основаніемъ признать за нимъ право называть его методъ „историческимъ“, или еще лучше — аналитико-историческимъ. Онъ даетъ исторію происхожденія нашихъ идей, ихъ возникновенія: какъ онѣ изъ простыхъ дѣлаются сложными психическими агрегатами. Но, повторимъ, ему были совершенно чужды идеи о безсознательномъ; онъ желаетъ оперировать при свѣтѣ только яснаго, зрѣлаго сознанія. О своемъ методѣ Локкъ говоритъ:

„Во-первыхъ, я изслѣдую происхожденіе тѣхъ идей или понятій, которыя человѣкъ замѣчаетъ и сознаетъ . . . во-вторыхъ, я стараюсь показать, къ какому познанію приходитъ разумъ черезъ эти идеи, а также показать достовѣрность, очевидность и протяженіе этого познанія“.

Значитъ, Локкъ хочетъ говорить только о тѣхъ понятіяхъ, которыя человѣкъ самъ сознаетъ, а затѣмъ о путяхъ къ этому познанію.

„Въ третьихъ, я изслѣдую природу и основанія вѣры или мнѣнія, подъ которымъ я разумѣю наше согласіе съ известнымъ предложеніемъ, какъ истиннымъ. Здѣсь же мы укажемъ и степени согласія“.

Значитъ, придется коснуться только познавательныхъ актовъ и тѣхъ чувствъ, которыя ихъ сопровождаютъ.

Общій планъ сочиненія Локка „Опытъ о человѣческомъ разумѣ“ таковъ. Первая книга заключаетъ полемику съ Декартомъ противъ врожденности идей. Когда говорятъ о Локкѣ, то вспоминаютъ выраженіе „*tabula rasa*“. Это довольно искусственное выраженіе самому Локку не принадлежитъ. Выраженіе *tabula rasa* взято изъ латинскаго перевода (сочиненіе Локка при его жизни было переведено съ англійскаго на латинскій, мертвый языкъ, такъ какъ по-англійски немногіе тогда на континентѣ Европы могли читать). У самого Локка

есть простое выраженіе — „вайтъ пепиръ“ — „бѣлая бумага“. Полемизируя съ Декартомъ, Локкъ отрицаетъ врожденность идей, и становится такимъ образомъ, въ разрѣзъ и съ нашимъ, новымъ, современнымъ взглядомъ, который признаетъ наследственность. Теперь никто не согласится съ Локкомъ, такъ какъ на этой якобы бѣлой бумагѣ много написано такого, напр., чѣмъ грѣшили предки новорожденного (болѣзни, алкоголизмъ). Первая часть „Опыта“ имѣетъ четыре главы. Вторая часть особенно важна для психологіи. Она имѣетъ 33 главы. Третья часть — очень интересная для специалиста, но мало читаемая. Въ ней Локкъ трактуетъ о соотношеніяхъ языка съ психологическими элементами и о соотношеніи того и другого съ вещами. Въ ней 11 главъ. Четвертая часть о проблемахъ знанія и его видахъ.

Самый центръ тяжести для нашихъ цѣлей во II-ой книгѣ. Здѣсь есть главы чисто гносеологическія, но есть главы и чисто психологическаго характера. Укажу общее ея содержаніе. 1) Объ идеяхъ и ихъ происхожденіи; 2) о простыхъ идеяхъ. 3) Объ идеяхъ одного чувства 5) О простыхъ идеяхъ различныхъ чувствъ; о простыхъ идеяхъ рефлексіи 6) О простыхъ идеяхъ какъ ощущенія, такъ и рефлексіи и т. д.

Въ первой главѣ второй части Локкъ желаетъ дать намъ исторію всего того, чѣмъ мы располагаемъ въ зрѣломъ возрастѣ. Здѣсь онъ также исходитъ изъ схемы Декарта. Декартъ раздѣляетъ идеи по ихъ происхожденію на три порядка: 1) идеи *innatae* — врожденные, 2) *a me ipso factae* — мною самимъ созданныя и 3) *adventitiae* — идеи пришлыя. Точка зрѣнія вполне разумная. Локкъ не удовлетворяется схемою Декарта и утверждаетъ, что врожденныхъ идей у человѣка нѣтъ. Откуда же идеи? — Есть четыре источника: 1) идеи привходятъ въ душу при помощи одного какого-нибудь внѣшняго чувства. Но Локкъ не объясняетъ, что такое чувство, что значитъ „приводить извнѣ“ и какъ привходитъ, какъ образуется психологическая величина. Объ этомъ Локкъ не

хочетъ разсуждать. 2) Другія идеи приходятъ извнѣ при посредствѣ бѣльшаго числа чувства (не одного). Объ этомъ толковалъ и Аристотель (о б щ е е ч у в с т в и л и щ е). 3) Идеи получаютъ при помощи рефлексіи. 4) Идеи приходятъ и изъ ощущенія, и изъ рефлексіи.

Итакъ, есть двѣ главныя общія области: 1) область ощущеній — (sensation-сенсэиенъ, сенсація, внѣшній опытъ) и 2) область внутренняго опыта — (reflexion-рефлэкшенъ, рефлексія).

„Подъ рефлексіей я понимаю знанія, приобрѣтаемыя душой о своихъ дѣятельностяхъ, — и способъ ихъ проявленія, вслѣдствіе которыхъ въ разумъ рождаются идеи этихъ дѣятельностей“, опредѣляетъ Локкъ.

Душа, по мнѣнію Локка, вообще п а с с и в н о относится къ простымъ идеямъ, въ ней нѣтъ элемента самодѣятельности, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ простымъ идеямъ.

„Сенсація есть одинъ источникъ идей. Наши чувства, направляясь на отдѣльные чувственные объекты, вводятъ въ душу различныя, раздѣльныя воспріятія вещей, соотвѣтственно разнообразнымъ путямъ, которыми эти объекты на нихъ дѣйствуютъ. Такимъ образомъ мы получаемъ идеи желтаго, бѣлаго, горячаго, мягкаго и сладкаго“

Вотъ какъ примитивны разсужденія Локка. Идеи, по его мнѣнію, бѣгутъ по нервнымъ путямъ на аудіенцію въ мозгъ, а попасть въ мозгъ значитъ для Локка попасть въ душу, въ сознаніе. Это полнѣйшій матеріализмъ, въ которомъ самъ Локкъ не признался бы, но въ который онъ виалъ, благодаря пренебреженію къ философской основѣ психологіи. Съ другой стороны — Локкъ, какъ психологъ, хорошій наблюдатель. У него есть любопытныя замѣчанія, напр., относительно того, что мы не имѣемъ словъ для всѣхъ данныхъ внѣшнихъ чувствъ; такъ, запахъ розы и фіалки одинаково называемъ мы благовоіемъ, не имѣя опредѣленнаго названія для каждаго изъ нихъ. Эти идеи --- вкуса, запаха и т. п. — п р о с т ы я , перваго порядка.

„Идеи, пріобрѣтаемыя болѣе, чѣмъ однимъ чувствомъ, суть идеи пространства или протяженности, фигуры, покоя и движенія, ибо онѣ производятъ впечатлѣніе, воспринимаемое и глазами, и осязаніемъ“.

Это, примѣрно, соотвѣтствуетъ тому, что говорилъ Демокритъ, который имѣлъ въ виду только протяженіе, фигуру, движеніе. Локкъ ирисоединилъ сюда покой.

Третій классъ — простыя идеи рефлексіи.

„Получая идеи извнѣ, душа обращаетъ свой взоръ во внутрь, на себя, наблюдаетъ свои дѣйствія со своими идеями и иолучаетъ отсюда новыя идеи“. — Такимъ образомъ душа оперируетъ съ идеями, полученными извнѣ, и сама наблюдаетъ надъ этими операціями. Это и есть рефлексія. — „Мы получаемъ отъ рефлексіи идею воспріятія и идею воли. Двѣ великія, основныя дѣятельности души, которыя чаще всего изслѣдуются, это слѣдующія: мышленіе и хотѣніе или воленіе. Сила мышленія называется разумомъ, а сила хотѣнія — волею. Обѣ эти силы сознанія именуется способностями“.

Что происходитъ изъ рефлексіи? — Происходятъ „различныя модусы этихъ двухъ (разумъ и воля) способностей: восиоминаніе, различеніе, разсужденіе, сужденіе, вѣра“ и т. д.

Четвертый классъ — это простыя идеи, нолучаемыя изъ рефлексіи и сенсаціи. Какія же это именно идеи? — „Нѣкоторыя другія простыя идеи проникаютъ въ душу всѣми путями, какъ сенсаціи, такъ и рефлексіи. Это — удовольствіе или наслажденіе и его противоположность, — страданіе или неудовольствіе, а также сила, бытіе, единство“.

Вотъ, слѣдовательно, каковы эти идеи, получаемыя двумя путями сразу. Самыя общія категоріи, которыя знаетъ философія — сила, единство, бытіе, то, что считается вершинами абстракціи, по Локку — простыя идеи, добываемыя какъ черезъ ошущеніе, такъ и черезъ рефлексію. Что касается удовольствія и неудовольствія, то почти всѣ наши душевныя состоянія соединяются съ удовольствіемъ или неудовольствіемъ.

Слѣдовательно, это то, что теперь называется тономъ жизни, настроеніемъ.

„Едва ли какое-нибудь раздраженіе нанихъ чувствъ извнѣ, какая-нибудь одинокая мысль внутри нашей дунни не является способной доставить намъ удовольствія или страданіе“.

Эта мысль очень цѣнна для психологовъ, и нотомъ она разрабатывалась. Логическая или научная работа тѣмъ цѣннѣе, напр., чѣмъ менѣе регулируется посторонними чувствованіями. Но то, что Локкъ обозначаетъ здѣсь общимъ именемъ удовольствія и страданія, теперь дифференцируется: наши чувствованія разнообразны. Желаніе, напр., открыть истину тоже есть чувствованіе. Но если у насъ нѣтъ этого чувствованія, то не будетъ импульса для нашей научной, логической работы.

Теперь различаютъ цѣлыя группы разнообразныхъ чувствованій: эстетическія, этические, логическія и др. Логическое чувство даетъ оцѣнку выводу: нужно сообразоваться не только съ правильностью силлогизма, но и съ внутреннимъ логическимъ чувствомъ. Локкъ на это смотрѣлъ проще: онъ все объясняетъ удовольствіемъ и страданіемъ (по нашему — настроеніемъ).

„Словомъ — удовольствіе — страданіе я хочу обозначить все, что насъ восхищаетъ или огорчаетъ, все равно, происходитъ ли оно отъ какихъ-нибудь мыслей наней души, или отъ какихъ-нибудь процессовъ въ наніемъ тѣлѣ“.

Мы видимъ, какая у него здѣсь путаница, какой грубый методъ изслѣдованія. Что касается другихъ простыхъ идей — существованіе, единство, бытіе — то они „доставляются разуму каждымъ внѣшнимъ объектомъ и каждой внутренней идеею“. Стало быть, эти идеи получаютъ изъ наблюденія надъ нашей мыслью и надъ ощущеніями.

„Когда идеи находятся въ наней дуннѣ, мы смотримъ на нихъ, какъ на дѣйствительно тамъ находящіяся, точно такъ мы признаемъ вещи дѣйствительно находящимися внѣ насъ, т. е. существующими“.

Идея бытія получается, по Локку, такъ. Мы рассматриваемъ идеи, находящіяся въ душѣ, признаёмъ ихъ существующими, и вещи, находящіяся внѣ насъ, такъ же признаёмъ существующими. Получается, такимъ образомъ, *circulus in demonstrando*. Чтобы приложить къ вещи предикатъ бытія, предикатъ у насъ ранѣе долженъ быть уже готовымъ, а не взятымъ изъ наблюденія надъ вещью или мыслью. Напр., мы говоримъ, что этотъ столъ существуетъ, но это оттого, что предикатъ ему у насъ уже готовъ. Такихъ наивностей у Лейбница и Декарта мы не находимъ.

Лейбницъ и Декартъ — это какъ бы два вывода, слѣдующіе одинъ изъ другого въ строгомъ логическомъ порядкѣ. У Локка же мы видимъ другое; онъ силится что-то объяснить, пытается считать сложныя идеи простыми. Демонстрація Локка несостоятельна: идея бытія есть идея не простая, а сложная, абстрактная, построенная на матеріалѣ, который даетъ живое сознание нашего „я“. „Я“ есть архетипъ идеи „я“ — и всякаго бытія вообще.

„Точно такъ же, все то, что мы можемъ признавать одною вещью, будетъ ли это реальное существо или идея, доставляетъ разуму идею единства“.

Значитъ все, что мы признаёмъ единицею, просто. Само оно намъ подсказываетъ, что его одинъ, а не 2 и больше. Но это не такъ на самомъ дѣлѣ: рассуждая о единствѣ вещи, мы опять-таки прилагаемъ уже готовый предикатъ.

Что касается силы, то она есть тоже простая идея (по Локку). — „Сила — другая изъ тѣхъ простыхъ идей, которыя мы получаемъ какъ отъ ощущенія, такъ отъ рефлексіи. Мы замѣчаемъ по себѣ, что можемъ по произволу двигать частями нашего тѣла. Съ другой стороны, наши чувства встрѣчаются съ дѣйствіями, которыя одно тѣло можетъ произвести на другое“.

Опять — идея силы получается изъ наблюденія и внутренняго, — и внѣшняго. Но мы не могли бы понять, что такое движеніе, если бы не имѣли внутренней силы; мы антропо-

морфизуемъ вещь, приписываемъ ей силу, подобную той, которую сами имѣемъ: здѣсь только аналогія. — Затѣмъ Локкъ переходитъ къ послѣдовательности.

„Есть, кромѣ этихъ, еще одна идея, которая, хотя и доставляется нашими чувствами, но болѣе постоянно получается нами черезъ то, что происходитъ въ нашей собственной душѣ, — это идея послѣдовательности“.

Здѣсь мы видимъ то же элементарное изслѣдованіе эмпирическаго психолога. — Въ чемъ заключается идея послѣдовательности? —

„Если мы заглянемъ непосредственно во внутрь себя и подумаемъ о томъ, что тамъ видно, то мы найдемъ, что наши идеи все время, пока мы бодрствуемъ или мыслимъ, идутъ цѣпью, причѣмъ безъ перерыва однѣ уходятъ, другія приходятъ“.

Вотъ то, о чемъ Лейбницъ говоритъ гораздо остроумнѣе — это смѣна моментовъ сознанія. Локкъ же не сумѣлъ повернуть это наблюденіе для образованія великой теоріи, какъ это сдѣлалъ Лейбницъ.

Локкъ здѣсь обнаруживаетъ большую логическую инконсеквентность. Въ началѣ книги онъ сказалъ, что идей этого рода имѣется три: сила, бытіе, единство. А теперь вспомнилъ еще объ одной четвертой идеѣ — послѣдовательности. Но онъ не понимаетъ того, о чемъ говоритъ. Идея послѣдовательности получается нами отнюдь не черезъ наши чувства, а только черезъ наблюденіе собственнаго потока сознанія. Смѣна моментовъ сознанія свидѣтельствуетъ объ субъективномъ происхожденіи понятія времени.

Простыя идеи, по Локку, и есть весь матеріалъ всего нашего сознанія. Если это не всё, то, по крайней мѣрѣ, самыя значительныя изъ простыхъ идей души, на которыхъ построено все остальное знаніе. Всѣ онѣ получены только двумя путями — ощущеніемъ и рефлексією.

Ранѣе нами было указано, что Локкъ признаетъ четырехчленную схему и дѣлаетъ это безъ всякаго обоснованія. Но

теперь онъ прибѣгаетъ къ чисто практическому приему. „Пусть укажутъ мнѣ хотя одну простую идею“, говоритъ онъ, „полученную не однимъ изъ вышеупомянутыхъ путей, хотя одну сложную идею, составленную не изъ этихъ идей“. Эта апелляція къ общечеловѣческому сознанію, доступному для всякаго, не нова — она была впервые примѣнена Декартомъ по вопросу о самосознаніи.

Небезинтересно указать, какъ смотритъ Локкъ на отношеніе души къ тѣлу, и къ тому, что въ ней самой происходитъ. У Лейбница подчеркивается принципъ самодѣятельности души. Монада не можетъ существовать безъ дѣйствія, а всѣ дѣйствія происходятъ изъ внутренняго начала. — По Локку же, разумъ пассивенъ при воспріятіи простыхъ идей. Этотъ принципъ сдѣлался рѣшающимъ для всей англійской психологіи (напр., для Юма). Наша душа — это какая-то сцена, на которой де самостоятельно всплываютъ отдѣльные, сознаваемые психическіе акты.

Самодѣятельность разума у Локка ограничивается областью дѣйствія разума при комбинированіи простыхъ идей. По мнѣнію Локка, когда мы что-нибудь мыслимъ, то вполне отчетливо представляемъ себѣ то, что мыслимъ. Это — принципъ Локка, такъ какъ онъ оперируетъ только со зрѣлымъ и яснымъ, полнымъ сознаніемъ. Но мы часто томимся какими-то смутными предчувствіями, понимаемъ, что находимся на пути къ выводу, но не можемъ еще овладѣть имъ.

Дальше Локкъ говоритъ, что нашъ разумъ и по отношенію ко внѣ пассивенъ, что онъ является какъ бы зеркаломъ, въ которомъ находятъ свое отраженіе вещи. Поэтому, разъ иередъ нами находятся вещи, мы не можемъ не наблюдать ихъ. Но, если это такъ, то какъ бы удивился Локкъ, этотъ наивный англичанинъ, увидѣвъ явленія гипноза, увидѣвъ, что люди часто говорятъ съ людьми, видятъ ихъ, хотя тѣхъ на самомъ дѣлѣ и нѣтъ, — и не видятъ и не слышатъ стоящихъ иередъ ними, если гипнотизёръ приказалъ имъ что-либо видѣть или чего-либо не замѣчать.

Обратимся теперь къ подробному рассмотрѣнію различныхъ душевныхъ качествъ, главнымъ образомъ, идей рефлексіи. Какъ представляетъ Локкъ способъ дѣйствія на душу предметовъ внѣшняго міра? —

„Чтобы лучше раскрыть природу нашихъ идей и понятнѣе разсуждать о ней, полезно будетъ различать: поскольку онѣ являются идеями или воспріятіями наней души и поскольку — видоизмѣненіями матеріи въ тѣлахъ, возбуждающихъ въ насъ такія воспріятія, чтобы мы не думали, будто идеи — точные образы и подобія чего-то — присущаго предметамъ“.

Съ одной стороны, онъ предполагаетъ, что наши идеи не суть подобія, точныя фотографіи вещей. Но — что касается первой половины его тезиса, мы должны укорить Локка въ матеріализмъ. Послѣ открытій Декарта онъ долженъ былъ понять, что психологіи, какъ таковой, нѣтъ дѣла до того, какимъ образомъ идеи возбуждаются, и какъ физическія ощущенія переходятъ въ психическія состоянія. Декартъ уже выяснилъ, что ощущеніе есть несомнѣнная часть нашей души, и мы можемъ его разсматривать совершенно абстрактно, безъ отношенія къ соотвѣтственному органу и внѣшнимъ объектамъ воспріятія. Аристотель и другіе отбрасывали ощущеніе изъ чистой психики въ область фізіологическую (ощущеніе есть энтелехія органа). Декартъ говоритъ, что душевная жизнь едина: онъ не раздѣляетъ душу на слои, а разсматриваетъ ее единою, такъ, какъ наблюдаетъ ее въ сознаніи. Дальнѣйшія разсужденія Локка о соотвѣтствіи между идеей и матеріею показываютъ, насколько Локкъ былъ плохой философъ. Что такое идеи души и качества вещей?

„Все, что душа находитъ (sic) въ себѣ и что есть непосредственный объектъ воспріятія, мышленія или разума, я называю идеею, а силу, производящую въ нашей душѣ идею, я называю качествомъ предмета, въ которомъ сила находится. Снѣжный комъ имѣетъ силу порождать въ насъ идеи бѣлаго, холоднаго и круглago. Поскольку силы, производящія эти идеи, находятся въ снѣжномъ комѣ, я зову

ихъ качествами; поскольку онѣ суть ощущенія, я зову ихъ идеями“.

Роль души, по Локку, пассивная. Она не творитъ простыхъ идей, но при интроспекціи обрѣтаетъ ихъ въ себѣ. Съ обычной безцеремонностью Локкъ предполагаетъ намъ разсмотрѣть, какія силы присущи снѣжному кому (бѣлизна, холодъ). Для Локка нѣтъ сомнѣнія, что есть внѣ насъ предметы, которые дѣйствуютъ на душу, имѣютъ силу производить въ душѣ качества. Какія же качества въ этихъ предметахъ? — Демокритъ различалъ два рода качествъ у атомовъ: 1) качества, заключающіяся въ самихъ предметахъ (величина, фигура, поворотъ) и 2) затѣмъ качества только по признаванію, — находящіяся въ душѣ, но самимъ атомамъ не присущія. Демокритъ стоялъ на полукритической точкѣ зрѣнія. Онъ понималъ, что атомы не сладки, не горьки, а только имѣютъ свои первичныя качества. Локкъ рассуждаетъ гораздо примитивнѣе.

„Изъ разсматриваемыхъ качествъ тѣлъ нѣкоторыя совершенно неотдѣлимы отъ тѣла, въ какомъ бы оно ни было состояніи; нѣкоторыя — тѣла сохраняютъ постоянно, при всѣхъ измѣненіяхъ и какую бы силу не приложить къ нимъ, нѣкоторыя качества постоянно находятся во всякой частицѣ матеріи доступнаго воспріятію объекта. Возьмите зерно пшеницы и раздѣлите его пополамъ: каждая половина все еще обладаетъ плотностью, протяженностью, фигурой и подвижностію; раздѣлите его снова, и она всегда будетъ удерживать тѣ же самыя качества“. — Эти качества онъ называетъ первичными (примарными) или первоначальными. — „Мнѣ кажется, что они порождаютъ въ насъ простыя идеи: плотность, протяженность, фигуру, движеніе или покой и число“ (sic).

Курьезно упоминаше о числѣ, будто число простая идея. Слѣдовательно, если одинъ шарикъ ударитъ меня, потомъ другой, то, по Локку, выходитъ, что не только каждый (и который же изъ нихъ именно?) шарикъ ударяетъ, но еще и шеп-

нетъ, что ихъ не одинъ, а два. Это — чистѣйшій произволъ. Счетъ — функція разума.

Кромѣ первичныхъ качествъ, нужно еще различать секундарныя, вторичныя (по Демокриту *υβριφ*, по положенію). Локкъ здѣсь впадаетъ въ двойную ошибку. Вторичныя качества это — „такія качества, которыя на дѣлѣ не находятся въ самихъ вещахъ, но суть силы, (чего же? *sic*), производящія въ насъ различныя ощущенія своими первичными качествами: объемомъ, фигурой, связью и движеніемъ своихъ недоступныхъ воспріятію частицъ, какъ цвѣта, звуки, вкусы“.

Это непростительный снособъ разсужденія и полнѣйшая путаница. — Вторичныя качества нами творятся или вводятся вещами? — Конечно, вещами. А какъ же первичныя качества производятъ въ насъ идеи? — Очевидно, черезъ толчекъ, единственный способъ воздѣйствія тѣла. Такимъ образомъ объясненіе дается такое же, какъ и въ грубыя времена греческой психологіи (отъ вещей отдѣляются частицы), но древніе не думали, что токъ, исходящій на встрѣчу „идоламъ“ изъ моего глаза, есть моя душа.

„Если внѣшніе объекты не соединяются съ нашей душою, то, очевидно, что черезъ наши нервы, черезъ нѣкоторыя части нашего тѣла нѣкоторое движеніе должно передаваться отъ нихъ мозгу, или чувствилищу, чтобы въ душѣ могли возникнуть своеобразныя идеи этихъ объектов“.

Это какъ въ сказкѣ — „въ нѣкоторомъ царствѣ“... Непонятно, какъ можетъ ощущеніе передаваться душѣ. Нельзя считать удовлетворительнымъ объясненіе Локка, которое сводится къ тому, какъ бы довести дѣло до мозга. — Но въ душѣ возникнутъ ли? — Это вопросъ. — Дойти до мозга значитъ ли дойти до души? развѣ мозгъ и душа одно и то же? —

„Такъ какъ протяженность, фигура, число и движеніе тѣлъ могутъ быть восприняты зрѣніемъ на разстояніи“, продолжаетъ Локкъ, „то очевидно, что недоступныя воспріятію

тѣла должны исходить отъ нихъ къ глазамъ, и чрезъ нихъ посылать къ мозгу движенія, производящія тамъ (значить, гдѣ же въ мозгу или въ душѣ?) наши идеи о нихъ“.

Опять возвратъ ко временамъ Демокрита. Эти частицы идутъ-идутъ, и до насъ дойдутъ, въ наше тѣло войдутъ и по нервамъ до мозга дойдутъ. А гдѣ же и когда попадутъ въ сознание? Все это отзывается наивностью. Выходитъ, по Локку, что фигура, протяженность и даже число — все это отпечатывается въ нашемъ мозгу, и даже самое число, напр., посылаетъ какія-то свои частицы (тѣлесныя частицы числа-*sic*) къ намъ. — Какъ производятъ впечатлѣнія качества вторичныя?

— „Можно усмотрѣть, что идеи вторичныхъ качествъ производятся въ насъ тѣмъ же самымъ способомъ, какъ и идеи первичныя, т. е. воздѣйствіемъ недоступныхъ воспріятію частицъ на наши чувства. Предположимъ, что различія въ движеніи и фигурѣ, объемѣ и числѣ такихъ частицъ, дѣйствуя на органы, производятъ въ насъ различныя ощущенія цвѣтовъ и запаховъ тѣлъ, что, напр., фіалка, черезъ толчки такихъ частицъ матеріи, производитъ въ нашей душѣ идею голубого цвѣта и пріятнаго запаха этого цвѣта. Въ предположеніи, что Богъ соединилъ эти идеи съ совершенно непохожими на нихъ движеніями, такъ же мало невѣроятнаго, какъ то, что Онъ соединилъ идею боли съ движеніемъ рѣжущаго наше тѣло куска стали, совершенно непохожимъ на эти идею“.

Говоритъ о недоступныхъ воспріятію частицахъ... Но откуда онѣ ему самому-то извѣстны? Кто ему шепнулъ о томъ, что недоступно ни для кого? Это Локкъ считаетъ научнымъ объясненіемъ.

Въ заключеніе, какъ всѣ англійскія ханжи, онъ ссылается на Бога и его всемогущество — послѣ тирадъ въ духѣ голаго матеріализма и сенсуализма.

Простыя идея непохожи на качество тѣла, вызвавшее идею. —

„Кажется, легко заключить, что идеи первичныхъ ка-

чествъ тѣлъ суть ихъ подобія, образчики, существующіе въ самихъ тѣлахъ, но что идеи этихъ вторичныхъ качествъ во-все не имѣютъ подобій. Въ самихъ (внѣшнихъ) тѣлахъ нѣтъ ничего подобнаго нашимъ идеямъ, а есть только способность производить въ насъ ощущенія“.

Образчики находятся въ самихъ тѣлахъ. Раньше уже говорилось, что между идеей и качествомъ тѣла нѣтъ подобія.

На этомъ покончимъ вопросъ о томъ, какъ внѣшнія вещи у Локка порождаютъ идеи. Лейбницъ установилъ гипотезу, что монада недоступна внѣшнему воспріятію. Локкъ въ этомъ вопросѣ совершенно безпомощенъ.

Глава о воспріятіи интересна въ томъ отношеніи, что Локкъ затрагиваетъ вопросъ, затронутый такъ же Лейбницемъ. Здѣсь можно видѣть, какъ одни и тѣ же факты душевной жизни въ обработкѣ различныхъ психологовъ-мастеровъ получаютъ различное значеніе. Такъ, Локкъ очень близко идетъ по пути, который могъ бы привести его къ открытію области безсознательнаго, но все таки онъ ея не указалъ.

„Какъ часто можетъ человѣкъ замѣтить на себѣ, что, когда душа упорно занята созерцаніемъ нѣкоторыхъ объектовъ и изслѣдованіемъ нѣкоторыхъ идей, она не обращаетъ вниманіе на впечатлѣнія звучащихъ тѣлъ, производящихъ въ органѣ слуха тѣ же самыя измѣненія, которыхъ обыкновенно бываетъ достаточно для произведенія идеи звука. Органу быть можетъ данъ достаточный толчекъ, но послѣдній не достигаетъ вниманія души и за нимъ не слѣдуетъ воспріятія. Отсутствие ощущенія зависитъ не отъ недостатка въ органѣ и не отъ того, что уши подвергаются болѣе слабому воздѣйствію, чѣмъ въ тѣхъ случаяхъ, когда они слышатъ, но такъ какъ впечатлѣніе, обыкновенно достаточное для произведенія идеи (хотя и проникаетъ черезъ обычные органы), не становится извѣстнымъ разуму и не отпечатлѣваетъ въ душѣ никакой идеи, то и не можетъ воспослѣдовать ощущенія“.

Естественно спросить, куда же дѣвается это воспріятіе? Лейбницъ говоритъ, что это — воспріятіе черезчуръ малое, для

котораго порогъ сознанія оказался очень высокимъ. Сейчасъ оно не сознаётся, но оно можетъ быть вскорѣ, потомъ, когда-нибудь сознано. Доказать это можно, продолживъ выше приведенный примѣръ. Сейчасъ мы не обращаемъ вниманія на разговоръ, но нѣсколько минутъ спустя мы автоматически воспроизводимъ все намъ сказанное и вникаемъ; стало быть, ощущеніе у насъ было, но подъ порогомъ сознанія, а не обратилось въ О. Это малое воспріятіе возрасло, сдѣлалось сознательнымъ. Локкъ совѣмъ не справляется, куда дѣлосъ воспріятіе, не достигшее сознанія. Для него оно просто на просто исчезло, обратилось въ нуль.

Не рѣшивъ вопроса, куда дѣваются малыя воспріятія, Локкъ переходитъ къ интересующему его вопросу, что нѣтъ врожденныхъ идей.

„Я не сомнѣваюсь, что дѣти вслѣдствіе работы своихъ чувствъ надъ воздѣйствующими на нихъ въ маткѣ объектами, еще до рожденія пріобрѣтаютъ немногія идеи, какъ неизбѣжныя воздѣйствія окружающихъ тѣлъ или испытываемыхъ ими нуждъ или неудовольствій. Къ нимъ причисляю я идеи голода и теплоты, съ которыми дѣти, вѣроятно, знакомятся всего ранніе“.

Оказывается, что идеи теплоты и голода все-таки идеи внѣшняго происхожденія; находясь въ маткѣ матери, ребенокъ уже имѣетъ внѣшнія ощущенія. Локкъ очень хорошій наблюдатель, но, какъ увидимъ опять ниже, слабый философъ; онъ проходитъ мимо такихъ фактовъ, которые у Лейбница составляютъ основу многихъ философскихъ воззрѣній.

„Идеи ощущенія часто измѣняются сужденіемъ“, сообщаетъ Локкъ. Дѣйствительно, напр., видѣть, — это очень сложный актъ, куда входитъ не только ощущеніе, но главнымъ образомъ сужденіе. Вещи мы видимъ разумомъ, научиться видѣть — вещь для ребенка трудная.

„Когда мы ставимъ предъ глазами круглый шаръ одинаковаго цвѣта, то имъ запечатлѣвается идея плоскаго, различно оттѣненнаго круга, съ различными степенями свѣта и яркости“. Это такой же фактъ, какъ тотъ, что мы читаемъ

не по буквамъ, а по словамъ и фразамъ, иногда комплексами фразъ. Все это Локку извѣстно. Онъ знаетъ, что въ ощущеніе мы вкладываемъ идеи сужденія. Мы видимъ не глазами, а умомъ. Если бы мы видѣли глазами только, то видѣли бы въ данномъ случаѣ, искусно подобранномъ Локкомъ, только плоскость; если же мы, видя плоскость, на основаніи различной степени отгѣненія — видимъ шаръ, то мы этотъ шаръ видимъ уже не глазами, а разумомъ. Разсуждая далѣе о привычкахъ и привычныхъ нашихъ дѣйствіяхъ, не требующихъ уже съ нашей стороны вниманія, Локкъ выступаетъ опять, какъ очень слабый метафизикъ. „Для насъ не покажется странною такая безсознательность“, говоритъ онъ, „если мы подумаемъ, какъ быстро совершаются дѣйствія души. Какъ она сама не занимаетъ пространства, не имѣетъ протяженности, такъ и ея дѣйствія, и о в и д и м о м у“, говоритъ Локкъ, „не требуютъ времени и свершаются въ предѣлахъ одного мгновенія. Какъ быстро наша душа, точно въ одно мгновеніе, окидываетъ однимъ взглядомъ всѣ части демонстраціи“ . . .

Что же слѣдуетъ изъ этого разсужденія? Локкъ хочетъ сказать, что мы мыслимъ скорѣе, чѣмъ говоримъ: единымъ взглядомъ можно обнять логическую связь. Но онъ не додумался еще до того, что всякій актъ мышленія безвременноенъ, одномоментенъ. Идея времени получается изъ того, что мы наблюдаемъ смѣну душевныхъ актовъ. Локкъ стоитъ на правильномъ пути, но къ одномоментности не приходитъ, не даетъ философскаго обоснованія, а ограничивается замѣчаніемъ, что душа работаетъ очень быстро, быстрѣе чѣмъ языкъ или пишущая рука. Здѣсь онъ даже употребляетъ слово „безсознательность“, ходитъ вокругъ, но не строитъ никакой теоріи, ни времени, ни безсознательнаго.

„Привычки творятъ дѣйствія, укрывающіяся отъ нашего наблюденія. Люди, усвоившіе себѣ поговорки, чуть не во всякой фразѣ произносятъ звуки, которыхъ сами не слышатъ и не замѣчаютъ, но другіе воспринимаютъ ихъ. Нѣтъ ничего

страннаго, что мы идею ощущенія превращаемъ въ идею сужденія, и пользуемся одною для возбужденія другой.“

Вотъ все, что Локкъ изо всѣхъ этихъ фактовъ намъ можетъ предложить. Мы не довольствуемся однимъ ощущеніемъ, но примѣниваемъ разумъ.

Дальше разсужденіе касается сравнительной психологіи.

„Способность воспріятія, кажется (!) мнѣ, устанавливаетъ границу между животнымъ царствомъ и низшими областями природы. Хотя многія растенія имѣютъ нѣкоторую степень движенія и при разнаго рода приложеніяхъ къ нимъ другихъ тѣлъ очень быстро мѣняютъ свою фигуру и движенія и получили имя чувствительныхъ растеній отъ движенія, походяго на то, которое слѣдуетъ въ животныхъ за ощущеніемъ, однако, я считаю все это чистымъ механизмомъ“.

Въ этомъ случаѣ Локкъ отсталъ даже отъ грековъ. Греки говорили, что у растеній есть зачатки души. Теперь же эта „виталистическая“ теорія имѣетъ среди ботаниковъ болѣе признанія.

„Я думаю, что воспріятіе есть въ нѣкоторой степени у всѣхъ животныхъ, и хотя у нѣкоторыхъ природные пути для воспріятій такъ немногочисленны, и самыя воспріятія такъ темны и тусклы, что сильно отстаютъ отъ быстроты и разнообразія воспріятія у другихъ животныхъ, но они достаточны и мудро приспособлены къ условіямъ жизни существъ.“

Вспомнимъ, какъ остроумно здѣсь разсуждаетъ Лейбницъ, указывая, какая разница между высшими и низшими монадами. Въ тѣхъ же самыхъ словахъ „тусклы“, „темны“ у Локка получается впечатлѣніе, какъ будто и онъ знаетъ разницу между высшими и низшими монадами, между перцепціями ясными и малыми, но на самомъ дѣлѣ Локкъ ничего этого не знаетъ.

Заканчивая эту главу, Локкъ говоритъ, что воспріятіе — первый шагъ къ знанію, путь для всего его матеріала, хотя прежде говорилъ, что есть другіе пути, напр., рефлексія.

„Чѣмъ меньше чувствъ у человѣка и у другого существа, чѣмъ малочисленнѣе и блѣднѣе проникающія черезъ нихъ впечатлѣнія, тѣмъ дальше они отъ познанія. Воспріятіе — путь, которымъ все (sic) наше знаніе входитъ въ душу“.

Такая точка зрѣнія, будто все наше знаніе проистекаетъ изъ внѣшняго опыта, называется сенсуализмомъ. Выводъ очень неожиданный. Аристотель былъ осторожнѣе, онъ говорилъ: есть два пути познанія — индукція и силлогизмъ. По Локку, чѣмъ больше чувствъ, тѣмъ ближе къ познанію. Но это вопросъ спорный; нѣкоторыя животныя имѣютъ больше чувствъ, чѣмъ человѣкъ (анатомія находитъ шестое чувство у нѣкоторыхъ животныхъ), и чувства ихъ острѣе, нежели у человѣка. Такъ орелъ превосходитъ человѣка зрѣніемъ, собака обоняніемъ, кошка видитъ въ темнотѣ и т. д. Лейбницъ разсуждаетъ правильнѣе, что человѣкъ имѣетъ высшія способности, и не чувствами превосходитъ животныхъ. Превосходство въ разумѣ, а не въ чувствахъ.

Глава о памяти во всей области психологіи есть одна изъ наиболѣе важнѣйшихъ главъ; она связывается съ метафизической областію, такъ какъ приходится затрагивать вопросъ о жизни души, какъ она живетъ, и какъ сохраняется. Этотъ вопросъ разработанъ Лейбницемъ очень обстоятельно.

При чтеніи Локка нужно соблюдать большую осторожность. Локкъ пишетъ очень подробно, но въ высшей степени неточно, а подчасъ и очень тенденціозно. Локкъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ писатель современиый; то, что онъ говоритъ, говорятъ и въ современной психологіи. Если мы будемъ правильно понимать Локка, то застрахуемъ себя отъ такихъ ошибокъ, какимъ подвергаются его толкователи и современные подражатели и послѣдователи.

Глава десятая говоритъ о памяти, какъ объ удержаніи. Что же представляетъ намъ Локкъ?

„Ближайшею способностью души, при помощи которой она дѣлаетъ дальнѣйшій шагъ къ знанію, я называю“, гово-

рить онъ, „удержаніемъ. Оно происходитъ двумя путями: 1) дѣйствительнымъ удержаніемъ въ виду на нѣкоторое время проникшей въ душу идеи, которое я называю созерцаніемъ. 2) Другой способъ удержанія есть сила оживлять въ душѣ идеи, которыя послѣ своего запечатлѣнія, исчезли или какъ бы улеглись въ сторонѣ, „скрывшись изъ виду“.

Такимъ образомъ, первая способность это — самое воспріятіе; вторая — обуславливающая дальнѣйшій путь къ знанію — удержаніе. Это ученіе не оригинально. Аристотель выражается лучше, говоря, что всѣмъ животнымъ свойственна способность ощущенія, а нѣкоторымъ — еще и удержаніе въ душѣ содержанія воспріятія (т. е. память — *μνή τοῦ αἰσθηματοῦ*). Локкъ, значить, повторяетъ Аристотеля и ухудшаетъ его формулировку.

Локкъ говоритъ здѣсь, что удержаніе совершается двумя путями: 1) созерцаніе, т. е. сохраненіе на виду умственнаго образа предмета; 2) путь тотъ, который мы называемъ теперь „воспомяніемъ“. „Память, такъ сказать, есть арсеналъ нашихъ идей“. Это очень удачное выраженіе Локка часто и теперь еще цитируется.

„Такъ какъ ограниченная душа человѣческая не въ состояніи обзрѣвать сразу много идей, то необходимо было имѣть складъ для нихъ“. Слѣдовательно, тутъ Локкъ, вводитъ особый законъ ограниченности сферы сознанія: не все сразу, въ одинъ моментъ, можемъ мы охватывать сознаніемъ, не все содержаніе нашей души. Память есть какъ-бы складъ, куда ненужныя намъ теперь, сейчасъ идеи кладутся впредь „до востребованія“.

До сихъ поръ Локкъ говорилъ все разумно, но далѣе, онъ дѣлаетъ неожиданную и ненужную прибавку. „Но такъ какъ наши идеи суть актуальныя воспріятія души, которыя перестаютъ быть чѣмъ-бы то ни было (!), когда перестаютъ быть предметомъ воспріятія, то это нахожденіе нашихъ идей въ складѣ памяти означаетъ только то, что

душа во многихъ случаяхъ обладаетъ способностью (sic) оживлять бывшія въ ней воспріятія съ присоединеніемъ къ нимъ добавочнаго воспріятія, что эти идеи уже были прежде въ нашемъ сознаніи“.

Здѣсь Локкъ впадаетъ въ фатальную ошибку. Онъ представляетъ дѣло такъ, что разъ идея убралась изъ сознанія, то она обращается въ ничто, въ нуль. Отсюда Локку уже трудно придти къ созданію теоріи воспоминанія: *ex nihilo nihil!*

Идея обратилась, по Локку, въ ничто, но потомъ опять всплываетъ въ душѣ. Какимъ же образомъ? Локкъ говоритъ, что идеи обратились въ ничто, а душа всетаки какъ-то имѣетъ способность оживлять разъ бывшія воспріятія. Но вѣдь это не объясненіе, а лишь словотолкованіе: объясняется слово „воспоминаніе“. Это такое же „объясненіе“, какъ въ комедіи Мольера. — Почему опіумъ усыпляетъ? — потому, что онъ имѣетъ снотворную силу - *vim soporificam*. И тутъ также: объясненія никакого. По Локку, душа является какимъ-то магомъ, кудесникомъ: она воскрешаетъ обратившееся въ ничто. Да дѣлаетъ еще „добавочное воспріятіе“, что де эта идея мнѣ уже знакомая, она де разъ была уже въ моей душѣ. Далѣе, кромѣ констатированія фактовъ, Локкъ опять не даетъ никакого объясненія. Онъ скользитъ на границѣ фактовъ, отъ которыхъ можно перейти къ теоріи, но теоріи онъ создать не въ силахъ. Онъ думаетъ, якобы стоитъ на строго эмпирической почвѣ, и прибѣгаетъ въ то же время къ невѣроятнымъ гипотезамъ, большею частью — къ голому матеріализму.

„Вниманіе и повтореніе много способствуетъ закрѣпленію идей въ памяти, но, обыкновенно самое глубокое и прочное впечатлѣніе производятъ тѣ идеи, которыя сопровождаются удовольствіемъ или страданіемъ“. Совершенно вѣрно: чѣмъ больше человѣкъ заинтересованъ идеями, т. е. чѣмъ больше чувствованій связано съ этими идеями, тѣмъ прочнѣе онѣ сидятъ въ его памяти.

„Такъ какъ великое дѣло чувствъ заключается въ преду-

прежденіи насъ обо всемъ вредномъ или полезномъ, то мудро устроено природою, что страданіе сопровождается воспріятіемъ различныхъ идей“. Вполнѣ разумное наблюденіе. Потомъ Локкъ переходитъ къ разсужденію, что идеи часто блекнутъ въ нашей памяти. „Что касается различныхъ степеней прочности, съ которой идеи отпечатлѣваются въ памяти, то можно замѣтить, что однѣ идеи производятся въ разумѣ объектомъ, только разъ, не больше, дѣйствовавшимъ на наше чувство; другія, хотя и чаще воспринимались чувствами, являются все-таки мало знакомыми, потому что душа, или по дѣтской безопасности, или у взрослыхъ, вслѣдствіе своего направленія въ другую сторону, занято всегда только одною вещью и не глубоко накладываетъ на себя отпечатокъ. Для третьихъ идей память очень слаба, хотя впечатлѣнія внимательно отпечатлѣваются и повторяются. Во всѣхъ этихъ случаяхъ идеи быстро блекнутъ въ душѣ и часто совершенно исчезаютъ (sic) изъ разума, оставляя по себѣ такъ же мало слѣдовъ, какъ пробѣгающія по нивамъ тѣни. Душа совершенно лишена ихъ, какъ будто никогда ихъ не имѣла“.

И тутъ видимъ прекрасное наблюденіе. Дѣйствительно, мы не можемъ не замѣтить, что нѣкоторыя идеи получаютъ въ душѣ ослабленіе. Но это вопросъ не такъ простъ, какъ думаетъ Локкъ. Совершенно идеи не блекнутъ и не обращаются въ небытіе. Бытіе, разсуждая даже апіорно, не можетъ обратиться въ небытіе. Мы знаемъ, что самыя незначительныя впечатлѣнія могутъ возрастать иногда при подходящемъ случаѣ до значительныхъ размѣровъ. Встрѣченный мелькомъ человѣкъ иногда нѣсколько лѣтъ не выходитъ изъ памяти.

Что касается состава идей нашей памяти, то Локкъ разсуждаетъ объ этомъ такъ. „Много идей, проникшихъ въ душу дѣтей при началѣ ихъ ощущенія (идеи нѣкоторыя — удовольствіе и страданіе возникли, вѣроятно, до рожденія, другія во время младенчества) теряются совершенно, не оставляя ни

малѣйшихъ слѣдовъ или не повторяются въ теченіе послѣдующей жизни“.

Повтореніе — необходимое условіе того, чтобы идеи стали крѣпче. Современные экспериментаторы доказали, что повтореніе въ смыслѣ педагогическаго закрѣпленія въ памяти имѣетъ значеніе только до извѣстнаго предѣла, а послѣ повторенія оказывается совершенно безплоднымъ. Въ этомъ пунктѣ Локкъ является материалистомъ. Во многихъ учебникахъ психологіи и теперь проводится еще это материалистическое воззрѣніе: память впечатлѣній представляютъ, какъ матеріальные слѣды или черты на мозгѣ. Но еще Лейбницъ указалъ, что впечатлѣнія, часто повторяющіяся, оказываются всего слабѣе, обращаются въ малыя перцепціи, теряютъ всякій интересъ и становятся привычными. Въ этомъ пунктѣ современная психологія рѣзко расходится съ Локкомъ. Слѣдовательно, дѣло не въ томъ, чтобы идеи повторялись. Часто лица тѣхъ людей, съ которыми мы имѣли ежедневное общеніе, остаются послѣ ихъ смерти для насъ расплывчатыми, потому что впечатлѣнія, каждый день повторяющіяся, становятся незамѣчаемыми.

„Правда, у нѣкоторыхъ людей память очень тверда — и все же существуетъ несомнѣнное разрушеніе всѣхъ нашихъ идей, даже всего глубже отпечатлѣнныхъ. Если идеи отъ времени до времени не освѣжаются повторнымъ упражненіемъ нашихъ чувствъ . . . , то отпечатокъ стирается и въ концѣ концовъ отъ него не остается никакихъ видимыхъ слѣдовъ“. Далѣе Локкъ сравниваетъ душу съ бронзой и мраморомъ, на которыхъ стираются черты, если ихъ не подновляютъ. Но дѣло въ томъ, что наша душа не камень и не металлъ . . .

„Идеи нашей молодости умираютъ часто раньше насъ“. Опять неправда. Старики, имѣющіе слабую память о настоящемъ, удачно направляютъ свою память на событія дней своей молодости, и отчетливо помнятъ друзей своей юности и все, что съ ними тогда было. Локкъ противорѣчитъ фактамъ. Идеи именно молодости всего дольше живутъ въ насъ. По

современной психологіи, абсолютно слабой памяти не существуетъ, а такъ называемые разсѣянные люди обращаютъ вниманіе на одинъ только родъ идей. Разсѣянный можетъ забыть то, что онъ дѣлалъ сегодня, но въ области, его интересующей, онъ помнитъ все прекрасно.

Далѣ Локкъ говоритъ, что повторныя идеи врядъ ли могутъ быть потеряны вполнѣ, если душа вообще удерживаетъ какія-нибудь идеи. Но повторныя идеи, и по Лейбницу, и по современной психологіи, блекнутъ всего скорѣе, потому что отъ повторенія сознательное обращается въ безсознательное, и перцепціи уменьшаются.

„При воспоминаніи душа часто (!) активна, потому что появленіе заснувшихъ картинъ зависитъ не рѣдко (!) отъ воли“. Совершенно вѣрное наблюденіе. Но при воспоминаніи мы различаемъ активную память отъ пассивной. Человѣкъ цѣнитъ память по столько, поскольку она подчиняется его волѣ. Для насъ важнѣе активная память, т. е. произвольное воспоминаніе.

Далѣ Локкъ такъ выражается, что „душа де сама отправляется на поиски скрытыхъ идей, устремляетъ на нихъ свой глазъ“. Значитъ, онѣ гдѣ то существуютъ, а не есть О. Локкъ хорошъ, какъ наблюдатель, но когда дѣло коснется теоріи, то онъ склоненъ думать, что идеи, бытіе, существующее въ нашемъ сознаніи, обращаются въ ничто.

„Память въ разумномъ существѣ необходима почти такъ же, какъ способность воспріятія; она такъ важна, что при ея недостаткѣ всѣ остальные способности бесполезны. Въ памяти два недостатка: 1) она можетъ совершенно терять идею; 2) она можетъ двигаться медленно и не находить съ быстротой своихъ идей, лежащихъ въ складѣ“. Локкъ здѣсь подчеркиваетъ, что для насъ важнѣе память активная, когда мы по своему произволу, скоро можемъ вынимать изъ кладовой именно то, что намъ требуется. Локкъ здѣсь опять выходитъ изъ матеріалистическихъ воззрѣній, будто душа можетъ потерять идеи и никогда ихъ не припомнить. Забыв-

чивость объясняется нынѣ тѣмъ, что въ данный моментъ насъ интересуетъ нѣчто другое.

Въ главѣ о различеніи Локкъ пытается дать анализъ высшихъ актовъ душевной дѣятельности. Прекрасный анализъ этого далъ Аристотель, логика котораго до сихъ поръ имѣетъ большое значеніе. Декартъ, первый философъ новѣйшаго времени, былъ несовсѣмъ доволенъ тѣми критеріями истины, условіями мыслительной способности, какія далъ Аристотель. Аристотель указываетъ законы мышленія а) тождества¹⁾ и б) противорѣчія.

Мыслительная дѣятельность совершается, по Аристотелю, въ формѣ 1) силлогизма черезъ средній терминъ и 2) силлогизма индуктивнаго. Требуется сочетаніе посылокъ, чтобы совершился правильный силлогизмъ. Декартъ принужденъ былъ возстать противъ Аристотеля. Когда его стали упрекать, что онъ выставляетъ выводъ — *cogito: ergo sum* — и умалчиваетъ о большей посылкѣ (*omnes, qui cogitant, sunt*), то онъ возражалъ, что онъ и не желалъ это представлять въ видѣ силлогизма. У Декарта здѣсь только аппеляція къ непосредственному психическому опыту. *Ergo* — это только соединяющій союзъ. Декартъ отказывался признать единственнымъ средствомъ познанія силлогизмъ; онъ указалъ въ качествѣ критерія на наше непосредственное сознаніе. Декартъ начинаетъ убѣждать, что истина зависитъ не отъ того, соблюдепъ ли законъ объ отсутствіи внутренняго противорѣчія: нужно, чтобы идеи, высказываемыя нами, были сознаваемы „*clare et distincte*“ (ясно и отчетливо). Но на самомъ дѣлѣ это — критеріи не логическаго знанія, а критеріи сознанія на его высшей ступени. При малыхъ перцепціяхъ нѣтъ ничего яснаго, ничего раздѣльнаго, говоритъ Лейбницъ. Этою неясностью характеризуется низшая степень сознанія; высшая же характеризуется ясностью сознанія и его раздѣльностью,

1) Формулировалъ ли Аристотель законъ тождества, — на этотъ счетъ мнѣнія ученыхъ историковъ философіи расходятся.

т. е. каждая идея, каждая перцепція сознается нами во всей ея живой особенности, индивидуальности. И критеріи истины у Декарта относятся не ко знанію, а къ сознанію.

Локкъ вышелъ изъ Декарта, но оказался неблагодарнымъ. Локкъ часто смѣется надъ Декартомъ, но здѣсь внезапно повторяетъ то, что говорилъ Декартъ. Самое названіе главы „о различеніи“ непонятно, если не вспомнить сказаннаго Декартомъ — *distincte*: „нѣтъ познанія безъ различенія“. Недостаточно имѣть спутанныя воспріятія чего-нибудь въ общемъ: пока у души не будетъ раздѣльнаго воспріятія различныхъ предметовъ и ихъ качествъ, до тѣхъ поръ она останется способной къ очень узкому познанію, полагаетъ Локкъ. Отъ способности различать одну вещь отъ другой зависитъ достовѣрность даже общихъ предположеній. Надѣлѣ она зависитъ отъ этой ясной, различающей способности души, которая утверждаетъ тождественность или различіе двухъ идей.

Здѣсь Локкъ блуждаетъ неувѣренно по стопамъ Декарта, такъ какъ Декартовъ критерій объ ясности и раздѣльности сознанія крѣпко засѣлъ у него. Различеніе, такъ, какъ его здѣсь излагаетъ Локкъ, состоитъ въ томъ, что душа утверждаетъ различіе или тождественность двухъ идей; это значитъ A есть A , — и A не есть по A .

Очевидно, Локкъ въ данномъ случаѣ смѣшиваетъ логическую способность познанія съ непосредственнымъ сознаніемъ. Декартъ сознательно стремился къ новому типу логики, къ новому методу изысканія истины; онъ иссалъ много по этому вопросу. Локкъ не представлялъ себѣ разницы между знаніемъ и сознаніемъ. По Локку душа имѣетъ способность сразу познавать идеи, — ихъ различіе. Но вѣдь это требуетъ ихъ логическаго соотношенія, т. е. мыслительнаго акта, а не есть принадлежность простого, непосредственнаго сознанія. Это — ошибка, подъ которою никогда не подписался бы Декартъ. „Одна только ясность устраняетъ спутанность. Для надлежащаго различенія идей главнымъ образомъ нужна ихъ

ясность и опредѣленность (Локкъ повторяетъ Декарта). Когда онѣ таковы, въ нихъ не будетъ никакой спутанности и ошибки“. Безбожная тавтологія, хотя Локкъ и воображаетъ, будто что-то объясняетъ.

Далѣе. „Взаимное сравненіе идей съ точки зрѣнія протяженія, степени, времени, мѣста или какихъ-нибудь другихъ условій, — есть вторая дѣятельность души по отношенію къ своимъ идеямъ, отъ которой зависитъ весь тотъ обширный кругъ идей, который обнимается отношеніемъ“. Слѣдовательно, есть еще сравненіе, главный типъ всѣхъ на нихъ мыслительныхъ актовъ; у Аристотеля въ свое время было опредѣленно указано, что сравненіе, т. е. сопоставленіе, происходитъ съ точки зрѣнія объема понятій. Большее по объему понятіе ставится предикатомъ, меньшее — субъектомъ.

Удивительно, что Локкъ какъ бы самъ не понимаетъ того, что пишетъ. Первая способность души, говоритъ онъ, есть различеніе, или отождествленіе; вторая — сравненіе. Но возможно ли отождествленіе или различеніе безъ сравненія, т. е. безъ логическаго мысленія? Аристотель именно объясняетъ мысленіе или сужденіе, какъ соединеніе и разъединеніе понятій, сѣнтезисъ или діайрезисъ мысленныхъ элементовъ (ноэматонъ). Все дѣло въ томъ, что сравненіе или сопоставленіе — это первоначальная логическая дѣятельность, въ результатѣ которой и получается либо различеніе, либо отождествленіе. Какъ полезно бы было Локку вспомнить стараго Аристотеля! Помня его, Локкъ не впалъ бы въ подобнаго рода путаницу.

„Хотя у животныхъ, вѣроятно, достаточно раздѣльныхъ идей, — все же одному человѣческому разуму принадлежитъ, повидимому, способность различенія и сравненія. На мой взглядъ“ говоритъ Локкъ, „животныя сравниваютъ свои идеи не далѣе чувственныхъ условій, связанныхъ съ самими объектами. Другой сравнительной способности, относящейся къ общимъ идеямъ, животныя, вѣроятно, не имѣютъ“.

Какъ только дѣло коснется вопросовъ, выходящихъ изъ

сферы обычныхъ наблюдений, у Локка пойдутъ слова „вѣроятно“, „повидимому“, „кажется“ — слабость теоретическая, неувѣренность научнаго мысленія у него!

Локкъ находитъ еще третью дѣятельность — соединеніе. „Душа сопоставляетъ нѣкоторыя простыя идеи, полученныя ею изъ ощущенія или рефлексіи, и соединяетъ ихъ въ сложныя идеи. Соединяя вмѣстѣ нѣсколько единицъ, мы образуемъ идею „дюжины“. Но все это было уже сказано Аристотелемъ (всякое сужденіе бываетъ либо соединеніемъ мысленныхъ элементовъ, либо разъединеніемъ). Здѣсь Локкъ путается между Декартомъ и Аристотелемъ, а самъ не даетъ намъ ничего новаго и поучительнаго. А рядомъ, тутъ же найдемъ у него очень дѣльное замѣчаніе по вопросу: „сравниваютъ ли животныя?“

„Животныя, хотя воспринимаютъ и удерживаютъ вмѣстѣ нѣкоторыя сочетанія простыхъ идей (наружность, запахъ, голосъ хозяина составляютъ, вѣроятно, сложную идею хозяина у собаки, или вѣрнѣе, суть тѣ раздѣльвыя признаки, по которымъ она узнаетъ его); но я не думаю, чтобы они когда-нибудь сами по себѣ соединяли ихъ и составляли сложныя идеи“. Это — наблюденіе вѣрное. „Сука будетъ кормить лисятъ, играть съ ними, любить, какъ своихъ щенятъ; животныя, имѣющія много дѣтенышей, новидимому, совсѣмъ не знаютъ ихъ числа“. Это опять фактъ, который можно подтвердить. У конки можно утащить нѣсколько котятъ, и она не замѣчаетъ этого, потому что она не знаетъ счета.

Дальнѣйшая степень познанія — называніе. „Закрѣпивъ въ своей душѣ идею повторными ощущеніями, дѣти начинаютъ мало-по-малу учиться употребленію знаковъ“. Здѣсь Локкъ повторяетъ свою старую теорію памяти, зависимость ея отъ новаторности актовъ.

Любопытно замѣчаніе, что дѣти сами выдумываютъ себѣ слова, не желая заимствовать ихъ отъ другихъ.

„Такъ какъ слова являются внѣшними знаками внутреннихъ идей, а идеи получаютъ отъ частныхъ вещей, то

число именъ было бы бесконечно, если бы каждая идея имѣла свое имя“. Слѣдовательно, мы изучаемъ міръ по каждой отдѣльной конкретной вещи. Нужно было бы бесконечное множество словъ, если бы для каждой идеи имѣлось особое имя. Такимъ образомъ, основное требованіе языка — экономія. Англійскій языкъ замѣтимъ кстати, благодаря этой именно „экономности“, имѣетъ всѣ данныя стать всемірнымъ языкомъ.

„Душа обобщаетъ частныя идеи, полученныя отъ отдѣльныхъ объектовъ. Это и называется отвлеченіемъ, при помощи котораго заимствованныя отъ частныхъ вещей идеи становятся общими представителями вещей одного и того же рода, а ихъ имена — общими именами“. Что же такое — отвлеченіе? Локкъ такъ объяснилъ, что какъ будто ничего и не объяснилъ, а между тѣмъ это уже хорошо было объяснено Аристотелемъ. При помощи абстракціи, по ученію Локка, идеи становятся общими представленіями всего, что существуетъ, соотвѣтственно отвлеченнымъ идеямъ. Но Локкъ этого не долженъ былъ говорить, потому что онъ не былъ платоникомъ или послѣдователемъ Аристотеля и не вѣрилъ въ транссубъективное существованіе идей во внѣшнемъ мірѣ.

Соотвѣтствующаго отвлеченнымъ идеямъ ничего не существуетъ. „Такія чистыя, голыя представленія, безъ вниманія къ тому, какъ, откуда и съ какими другими пришли они, разумъ откладываетъ, какъ образцы, для размѣщенія по родамъ реальныхъ существованій, поскольку они соотвѣтствуютъ этимъ моделямъ, и для соотвѣтственнаго ихъ наименованія“. Локкъ употребляетъ здѣсь даже платоновскую терминологию; разумъ собираетъ образцы (парадѣйгмата), хранитъ ихъ, но на самомъ дѣлѣ ничего вѣдь этого быть не можетъ. Самъ Локкъ прежде увѣрялъ, что, разъ идея выскочила изъ актуальнаго сознанія даннаго момента, она уже не существуетъ, обращается въ нуль, а стало быть, нечего (нули) и некуда складывать

Приведеннаго выше, намъ кажется, достаточно, чтобы составить себѣ понятіе о положеніи психологіи, какъ науки, въ XVII столѣтіи. Мы прослѣдили народженіе этой науки въ ея совершенно новой концепціи, въ иной плоскости мышленія — у Декарта. Мы видѣли далѣе, какъ психологическіе абрисы Декарта и его новый принципъ съ геніальнымъ пониманіемъ были подхвачены Лейбницемъ, — и какъ подъ его иеромъ психологія стала подножіемъ и основою метафизики. Въ Лейбницѣ мы усмотрѣли мыслителя, давшего психологіи, этой новой тогда еще наукѣ, опредѣленное направленіе — именно метафизическое. Однако, это метафизика не помѣшала и психологической наблюдательности Лейбница, не помѣшала ему сдѣлать наблюденія первостатейной важности и установить нѣсколько эмпирическихъ законовъ сознанія.

Наконецъ въ лицѣ Локка мы видимъ уже психолога *par excellence*, — но психолога, желающаго стоять исключительно на почвѣ э м п и р і и и питающаго нелюбовь къ широкой философской трактовкѣ психологическихъ проблемъ. Локкъ даетъ начало иному направленію въ наукѣ психологіи, направленію эмпирическому.

Такимъ образомъ, XVII-е столѣтіе является, дѣйствительно, въ исторіи психологіи эпохою чрезвычайной важности. Сюда относятся и самое зарожденіе этой науки въ мысли Декарта, безъ котораго ничто же бысть, сюда относится и бифуркація, раздѣленіе науки психологіи на два направленія или лагеря, между которыми она раздѣлена и до нашихъ дней.

А если такъ, то изученіе психологовъ XVII вѣка, особливо, изученіе Декарта, Лейбница, Локка имѣетъ и для современнаго психолога огромное значеніе. Намъ и доселѣ необходимо держаться, какъ компаса, — критицизма, завѣщаннаго Декартомъ намъ во II „размышленіи“. Намъ необходимо, признавъ Декарта, держаться опредѣленій души-монады, данныхъ Лейбницемъ. Наконецъ, отдавая должное эмпиріи, какъ цѣнному матеріалу, должно избѣгать ошибокъ, допущен-

ныхъ Локкомъ, но раздѣляемыхъ многими современниками нашими. Локкъ хотѣлъ быть психологомъ безъ философіи. Этого же хотятъ и безчисленные „психологи“ нашего времени. Многочисленными примѣрами показали мы на подлинныхъ словахъ Локка его полную безпомощность — отвергая философію, разобрать даже и въ эмпирическомъ матеріалѣ психологіи. То же видимъ и у нашихъ психологовъ, эмансипирующихъ себя отъ философіи, ибо

Incidit in Scyllam, qui vult vitare Charybdis!

Проф. Евгений Бобровъ.

В. А. Бобровъ.

Въ ночь на 21 ноября 1908 года скончался внезапно на 37-мъ году жизни въ г. Полангенъ Курляндской губерніи Владимиръ Александровичъ Бобровъ, инспекторъ, завѣдывавшій полангенской четырехклассною прогимназією, портретъ котораго приложенъ при семь томъ „Сборника“.

Покойный родился 9 августа 1872 года въ г. Ригѣ, гдѣ его отецъ служилъ тогда казеннымъ землемѣромъ при Прибалтійской комиссіи регулированія земельныхъ отношеній. Впослѣдствіи отецъ былъ перемѣщенъ на службу въ Зауралье. Вотъ почему среднее образованіе В. А. Боброва началось въ Екатеринбургской гимназіи (съ 1883 года). Покойный былъ веселый и рѣзвый мальчикъ, но шелъ въ гимназіи безъ особенныхъ отличій; въ полной мѣрѣ и блестяще его дарованія развернулись только въ университетѣ. Благодаря перемѣщенію отца въ Пермь, В. А. съ 1887 года сталъ учиться въ Пермской гимназіи, въ которой и окончилъ курсъ въ 1893 г. Для полученія высшаго образованія покойный поступилъ на историко-филологическій факультетъ Юрьевского университета по отдѣленію славяно-русской филологіи. В. А. обладалъ большими способностями къ технику и сильно боролся съ желаніемъ поступить въ какое-либо специальное высшее учебное заведеніе, — но стремленіе къ филологіи побѣдило . . .

Литературное направленіе Вл. А-ча рѣзко обозначилось

еще за время пребыванія его въ старшихъ классахъ гимназій. Здѣсь, равно, какъ и во время университетскаго ученія, В. А. читаль чрезвычайно много и усиленно. Съ увѣренностью можно сказать, что всѣ почти крупные классики всемірной литературы, не говоря уже о писателяхъ русскихъ, были прочтены имъ, изучены въ тонкости. Самъ обладая недюжиною способностью къ серьезному юмору, особенно цѣнилъ В. А. великихъ юмористовъ, и русскихъ, и иноземныхъ, и любилъ переговариваться съ близкими ему людьми цѣлыми фразами, заимствованными то изъ Диккенса, то изъ Бальзака, Додэ, Марка Твена, Эдгара По, Гоголя, Успенскихъ, Гончарова, Левитова и др.

Юрьевскій университетъ ко времени поступленія въ него студентомъ В. А. Боброва находился въ тяжеломъ переходномъ періодѣ своего существованія. Учиться въ университетѣ было нелегко. Преподаваніе велось на двухъ языкахъ, нѣкоторыя каѳедры были вакантны. Профессора читали, кто по русски, кто по нѣмецки, кто и такъ, и сякъ; даже по одной каѳедрѣ читались курсы на двухъ языкахъ. Логику слушалъ В. А. по нѣмецки, исторію по русски, сравнительное языковѣденіе и санскритъ по нѣмецки, древніе языки, частью по русски, частью по нѣмецки и по латыни. Профессора мѣнялись, и въ силу переменъ и персонала, и языка преподаванія всякій разъ приходилось заново приспособляться къ терминологіи и т. п.

Съ перваго же курса В. А. Бобровъ обратилъ на себя лестное вниманіе своихъ учителей дарованіями, рѣдкимъ прилежаніемъ, научными интересами, работоспособностью и необычайною усидчивостью въ трудѣ.

Съ особенною любовью занялся онъ подъ руководствомъ нынѣ уже покойнаго проф. *П. А. Висковатова* народною ¹⁾

1) Профессорская дѣятельность Павла Александровича Висковатова еще не дождалась себѣ полной характеристики, какой она заслуживаетъ. Между тѣмъ подъ его благожелательнѣйшимъ руко-

словесностію и русскимъ фольклоромъ. Уже, находясь на второмъ курсѣ, В. А. былъ удостоенъ золотой медали за сочиненіе о чертахъ національнаго юмора въ русскихъ звѣриныхъ сказкахъ. Этимъ предметомъ В. А. продолжалъ заниматься и впослѣдствіи, — и плодомъ его работы явилась цѣлая книга о русскихъ животныхъ сказкахъ.

Со времени поступленія на словесное отдѣленіе В. А. рѣшилъ посвятить себя научной дѣятельности и началъ къ ней подготавливаться. Нельзя не сказать, что въ этомъ случаѣ ему въ значительной степени приходилось рассчитывать на свои собственныя силы.

На старшихъ курсахъ научные интересы покойнаго В. А. Боброва расширились. Онъ получилъ даже особенное влеченіе къ наукѣ объ языкѣ, антропофоникѣ, русской фонетикѣ, диалектологіи, а такъ же и къ исторіи русскаго языка, къ палеографіи и древней письменности.

Какъ заботливо готовился В. А. къ свсей будущей научной дѣятельности, можетъ показать то обстоятельство, что спеціально ради палеографіи онъ очень основательно изучилъ фотографію; такъ какъ готовые, сухія пластинки не достаточны для яснаго воспроизведешя древнихъ письменъ, то онъ изучилъ такъ называемый влажный способъ фотографированія съ собственноручнымъ изготовленіемъ пластинки, а потомъ изучилъ такъ же и техническое производство фототипіи и фотогравюры. Его любимую мечтою было самому сфотографировать и фотогравировать изданіе Святославова Сборника 1076 года, памятника, который онъ тогда уже намѣтилъ себѣ для спеціального изученія.

Въ маѣ 1897 г. В. А. блестяще, на круглое 5, выдер-

водствомъ развилось въ Дерптѣ не мало лицъ, научные труды коихъ потомъ появлялись въ печати, какъ то: Урсинъ-Здѣховскій, Рейнгольдъ, Вольтеръ, Змигродскій, двое Бобровыхъ, Еггерверъ — все это при сравнительно ничтожномъ числѣ лицъ, посвящавшихъ себя тогда изученію предметовъ спеціального отдѣленія русскаго языка и литературы.

жалъ экзаменъ на кандидата славяно-россійской филологіи, и какъ имѣющій уже золотую медаль, былъ немедленно утверждень въ степени. По окончаніи курса В. А., желая довершить свое образованіе, остался въ университетѣ слушать лекціи по исторіи, по другому отдѣленію того же факультета, а вмѣстѣ съ тѣмъ былъ представленъ и къ оставленію при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію.

Наряду съ тѣмъ, съ осени того же 1897 года онъ былъ назначенъ вольнонаемнымъ лекторомъ русскаго языка при Юрьевскомъ Ветеринарномъ институтѣ.

Всѣ слушатели института обязаны были сдавать экзаменъ въ знаніи русскаго языка и русской литературы. Преподаваніе происходило въ формѣ лекцій, обыкновенно по три часа въ недѣлю.

Эту должность исполнялъ В. А. въ теченіи четырехъ лѣтъ и съ успѣхомъ. На своихъ лекціяхъ В. А. успѣлъ прочесть очень обширный курсъ исторіи новой русской литературы, составляющій четыре обширныхъ рукописныхъ тома.

Кромѣ того, въ 1900 г. В. А. получилъ еще уроки исторіи въ высшихъ классахъ Юрьевской женской гимназіи имени А. С. Пушкина. Здѣсь онъ сразу зарекомендовалъ себя отличнымъ преподавателемъ, о чемъ свидѣтельствуютъ официальные документы.

Со своей стороны, министерство народнаго просвѣщенія удовлетворило ходатайство факультета и оставило В. А. Боброва профессорскимъ стипендіатомъ по кафедрѣ славяно-русской филологіи.

Чтеніе лекцій, уроки исторіи и приготовленіе къ магистерскому экзамену заставили В. А. работать въ высшей степени напряженно. Какъ показываетъ официальный отчетъ объ его ученыхъ занятіяхъ, онъ успѣлъ за это время ознакомиться и усвоить себѣ познаніе огромной литературы по интересовавшимъ его вопросамъ научной спеціальности.

Центральнымъ пунктомъ его студій оставался, однако, излюбленный имъ Святославовъ Сборникъ 1076 г. Онъ стре-

мился изучить его въ всѣхъ отношеніяхъ — палеографически, со стороны языка и со стороны его историко - литературнаго состава. Последнее оказалось особенно труднымъ. Сборникъ 1076 года не имѣеть греческаго оригинала, съ котораго онъ былъ бы прямо переведенъ, какъ это имѣеть мѣсто при Сборникѣ 1073 г. Для каждой статьи 1076 года приходилось самостоятельно подыскивать оригиналы греческіе по *Cursus completus patrologiae Миня*. Съ увлеченіемъ возился надъ греческими текстами молодой филологъ, взгромоздивъ у себя на квартирѣ цѣлую кучу увѣсистыхъ томовъ Миня, числомъ штукъ до полутора ста или двухъ сотъ.

На ряду съ тѣмъ онъ предпринималъ еще большую работу надъ составленіемъ къ этому Сборнику 1076 г. словаря-указателя всѣхъ словъ и всѣхъ попадающихся формъ этого слова съ отмѣткой всѣхъ мѣстъ, страницы и строки. Для этого ему пришлось изготовить, кажется, около 27 тысячъ карточекъ. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ подыскивалъ параллели къ текстамъ Сборника въ другихъ литературныхъ памятникахъ, какъ то Сборникъ 1073 года, Прологъ, Златыхъ цѣпяхъ, Измарагдахъ, Маргаритахъ и т. п.

За время своего профессорскаго стипендіатства В. А. совершилъ на свой счетъ нѣсколько поѣздокъ съ ученою цѣлю. Во первыхъ, онъ неоднократно ѣздилъ по Лифляндской губерніи, по русскимъ селеніямъ для изученія особенностей мѣстнаго русскаго діалекта и собиранія произведеній русской народной словесности, матеріаловъ этнографическихъ и фольклористическихъ. Плодомъ этихъ поѣздокъ явились въ послѣдствіи его сборникъ русскихъ пѣсенъ и матеріалы къ мѣстной русской діалектологіи (въ „Сборникъ“ въ честь И. В. Ягича). На этомъ поприщѣ В. А. Бобровъ явился первымъ.

Кромѣ того, В. А. ѣздилъ въ Петербургъ для занятій надъ рукописью Сборника Святослава 1076 г., хранящейся въ Императорской Публичной Библіотекѣ, и въ Казань, гдѣ онъ работалъ въ Духовной Академіи надъ рукописями Соловецкой Библіотеки; здѣсь отыскивалъ онъ тексты, подходящіе

къ текстамъ Сборника 1076 года, при чемъ изучилъ не мало рукописей, не попавшихъ еще въ „Описаніе“ рукописей этой Библіотеки.

Но упорные и всесторонніе труды не привели В. А. Боброва къ исполненію его завѣтной мечты. Раскрывать всѣ причины этого неисполненія мы считаемъ пока еще преждевременнымъ. Скажемъ лишь, что вина лежала не на стипендіатѣ, который работалъ, напрягая всѣ силы. Занятія его Министромъ народнаго просвѣщенія и факультетомъ по отчету были одобрены, и онъ уже намѣревался приступить къ магистерскому экзамену, уже выработывалъ со своими будущими экзаменаторами программы экзаменовъ, когда неожиданно министерство народнаго просвѣщенія воспретило ему сдавать экзаменъ на магистра русской словесности при Юрьевскомъ университетѣ, ссылаясь на отсутствіе въ составѣ факультета спеціалиста по исторіи западно-европейскихъ литературъ. Это запрещеніе подорвало настроеніе молодого ученаго; онъ попытался - было обратиться въ другой университетъ, но оба тамошніе спеціалисты отнесли „къ несвоему“ магистранту болѣе, чѣмъ недружелюбно. Спеціалистъ по русскому языку даже нанечаталъ свою предполагаемую программу экзамена, причемъ одинъ только списокъ пособій и вопросовъ занималъ чуть не цѣлый печатный листъ. Объ этомъ эпизодѣ изъ жизни Владимира Александровича тоже можно было бы сообщить любопытныя подробности, которыя и появятся въ печати въ свое время: „не приспѣ бо часъ“.

Между тѣмъ стипендія его окончилась, заработокъ его въ Юрьевѣ былъ ничтожный, неимѣніе штатнаго мѣста или непредоставленіе ему такого грозило отбываніемъ воинской повинности; онъ рѣшился испытать свои силы на педагогическомъ поприщѣ, разумѣется, не бросая своихъ ученыхъ занятій, и обратился въ разные учебные округа, прося штатнаго мѣста учителя исторіи. Понятно, что преподавателя съ такую подготовкой желали имѣть многіе округа. Изъ всѣхъ предложенныхъ мѣстъ В. А. выбралъ себѣ мѣсто штатнаго

преподавателя исторіи и географіи при Самарскомъ реальномъ училищѣ имени Александра Благословеннаго — и навсегда простился съ Юрьевомъ, гдѣ его ученая карьера не нашла себѣ достойнаго завершенія, а быть можетъ, и надлежащаго признанія, и благожелательной поддержки.

Началась учебная служба В. А. Боброва, которую онъ называлъ потомъ „тридцатичасовой каторгою“. 30 уроковъ въ недѣлю въ душныхъ классныхъ помѣщеніяхъ дѣйствовали на него сначала такъ, что, приходя домой изъ училища, онъ замертво сваливался на кровать отъ нервнаго утомленія, не могъ ѣсть, но не могъ и спать и оставался вполне разбитымъ. Не безъ труда втянулся онъ въ учительскую лямку и впоследствии находилъ даже время на свои ученія занятія. За это время появились его статьи и замѣтки въ „Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ“, Ягичевомъ *Archiv für slavische Philologie*, и въ казанскихъ „Извѣстіяхъ Пушкинскаго Общества“. Вначалѣ онъ просился было въ Казань, но тогдашній попечитель С. О. Спѣшковъ не согласился на это перемѣщеніе (В. А. хотѣлъ продолжать свои занятія надъ рукописями Соловецкой Библіотеки). А потомъ онъ обжился въ Самарѣ.

Благодаря своей образованности и ученой подготовкѣ, В. А. Вобровъ вскорѣ занялъ видное мѣсто среди самарскихъ педагоговъ и вообще завязалъ обширныя и пріятныя знакомства въ обществѣ. Его попросили принять на себя преподаваніе методики исторіи въ VIII классѣ Самарской же первой женской гимназіи. Въ самомъ реальномъ училищѣ В. А. много потрудился надъ переустройствомъ и новою каталогизаціею ученической библіотеки. Кромѣ того, ему удалось пробудить у своихъ учениковъ нумизматическіе интересы. Изъ приношеній учениковъ составилъ маленькій, но хорошій для средняго учебнаго заведенія музей монетъ¹⁾. Директоръ, покойный нынѣ Пономаревъ взялъ музей въ свое завѣдываніе и охотно показывалъ его начальству при ревизіяхъ, какъ

1) Ср. ниже, въ его мнѣніи о преподаваніи исторіи.

свое собственное дѣтище. Разумѣется, все это дѣло съ музеемъ заглохло, особенно, когда покинулъ Самару его инициаторъ, а монеты, кажется, растаскали служителя.

Какъ признавалъ впослѣдствіи самъ покойный, въ Самарѣ ему жилось всего спокойнѣе, и всегда съ удовольствіемъ оглядывался онъ потомъ на этотъ періодъ своей жизни. Ученики любили его, и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ послѣ оставленія имъ Самарскаго училища посылали ему сочувственныя письма.

Скажемъ теперь, что В. А. былъ очень строгимъ и требовательнымъ учителемъ и воспитателемъ. Вопреки довольно распространенному во многихъ среднихъ школахъ мнѣнію о легкости предмета исторіи, этотъ предметъ въ рукахъ В. А. Боброва становился однимъ изъ наиболѣе серьезныхъ средствъ умственнаго образованія. Объ его методахъ нѣтъ надобности распространяться потому, что онъ изложилъ ихъ самъ въ особой брошюрѣ, а ниже приведено его оффиціальное мнѣніе о средствахъ къ подъему уровня преподаванія исторіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Чрезвычайно строгими и настойчивыми требованіями онъ заставлялъ заниматься исторіею всякаго, и получить у него даже удовлетворительный баллъ было далеко нелегко. Но, требуя много, В. А. и давалъ отъ себя много, постоянно работалъ (по ночамъ) надъ собственнымъ усовершенствованіемъ въ исторіи, надъ расширеніемъ своихъ собственныхъ свѣдѣній и все вновь пріобрѣтенное излагалъ въ доступной формѣ на своихъ урокахъ ученикамъ. На урокахъ его равнымъ образомъ всегда поддерживалась строжайшая дисциплина.

Такъ же чрезвычайно строгъ былъ В. А. и въ качествѣ класснаго наставника. Но эта строгость имѣла благотѣльное дѣйствіе. Относясь строго, но просто, искренно, и серьезно, В. А. вникалъ въ индивидуальность каждаго ученика, изучалъ его не только въ классѣ, но и среди его домашней обстановки, стараясь себѣ дать точный отчетъ, отчего именно въ данномъ случаѣ ироистекаетъ неуспѣшность или дурное поведеніе ученика. Опредѣливъ причину зла, В. А. обычно-

венно довольно удачно и освобождалъ ученика отъ его недостатка, примѣняя къ нему самые разнообразные приемы. Классы его всегда отличались значительнымъ повышеишемъ успѣшности, если не полнымъ исчезновеніемъ неуспѣшности, и чрезвычайнымъ подъемомъ дисциплины, за что его благодарили коллеги, имѣвшіе уроки въ томъ классѣ, котораго бывалъ онъ наставникомъ . . . Черезъ нѣсколько лѣтъ и сами ученики начинали понимать всю пользу, принесенную имъ ихъ строгимъ учителемъ, и благодарили его устно и письменно за добро . . . Въ должности учителя исторіи В. А. былъ утвержденъ по представленіи попечителя г. министромъ безъ особаго экзамена.

Семейныя обстоятельства и желаніе быть поближе къ родной семьѣ, жившей по прежнему въ Юрьевѣ, заставили В. А. покинуть Самару и перепроситься вторично въ Рижскій учебный округъ. Ранѣе того онъ просился на службу въ Варшаву, гдѣ хотѣлъ заниматься при университетѣ подъ спеціальнымъ руководствомъ Е. Θ. Карскаго, спеціалиста по палеографіи, діалектологіи и исторіи русскаго языка, но ему и сюда не удалось перемѣститься.

Въ Рижскомъ учебномъ округѣ В. А. Боброву дали одно изъ лучшихъ мѣстъ по его части: а именно, штатное мѣсто учителя исторіи и географіи при Рижскомъ казенномъ реальномъ училищѣ имени Петра Перваго. Это училище всегда считалось разсадникомъ будущихъ инспекторовъ и директоровъ округа, которые, преимущественно, назначались тогда изъ числа преподавателей Петровскаго училища.

Служба Владимира Александровича въ Ригѣ отличалась тѣми-же чертами, что и служба въ Самарѣ; и здѣсь онъ былъ строгимъ, но много дающимъ учителемъ исторіи и взыскательнымъ, но заботливымъ класснымъ наставникомъ. Здѣсь тоже ему пришлось взять на себя ученическую бібліотеку, каталогизировать ее и вообще положить на нее массу неблагодарнаго труда. Послѣ года службы онъ былъ приглашенъ къ участию въ испытательномъ комитетѣ въ качествѣ экзаменатора по предмету исторіи; былъ назначаеми и депута-

томъ отъ округа при производствѣ выпускныхъ испытаній въ женскихъ частныхъ гимназіяхъ.

Служебныя занятія поглощали массу времени, и досуга оставалось мало. Но В. А. не покидалъ и ученыхъ занятій, употребляя на нихъ, преимущественно, поздніе вечера и ночи. Литературная дѣятельность его за это время сосредоточилась, главнымъ образомъ, въ „Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ“ и „Сборникѣ“ Учено-литературнаго Общества при Юрьевскомъ университетѣ, членомъ какового Общества онъ состоялъ. Академія Наукъ (II Отдѣленіе ея) поручило ему изданіе Сборника 1076 года съ примѣчаніями, словаремъ и комментаріями, и В. А. снова усиленно работалъ по вопросамъ, соприкасающимся со Сборникомъ. Археографическая комиссія, пользуясь пребываніемъ В. А.—ча въ Ригѣ, просила его поработать въ мѣстномъ нѣмецкомъ городскомъ архивѣ, гдѣ хранится множество древнѣйшихъ документовъ. В. А. Боброву поручалось рассмотреть и описать, а внослѣдствіи и издать древнія грамоты русскихъ удѣльныхъ князей (полоцкихъ, новгородскихъ, псковскихъ, смоленскихъ и т. д.), которыя имѣются въ архивѣ. И къ этой работѣ В. А. уже приступилъ, а именно изучилъ ихъ напечатанные тексты, поскольку онѣ изданы у Напьерскаго въ „Русско-Ливонскихъ актахъ“ и въ *Urkundenbuch's Bunge* съ продолженіями.

Матеріальное обезпеченіе В. А.—ча въ Ригѣ было приличное, служебныя дѣла его шли въ общемъ неплохо, но съ переѣздомъ въ Ригу произошелъ въ его натурѣ какой-то переломъ. Въ лучшіе годы жизни (въ 33 года) онъ сталъ чувствовать нѣкоторое утомленіе, жаловался на преподавательскую службу и хотѣлъ бы отъ нея избавиться. Пока не представлялось къ тому никакой возможности. Несомнѣнно, что сердце его съ давнихъ поръ было ранено неудачею его ученой карьеры, — неудачею, въ которой онъ, по совѣсти, могъ всего менѣе обвинять самого себя. Онъ мечталъ опять какъ-либо устроиться при университетѣ или, по крайней мѣрѣ, въ университетскомъ городѣ, чтобы возобновить личныя сноше-

нія съ ученою корпораціею. Но и на этотъ разъ всё его попытки не увѣнчались успѣхомъ. Не удалось ему, несмотря на всё хлопоты, получить мѣста въ Петербургѣ, не удалось даже перебраться въ Юрьевъ, гдѣ онъ могъ бы работать въ университетской библіотекѣ и жить притомъ въ родной семьѣ....

Въ Ригѣ характеръ В. А.—ча сталъ замѣтно измѣняться; онъ сталъ мрачнѣе, серьезнѣе, сталъ менѣе разговорчивымъ, сталъ болѣе углубляться въ себя.

Между тѣмъ грянули смута и лихолѣтье, особенно сильно, какъ извѣстно, разъигравшіяся въ Прибалтійскомъ краѣ. Много педагоговъ за это время поддалось новизнѣ и поплыло по теченію, снискивая себѣ одобреніе и публики, и питомцевъ, и даже начальства. В. А. Бобровъ принадлежалъ въ это тяжкое время къ тѣмъ весьма немногимъ преподавателямъ, которые, попадая за это даже въ опалу у начальства, и своего ближайшаго (директоръ), и высшаго начальства, твердо стояли на своемъ посту и ни на дюймъ не подались, ни въ право, ни въ лѣво, а вели дѣло по прежнему и очень строго. Проявлять подобную твердость въ то время требовало не мало гражданского мужества, но В. А. устоялъ. Здѣсь, разумѣется, не мѣсто разбирать его политическія убѣжденія. Мы скажемъ лишь, что онъ не принадлежалъ оффиціально и ни на минуту ни къ одной политической организаціи или партіи, и что основнымъ его догматомъ было, что въ средней школѣ не можетъ быть дано ни малѣйшаго мѣста политикѣ: среднее учебное заведеніе въ его глазахъ было учрежденіемъ для обученія и воспитанія — и только Это онъ и проводилъ съ обычною своего строгостью и неослабностію и за то имѣлъ утѣшеніе видѣть, что въ его классѣ не было допущено ни малѣйшаго эксцесса

Волна анархіи сбѣжала такъ же скоро, какъ и нахлынула. Но школы сильно отъ нея потерпѣли; нѣкоторыя гимназіи, какъ, напр., Либавская Николаевская были совсѣмъ расшатаны, и въ одинъ годъ мѣняли по 2—3 инспектора и директора. Одинъ директоръ принужденъ былъ бѣжать изъ

Либавы ночью подъ прикрытіемъ военной силы. Понадобились на административные посты стойкіе, мужественные люди, которые могло бы укрѣпить распатавшіеся школьные устои. И вниманіе начальства между прочимъ остановилось и на В. А. Бобровѣ въ цѣляхъ опредѣленія его инспекторомъ въ одну изъ гимназій края.

Лѣтомъ 1907 года В. А. Бобровъ былъ откомандированъ на педологическіе курсы при Соляномъ Городкѣ; а въ августѣ мѣсяцѣ того же года онъ получилъ злосчастное назначеніе инспекторомъ Либавской Николаевской гимназіи.

И при этомъ назначеніи ему сильно не повезло. Были двѣ инспекторскія вакансіи: въ Юрьевской гимназіи и въ Либавской; разумѣется, В. А. просился въ Юрьевъ, но тогдашній попечитель, Д. М. Лѣвшинъ, несмотря на его просьбу, почему то заблагоразсудилъ назначить его именно въ Либаву, а въ Юрьевъ назначилъ другого, котораго черезъ мѣсяць перемѣстилъ опять

Либавская служба В. А. Боброва — черезчуръ свѣжая страница, и мы предпочтемъ ее пока пройти, не трогая деталей. Скажемъ лишь, что В. А. съ необычайною энергіею принялся за дѣло, — и несмотря на ожесточенное противодействие революціонной партіи, имѣвшей въ гимназіи одинъ изъ оплотовъ, и приговорившей новаго инспектора къ смерти, ему удалось сдѣлать то, чего не смогъ сдѣлать цѣлый рядъ смѣнившихся до него инспекторовъ, т. е. удалось вернуть Николаевскую гимназію къ обычному порядку занятій и къ господству законности. Борьба была очень ожесточенная, противъ инспектора заключили блокъ самыя разнообразныя лица, которыхъ мы не хотимъ именовать, — лица, добавимъ мы, по своему служебному положенію, никакъ не могущія, собственно, идти противъ инспектора; родительскій комитетъ, председателемъ котораго было лицо крайнихъ убѣжденій, былъ закрытъ по распоряженію высшихъ властей. Либавская гимназія была первою, гдѣ упразднили молитвы, чтобы не оскорблять религіознаго чувства евреевъ. Но инспекторъ отстоялъ

порядокъ, овладѣлъ довѣріемъ учениковъ и успокоилъ ихъ. Въ концѣ года стало возможнымъ то, чего дожидались пару лѣтъ, а именно торжественно освятили и водрузили въ актовомъ залѣ Царскій портретъ, иричемъ былъ пропѣтъ гимнъ — впервые, послѣ промежутка, въ Либавскихъ учебныхъ заведеніяхъ Инспекторъ одолѣлъ, но дорогою цѣною, цѣною своего здоровья и жизни. Несомнѣнно, годъ Либавскій подорвалъ душевное равновѣсіе В. А. Боброва, но подорвалъ его и физически. За этотъ одинъ годъ, въ 35 лѣтъ онъ сразу посѣдѣлъ весь, и въ головѣ, и въ бородѣ. Постоянная травля, постоянная, неустанная охота за его жизнью сдѣлали свое дѣло.

Но и въ это ужасное для него время В. А. не покидалъ науки. Онъ допечатывалъ свою книгу о животномъ эпосѣ и обрабатывалъ матеріалы о русскихъ говорахъ Лифляндской губерніи. Послѣднимъ его трудомъ, котораго онъ уже не видалъ въ печати, была статья объ этихъ говорахъ въ Юбилейномъ сборникѣ въ честь *И. В. Ягиза*. Кромѣ того, въ послѣднее время В. А. возъмѣлъ желаніе окончательно специализироваться по лингвистикѣ и держать экзаменъ на магистра сравнительнаго языковѣдѣнія; поэтому онъ очень усердно — и опять-таки по ночамъ — занимался санскритомъ. Послѣ него остались цѣлыя груды бумагъ, исписанныхъ деванагаритекстами и ихъ анализомъ. Обработывались имъ и многіе другіе труды, какъ напр., исторія православной церкви въ Прибалтійскомъ краѣ

Въ августѣ 1908 г. В. А., желая создать вокругъ себя спокойную, семейную атмосферу, ища мира — среди жестокой войны, которую ему приходилось вести, женился. Этотъ бракъ увѣнчалъ его старую любовь, длившуюся около шести лѣтъ. Но и любовь не была легкимъ чувствомъ для В. А. Боброва: онъ относился къ *jene Azra, welche sterben, wenn sie lieben*

Обиця ожиданія предсказывали В. А.—чу въ виду его несомнѣнныхъ и выдающихся заслугъ повышение и директорское мѣсто. Но на первый разъ ему было предложено болѣе скромное мѣсто: инспектора, завѣдывающаго отдѣльною про-

гимназію въ г. Полангенѣ Курляндской губерніи, на самой почти прусской границѣ. Несомнѣнно, что на будущее время В. А. считался однимъ изъ виднѣйшихъ кандидатовъ на директорскія мѣста по округу Рижскому, какъ и по другимъ.

Въ Полангенѣ В. А. имѣлъ преподавать латинскій языкъ, тогда какъ въ Либавѣ онъ преподавалъ исторію и психологію, подготовку къ которой онъ получилъ на педологическихъ курсахъ. В. А.—чу и въ Полангенѣ предстояла обширная работа по переустройству прогимназіи, которая считалась очень запущенною. Во второй разъ требовалась отъ него такая же работа, на которую, быть можетъ, у него уже не было достаточно силъ: онъ отказывался отъ Полангена, но добился лишь того, что его не назначили, а только командировали на время, съ оставленіемъ въ Либавѣ. Въ Либавской же гимназіи директорское мѣсто замѣстили не имъ, а другимъ лицомъ.

Назначеніе въ Полангенѣ имѣло и свои пріятныя стороны. Правда, это мѣсто глухое — и не лежащее даже на желѣзной дорогѣ, — но за то мѣстоположеніе его здоровое (лѣтомъ — курортъ), жизнь сравнительно дешевая, обезпеченіе при казенной квартирѣ порядочное, занятій мало (всего 12 уроковъ), имѣлась возможность исподволь и въ маленькомъ масштабѣ изучить дѣло управленія учебнымъ заведеніемъ и такимъ образомъ приготовиться въ директоры, дана была независимость, ибо надъ В. А. уже не было директора, который сталъ бы противодѣйствовать его начинаніямъ, или клеветать на него по начальству, былъ досугъ для ученыхъ работъ и подготовки къ экзамену — а главное, была возможность отдохнуть, подлѣчиться и привести въ иорядокъ организмъ, страшно потрясенный либавской службой. Либавская атмосфера была губельна для В. А. Боброва; ему пужно было какъ можно скорѣе изъ нея вырваться. Онъ и покинулъ ее, но, какъ показали событія, черезчуръ поздно. Въ Полангенѣ онъ пріѣхалъ, повидимому, уже больнымъ

Тѣмъ не менѣе по пріѣздѣ въ Полангенѣ 10 ноября 1908

года В. А. бодро принялся за службу, сталъ давать уроки и принялъ дѣла, которыя, впрочемъ, скоро и сдалъ, получивъ по болѣзни отпускъ для отъѣзда изъ Полангена въ Юрьевъ на лѣченіе. Онъ было и поѣхалъ, но почему то вернулся. Произошла ужасная драма и катастрофа. Въ часъ ночи съ 20 на 21 ноября В. А. Бобровъ застрѣлился

О подробностяхъ катастрофы мы не станемъ распространяться, потому что все это описано въ газетахъ, хотя и въ различныхъ версіяхъ. Наиболѣе близкою къ событіямъ является статья подъ заглавіемъ „Драма русскаго инспектора“ въ „Новомъ Времени“, № 11752, отъ 28 ноября, стр. 5. Многое не досказано, но кое-чего пока и нельзя сказать, а кое-что и вообще не разгадано. Можно лишь выразить сожалѣніе, что ни врачъ прогимназіи, ни товарищи, ни полицеймейстеръ, ни судебный слѣдователь, который постановилъ начать судебное слѣдствіе за мнимое покушеніе на убійство жены, не интернировали, несмотря на просьбы самого больного, и даже не обезоружили его Больной, постоянно имѣя въ карманѣ револьверъ, расхаживалъ по городу и прогимназіи. Вообще никто не считалъ нужными какія-либо мѣры къ предотвращенію несчастія, которое можно было уже предвидѣть, и о которомъ больной говорилъ самъ, — даже не извѣстили ни отца, ни старшаго брата, которые немедленно прибыли бы на мѣсто Предоставили все съ удивительнымъ безразличіемъ и халатностію на волю случая — и больной погибъ Ходили какіе-то темные слухи о подметныхъ письмахъ, коими преслѣдовали В. А.—ча Кажется, либавскіе враги не оставили его въ покоѣ и въ Полангенѣ

Такъ печально, всего на 37-мъ году отъ роду оборвалась жизнь человѣка, который еще какихъ-либо 14 лѣтъ тому назадъ, въ эпоху писанія имъ медальной работы о животныхъ сказкахъ буквально кипѣлъ и былъ переполненъ самыми широкими научными планами и задачами Жизнерадостный, веселый, почти шаловливый юноша-проказникъ, не проживъ и полутора десятковъ лѣтъ еще, подъ суровымъ дыханіемъ житей-

скихъ обстоятельствъ, въ полномъ отчаяніи, угрюмости и изступленіи, наложилъ на себя руки

Смерть Владимира Александровича вызвала глубокое сожалѣніе не только среди знавшихъ его лично, но даже и тѣхъ, кто зналъ его лишь заочно, по его ученымъ трудамъ; объ этомъ свидѣтельствуютъ письма, полученныя родными усопшаго отъ нѣкоторыхъ весьма видныхъ представителей науки. Но нельзя не пожалѣть, что нѣкоторыя изъ этихъ очень вліятельныхъ лицъ не изъявили своей симпатіи ему самому при жизни и не походатайствовали о томъ, чтобы поставить гибнущаго ученаго въ соответственную ему обстановку.

Очень прискорбнымъ является то обстоятельство, что передъ смертью В. А. истребилъ бумаги, бывшія съ нимъ; уцѣлѣло лишь то, что оставалось въ семейномъ архивѣ въ Юрьевѣ. В. А. писалъ довольно много, но былъ вообще очень остороженъ съ печатаніемъ и предавалъ тисненію развѣ лишь $\frac{1}{5}$ того, что писалъ. Такимъ образомъ погибли, сожжены и никогда уже не увидятъ свѣта многіе ученые труды В. А.—ча. Онъ съ собою имѣлъ бѣловыя своихъ работъ. Кое-что, черновыя, наброски оставались въ Юрьевѣ. Вообще же бумаги его нуждаются въ пересмотрѣ и сортировкѣ. Все, достойное вниманія и сохраненія, будетъ въ видѣ цѣлаго собранія съ описью передано родными рукописному отдѣленію бібліотеки Императорской Академіи Наукъ. Уцѣлѣвшія работы были и еще будутъ напечатаны въ „Извѣстіяхъ Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ“ и „Сборникѣ“ Учено-литературнаго Общества при воспитавшемъ В. А. Боброва Юрьевскомъ университетѣ.

Разсматривая жизнь В. А. Боброва въ ея цѣломъ, нельзя не отмѣтить, что она сложилась замѣчательно несчастливо и неудачно. Неудачи неизмѣнно преслѣдовали его всю жизнь, шли за нимъ по пятамъ; иногда эти неудачи представляли собою велѣнія судьбы и непреодолимую *vis major*; иногда же неудачи его опредѣлялись просто желаніями и нежеланіями властныхъ лицъ, директора Иванова, нѣкоторыхъ профессо-

ровъ, попочетителей Такъ, напр., несмотря на всѣ усилія, В. А. Боброву не удалось найти себѣ штатнаго мѣста въ университетскомъ городѣ: Юрьевѣ, Варшавѣ, Казани, не говоря уже о Петербургѣ И на преподавательскомъ поприщѣ, на которое В. А. вступилъ скрѣпя сердце и противъ своей воли, онъ оказался, благодаря своимъ талантамъ и энергіи, выдающимся и полезнымъ работникомъ. Мнѣніе его начальства, запрошеннаго при назначеніи его на высшую должность, было: „отлично знаетъ и преподаетъ свой предметъ, исторію, прекрасно ведетъ классъ, какъ классный наставникъ“. Мы хотѣли бы при этомъ случаѣ отмѣтить одну весьма важную черту въ воспитательской дѣятельности В. А. Боброва, это — его рѣдкое безпристрастіе, полное отсутствіе лицепріятія. Въ его глазахъ никогда не играли ни малѣйшей роли социальное положеніе родителей ученика, ихъ богатство или бѣдность, ихъ религія и національность. Богатый или бѣдный, сынъ генерала или сапожника, православный, католикъ или лютеранинъ, еврей, нѣмецъ, латышъ, эстонецъ, полякъ, литовецъ — кто ни былъ его ученикъ, В. А.—чу было рѣшительно все равно; его интересовала лишь духовная личность воспитанника, безотносительно къ ея положенію въ свѣтѣ — и аристократикъ, и бѣднякъ — одинаково — въ случаѣ неисполненія требованій наказывались, а при наличности заслугъ энергически поддерживались и награждались книгами и медалями. Безпомощные бѣдняки могли бы рассказать кое-что о томъ, какъ строгій классный наставникъ и инспекторъ, оставшись съ ними наединѣ и узнавъ объ истинной причинѣ нехожденія въ классъ, изъ своего кармана дарилъ имъ то на сапоги, то на форменную блузу и т. д.

У насъ все жалуется на недостатокъ лицъ, желающихъ посвящать себя ученой дѣятельности. Научная специальность В. А. Боброва была такова, что на всю Россію съ трудомъ отыщется десятокъ ея представителей. И между тѣмъ, несмотря на его обширную и всестороннюю научную подготовку, на его изумительную работоспособность, трудолюбіе, горячее

желаніе работать, интересъ къ дѣлу и готовность жертвовать матеріальными выгодами въ угоду наукѣ, ему не нашлось никакого мѣста въ нашихъ ученыхъ кадрахъ и пришлось растрачивать свои богатыя силы на совсѣмъ иномъ поприщѣ, менѣе для него интересномъ и соответственномъ, нежели свѣтлое поприще науки Но и здѣсь онъ не нашелъ себѣ достойнаго награжденія за свои изъ ряду выходящіе труды. Попади онъ въ благопріятныя условія, разумѣется, и литературно-научное наслѣдіе его родинѣ и наукѣ было бы болѣе цѣннымъ и вѣскимъ: вѣдь В. А.—чу не удалось даже довести до конца — труда всей своей жизни — изданія Сборника 1076 года. Уязвленная и утомленная душа его требовала отдыха: по слову поэта,

Кто узнаеть, какою кручиною
Надрывалось сердце твое
Передъ вольной твоею кончиною ?

Приведемъ письменное мнѣніе Владимира Александровича, поданное имъ незадолго до смерти, по вопросу о мѣрахъ къ подъему уровня преподаванія исторіи.

Въ первыхъ двухъ классахъ учащіеся знакомятся съ прошлымъ нашей родины. Въ зависимости отъ возраста учащихся, и матеріалъ историческій долженъ быть сообщаемъ въ совершенно доступной ихъ пониманію формѣ. Преподаватель долженъ избѣгать излишнихъ подробностей и останавливаться на событіяхъ и лицахъ, наиболее ярко рисуящихъ ту или другую эпоху. Учебники, употребляемые въ названныхъ классахъ, должны быть наивозможно кратки и служить, главнымъ образомъ, какъ бы конспектомъ при повтореніи пройденнаго матеріала; преподавателю же необходимо каждый урокъ въ доступной, интересной и, по возможности, увлекательной формѣ изложить въ классѣ съ необходимою, по его мнѣнію, полнотой и съ такимъ расчетомъ, чтобы сообщенный учащимся матеріалъ запечатлѣлся въ умахъ и сердцахъ юныхъ

слушателей такъ, чтобы имъ дома пришлось сѣсть за книжку лишь для схематическаго возстановленія въ своей памяти переданнаго имъ въ классѣ. Масса выходящихъ въ настоящее время наглядныхъ пособій, приобрѣтеніе коихъ для всякой школы является предметомъ первой необходимости, закрѣпить въ умахъ дѣтей сообщаемое и при посредствѣ зрительныхъ впечатлѣній уяснить имъ то, что имъ казалось бы непонятнымъ изъ разсказа преподавателя. Употребленіе наглядныхъ пособій переноситъ дѣтей въ ту или другую эпоху, пробуждаетъ ихъ воображеніе, пытливость. Этому же способствуетъ и чтеніе отрывковъ изъ лучшихъ литературныхъ произведеній, соприкасающихся съ тѣмъ или другимъ историческимъ лицомъ или событіемъ. Преподаватель долженъ имѣть въ виду, что цѣлью преподаванія исторіи въ младшихъ классахъ является не только знакомство съ главнѣйшими явленіями родной исторіи, но и пробужденіе интереса къ изученію исторіи вообще; кромѣ того, онъ долженъ сознавать, что въ его рукахъ находится важный воспитательный матеріалъ, который онъ обязанъ использовать въ цѣляхъ развитія не только ума, но и добрыхъ чувствъ учащихся. Отсюда слѣдуетъ, что учитель долженъ быть чуждъ излишняго формализма, черствости, долженъ быть всегда готовъ удовлетворить дѣтскую любознательность; если эти черты должны быть присущи всякому преподавателю, то учителю родной исторіи въ младшихъ классахъ они должны быть присущи въ большей степени. При указанной доступности и наглядности передаваемого историческаго матеріала, при доступности личности преподающаго и благожелательности съ его стороны, и самый интересъ къ предмету будетъ обезпеченъ.

Что касается преподаванія древней исторіи (въ III и IV классахъ), то чуждость и, иногда, сухость матеріала требуютъ особеннаго со стороны преподавателя стремленія сдѣлать этотъ матеріалъ болѣе понятнымъ, доступнымъ. Иллюстрируя проходимые курсы наглядными пособіями, необходимо время отъ времени прибѣгать къ прочитыванію въ классѣ отрывковъ

изъ литературныхъ произведеній, которые, по мнѣнію преподавателя, способствовали бы оживленію проходимаго курса. Весьма желательно, чтобы преподаватель въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ это представляется возможнымъ, прибѣгалъ къ аналогіи, сравненію событій и лицъ древности съ таковыми же изъ изученной уже исторіи отечественной.

Систематическій курсъ исторіи русской и всеобщей въ старшихъ классахъ представляетъ для преподавателя богатый матеріалъ къ пробужденію ученическаго мышленія и возбужденія интереса къ исторіи. Въ учащихся этого возраста особенно замѣтно стремленіе къ критическому мышленію, къ сопоставленію фактовъ, къ сравненію историческихъ дѣятелей. Этимъ зарождающимся стремленіемъ учитель съ усилѣніемъ можетъ воспользоваться, не оставляясь лишь на изложеніи фактической стороны, но указывая на причины и слѣдствія событій, прибѣгая къ аналогіи и сравненію событій и дѣятелей разныхъ государствъ и вѣковъ, останавливаясь на характеристикахъ выдающихся историческихъ лицъ. Произведенія литературныя, русскія и иностранныя, даютъ богатый матеріалъ для оживленія передаваемыхъ историческихъ свѣдѣній и вмѣстѣ съ тѣмъ представляютъ область, гдѣ учащіеся, вооруженные безпристрастными историческими свѣдѣніями, могутъ критически приложить эти свѣдѣнія. Совмѣстная работа преподавателя съ классомъ въ этомъ направленіи весьма желательна, такъ какъ она, несомнѣнно, способствуетъ и пробужденію, и поддержанію интереса къ занятіямъ исторіею. Работа эта можетъ заключаться въ устныхъ собесѣдованіяхъ при участіи всего класса или же производится въ формѣ письменныхъ рефератовъ, время отъ времени подаваемыхъ учениками и разбираемыхъ въ присутствіи и при участіи всего класса.

Наглядныя пособія при преподаваніи исторіи въ старшихъ классахъ также весьма желательны: и ребенокъ, и юноша, и взрослый въ одной и той же, положимъ, картинѣ историческаго содержанія найдутъ себѣ интересное, сообразно возрасту каждаго. Въ настоящее время, съ быстрымъ и про-

дуктивнымъ развитіемъ археологической науки, во всѣхъ ея отрасляхъ представлялось бы весьма желательнымъ знакомить учащихся старшихъ классовъ съ добытыми археологическими ланными, въ видѣ ли снимковъ съ предметовъ или самихъ предметовъ; съ этою цѣлью представляется весьма важнымъ въ смыслѣ поднятія историческаго интереса чаще устраивать экскурсіи учащихся въ тѣ или другія историческія мѣстности и осматривать подъ опытнымъ руководствомъ тѣ или инныя древлехранилища. Нельзя не признать цѣлесообразнымъ въ смыслѣ подъема интереса къ изученію исторіи составленіе самими учащимися историческихъ коллекцій: пусть это будутъ сначала предметы самые обыкновенные, но по мѣрѣ ихъ накопленія, ученики, систематизируя ихъ и составляя свой школьный музей, съ интересомъ будутъ присматриваться къ древностямъ, живой старинѣ, этнографіи, бытовымъ особенностямъ и т. д. своего мѣстечка, города, губерніи. Это непосредственное соприкосновеніе съ элементами исторической жизни и вдумчивое къ нимъ отношеніе способствовало бы въ извѣстной степени и развитію интереса къ исторической наукѣ.

Дадимъ мѣсто тому, что по поводу смерти В. А. Боброва напечаталъ главный органъ ученаго славяновѣденія, Ягичевъ *Archiv für slavische Philologie*, т. 30, тетрадь III, стр. 479—480.

Am ^{21. Nov.}_{4. Dez.} 1908 fand in Polangen (russisches Kurland, an der preussischen Grenze) sein tragisches Ende das Leben eines Forschers auf dem Gebiete der slavisch-russischen Philologie, Vladimir Bobrow. Als Sohn eines Kronsländmessers in Riga den 9. August 1872 geboren, bekam er seinen ersten Unterricht in den Gymnasien zu Ekaterinburg und Perm, studierte in den Jahren 1893—1897 zu Dorpat. Hier erwarb er die goldene Medaille auf Grund einer Prämienschrift und den gelehrten Grad eines Kandidaten der slavisch-russischen Philologie. Dann wurde er an derselben Universität als ein sogenannter Professoren-Stipendiat belassen, fungierte als Lektor der russischen Sprache und Literatur

an dem Dorpater Veterinär-Institut und als Geschichtslehrer an dem Mädchen-Gymnasium daselbst. Im Jahre 1901 war B. ernannt zum etatmassigen Geschichtslehrer an dem Realgymnasium zu Samara, im Jahre 1904 versetzt in derselben Eigenschaft nach Riga und im Jahre 1907 bekam der Verewigte die für ihn fatale Ernennung zum Inspektor an dem Nikolai-Gymnasium zu Libau. B. genoss die Reputation eines erfahrenen Administrators und eines ausgezeichneten Lehrers und Erziehers. Deshalb war er auch mit der Mission betraut, das durch die Revolution stark mitgenommene Libauer Gymnasium zur Ordnung zu bringen. Ein Jahr der angestrengtesten Arbeit, verbunden mit der beständig drohenden Todesgefahr, brachte, wie es scheint, die Psychik des B. aus dem Gleichgewicht. Im November desselben Jahres wurde B. zum selbständigen Verweser des Progymnasiums zu Polangen erhöht. Hier aber fand bei ihm ein Familiendrama statt, infolgedessen er zuerst einer akuten Psychose verfiel und dann sich erschoss

Bis zu seinem allzufrühen Tode (im 37-sten Jahre des Lebens) hing Vladimir Bobrow seiner Wissenschaft treu an. Während seine dienstlichen Pflichten ihn den ganzen Tag völlig in Anspruch nahmen, verwandte er gewöhnlich die Nächte zu seinen geliebten Arbeiten und gab den Gedanken, einmal die gelehrte Karriere einzuschlagen, nicht auf. Seine wissenschaftlichen Interessen waren sehr weit. Er arbeitete über Folklore, Linguistik, Lexikographie, russ. Dialektologie, Palaographie, Geschichte der russischen Literatur, sowohl der alten, als der neuen. Aus der deutschen gelehrten Schule hervorgegangen, war der Verstorbene, als Forscher, sehr vorsichtig, minutiös und liess sich nicht von grossen und weiten Abstraktionen hiureissen. Seine Arbeiten waren immer faktisch und präzise. Dies war auch der Grund, dass B. überhaupt wenig druckte, obwohl er viel schrieb. Die Hauptmasse seiner Arbeiten blieb im Manuskript. Sein handschriftlicher Nachlass ist gross; doch hatte der Verfasser recht Vieles noch vor dem Tode verbrannt. Am meisten hat B. an der Erforschung der drittältesten russischen Handschrift Sbornik Svjatoslav's vom Jahre 1076 gearbeitet. Manches davon ist ge-

druckt, das Meiste aber nicht. Der Sbornik sollte aliseitig, paläographisch, linguistisch, literar-historisch usw. erforscht werden. Als Erster hat sich B. an das Studium russischer Mundarten und Volkslieder seines Heimatlandes, Livlands, gemacht. Dann stammt von ihm ein grosses Buch über russische Tiermärchen, in welchem er die Selbständigkeit und graues Altertum der russischen Tradition gegen den Polen Kolmačevski verfiucht. Auch eine pädagogische Schrift hat B. verfasst, nämlich über die Methodik des Geschichtsunterrichts an den Realgymnasien.

Mit voller Manneskraft hatte der Verewigte sein Leben in den Dienst der Wissenschaft und der Mittelschule gestellt. Sein persönliches Privatleben hatte ihm nichts Erfreuliches geschenkt! Die ungünstigen Umstände liessen ihn viel weniger zustande bringen, als er selbst in der Absicht hegte, und als es seine geistige Befähigung ihm erlaubte.

Списокъ печатныхъ трудовъ Владимира Александровича Боброва.

1. Замѣтки о преподаваніи исторіи въ реальныхъ училищахъ. Юрьевъ, 1907.
2. Русскія народныя сказки о животныхъ. Ислѣдованіе. Варшава, 1908.
3. Къ исторіи изученія Святославова Сборника 1076 г. Казань, 1901.
4. Къ исправленію печатнаго текста Сборника Святослава 1076 г. Варшава, 1902.
5. И. С. Державинъ. „Историческій Вѣстникъ“ за 1904 годъ, августъ.
6. Матеріалы къ познанію русскихъ говоровъ Лифляндской губерніи. Юбилейный Сборникъ въ честь И. В. Ягича. Лейпцигъ, 1908.
7. Народныя пѣсни русскаго населенія Лифляндской губерніи. Юрьевъ, 1908.

8. Zur Wiederherstellung einiger unleserlicher Stellen in der Handschrift Sbornik Svjatoslava vom Jahre 1076. Archiv für slavische Philologie, за 1902 г., т. 24.

9. Chobot oder pobyt? Тамъ же, за 1903 г., т. 25.

10. Fragmente Basilius' des Grossen (des Propheten Joël). Тамъ же, за 1904 г., т. 26.

11. Два Державина. „Русскій Филологическій Вѣстникъ“ за 1905 г., № 3.

12. Объ употребленіи словъ „хоботь“ и „побыть“. Тамъ же, № 4.

13. Очерки по исторіи новой русской литературы — въ XIV томѣ Сборника Учено-Литературнаго Общества при Юрьевскомъ университетѣ (посмертно).

14. Мнѣніе о подъемѣ уровня преподаванія исторіи въ Сборникѣ Рижскаго учебнаго округа, VII, стр. 303—305.

Некрологи почившаго своевременно появились въ „Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ“, „Историческомъ Вѣстникѣ“, „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“, „Рижскомъ Вѣстникѣ“ и др.

Проф. Евгений Бобровъ.

Христіанъ Доналиціусъ, инициаторъ-основатель изящной литовской литературы.

Хотя въ послѣднія столѣтія литовскій народъ находился въ неблагопріятныхъ для него условіяхъ, все-таки его литература достигла извѣстной степени разцвѣта, благодаря трудамъ его образованныхъ сыновей, воодушевленныхъ стремленіемъ къ благу и любовью къ родинѣ. У литовцевъ уже расцвѣла до нѣкоторой степени лирика, эпика, новеллистика и драматика; ихъ лирика, эпика и новеллистика служатъ надежно народному дѣлу и стремятся поднять народъ въ нравственномъ отношеніи. Въ литовскихъ пьесахъ изображены большею частью событія изъ собственной исторіи, напр., побѣда у Зеленаго Лѣса, или, какъ говорится въ курсахъ всеобщей исторіи, Грюнвальдскій бой, взятіе Ковна, Кейстутъ и др.; такого рода пьесы многократно представлены въ Тильзитѣ въ Пруссіи и въ Америкѣ. Инициаторомъ - основателемъ этой со дня въ день возрастающей литературы надо считать Христіана Доналиціуса, жизнь и труды котораго мы должны здѣсь подробнѣе рассмотреть.

Христіанъ Доналиціусъ происходилъ изъ литовской семьи, давшей государству, какъ въ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ должностяхъ, выдающихся дѣятелей. Къ таковымъ принадлежатъ: пасторъ Іоганнъ Доналиціусъ, умершій въ Вальтеркѣменѣ въ 1704 г.; потомъ, два высшіе государственные чиновника — судебный совѣтникъ, двоюродный братъ и вѣрный

другъ поэта и, наконецъ, военный совѣтникъ Доналиціусъ, умершій въ Кёнигсбергѣ въ 1805 г. Слово Donalitus — латинизація литовскаго Donelaitis или Donaleitis, какъ оно гласить на верхне-литовскомъ говорѣ, и образовалось изъ уменьшительнаго „donèle“, которое происходитъ отъ „dona“ (хлѣбъ, или собственно говоря, — даръ). Теперь еще встрѣчаются у литовцевъ фамиліи, напр., Bugnelaitis отъ „bugnele“, „burna“ и др. Но находятся и сомнѣвающіеся въ настоящей литовской основѣ этой фамиліи: они говорятъ, что слово „Donaleitis“, равно какъ и „Donelaitis“ („Donalitus“), можетъ быть латинскимъ переводомъ нѣмецкаго „Schänk“, соотвѣтствующаго средневѣковому латинскому: donale, donalia; утверждаютъ даже, что оно, можетъ быть, произошло отъ какого-нибудь англійскаго или кельтскаго корня, ибо въ XVII столѣтіи въ Восточную Пруссію переселились ремесленники и торговые люди изъ Шотландіи и Англии.

Нашъ поэтъ увидѣлъ свѣтъ 1-го января 1714 г. въ имѣніи Лаздинелѣ, сначала принадлежащемъ къ Гумбинскому, но позже (1725) причисленномъ къ новоучрежденному Зиргупенскому приходу. Теперь здѣсь мѣстный языкъ — нѣмецкій; литовскій языкъ остался еще лишь въ названіяхъ мѣсть (какъ напр., уже упомянутыя: Лаздинеле, Зиргупене и др.) и фамиліяхъ. Во время рожденія Христіана Доналиціуса, эту мѣстность населяли частью литовцы, частью нѣмцы. Отецъ Христіана, помѣщикъ, осторожностью и разумной заботливостью уберечь себя отъ чумы, или такъ называемой черной смерти, свирѣпствовавшей въ Пруссіи въ 1709 и 1710 гг. Помѣщикъ Доналиціусъ имѣлъ четырехъ сыновей. Отецъ мальчика умеръ въ бѣдности; но мать, повидимому, много заботилась о воспитаніи и обученіи сына. Посѣщалъ ли Христіанъ училище въ Инстербургѣ или въ Тильзитѣ, гдѣ въ то время уже были хорошія учебныя заведенія, — неизвѣстно. Определенно знаемъ лишь то, что мальчикъ былъ отданъ въ школу и воспитательное заведеніе для бѣдныхъ дѣтей. Но что Христіанъ Доналиціусъ пользовался уроками дѣльныхъ учителей, о томъ свидѣтель-

ствуеть то обстоятельство, что нашъ поэтъ зналъ такъ хорошо греческій, латинскій, еврейскій, французскій, литовскій и нѣмецкій языки, что на каждомъ изъ нихъ могъ сочинять стихи; отрывки этихъ попытокъ находятся въ оставшихся послѣ его смерти бумагахъ.

Доналиціусъ, вмѣстѣ съ своимъ школьнымъ товарищемъ Шнерберомъ, учился богословію съ 1732 по 1737 г. въ Кёнисбергскомъ университетѣ, гдѣ имѣлъ отличныхъ преподавателей, какъ-то : Quandt'a, Schulz'a, Saltenius'a, Kypke, Arnold'a и др. Придворный оберъ-пасторъ д-ръ Квандтъ, напр., издалъ впервые всю Библию на литовскомъ языкѣ (въ 1735 г.), а д-ръ Шульцъ руководилъ литовской семинаріей, основанной въ 1718 г., чтобы студенты учились тамъ по литовски; здѣсь, подъ руководствомъ Шульца, Хр. Доналиціусъ выучился родному языку грамматически. Въ то время особенно заботились объ изученіи литовскаго языка.

О студенческихъ годахъ Доналиціуса сообщаетъ еще его племянница : въ университетѣ онъ долженъ былъ терпѣть нужду, такъ что однажды, отъ голода, упалъ на землю. Окончивши курсъ, онъ прожилъ на родинѣ, вѣроятно, какъ домашній учитель, до 1740 г., когда въ концѣ іюля мѣсяца назначили его ректоромъ, т. е., завѣдывающимъ училищемъ, въ городѣ Сзаллупенѣ, недалеко отъ родины; здѣсь провелъ онъ три года въ полезной работѣ, а въ 1743 г. перешелъ въ Толминкѣмень, вблизи Гумбина, гдѣ Инстербургскій суперинтендентъ Ганъ носвятилъ его въ пасторы въ 26-ое воскресенье послѣ Троицы. Годъ спустя (11 октября 1744 г.), Хр. Доналиціусъ женился на Аннѣ-Регинѣ, дочери городского судьи Олсфанта въ Гольданѣ, на вдовѣ своего сталлупенскаго предшественника по службѣ. На этомъ мѣстѣ (въ Толминкѣмень), гдѣ Доналиціусъ имѣлъ литовскій и нѣмецкій приходы и долженъ былъ проповѣдывать на двухъ языкахъ, прожилъ и проработалъ онъ неутомимо 37 лѣтъ, любимый и цѣнимый своими прихожанами, какъ истинный отецъ.

Занятія въ домашней жизни, за которыми Доналиціусъ

обыкновенно проводилъ время отдыха, освѣщаютъ еще въ нѣ-
 которомъ отношеніи его характеръ. Пріятнымъ отдыхомъ слу-
 жила ему работа въ саду, гдѣ онъ сажалъ деревья и т. п. Уже
 въ маститой старости пишетъ онъ одному другу: „Я зани-
 маюсь нѣсколько часовъ въ саду сажаніемъ, прививаніемъ и
 т. д., думая: *Dandum quandoquidem etiam posteritati aliquid est*
 (надо когда-то и потомству что-нибудь оставить)“. Его люби-
 мѣйшими предметами были: практическая механика, оптика и
 физика. Подобно Спинозѣ, онъ былъ отличнымъ шлифовщи-
 комъ стѣколъ, и его барометры и термометры долго славились.
 Далѣе, онъ былъ такъ же, какъ его братъ Фридрихъ, меха-
 никъ и золотыхъ дѣлъ мастеръ въ Кёнигсбергѣ, искуснымъ
 инструментальнымъ мастеромъ. Къ этимъ занятіямъ присоеди-
 нялась его любовь къ музыкѣ. Онъ самъ могъ компонировать
 свои пѣсни. Укажу на „Дружбу Давида и Ионаана“, „Домо-
 хозяйство первобытныхъ людей“, „Счастье и несчастье“, „На-
 дежду“. Это — все такія произведенія, музыка и содержаніе
 которыхъ принадлежатъ ему самому и которыя онъ игрывалъ
 горячо и съ чувствомъ друзьямъ, его иосѣщавшимъ. Изъ
 сказаннаго видно, что занятія и интересы Доналиціуса не огра-
 ничивались однимъ богословіемъ, но и распространялись на дру-
 гіе предметы, и особенно на языки. Объ этомъ можно заклю-
 чить изъ его писемъ къ сослуживцамъ и изъ другихъ свѣдѣній.
 Доналиціусъ — иатріотъ, онъ любитъ свой народъ и свою
 родину. Еще до студенческихъ годовъ Доналиціуса, — король
 Фридрихъ Вильгельмъ привлекъ въ страну разнаго рода при-
 шельцевъ. Нашъ поэтъ смотритъ на нихъ съ негодованіемъ,
 потому что они сами смотрѣли свысока на литовцевъ, какъ
 низшую рассу. Онъ поетъ:

Когда начали смѣшиваться литовцы съ нѣмцами,
 Тогда сейчасъ уничтожились цѣломудріе, нравственность и честь¹⁾.

На закатѣ своихъ дней Доналиціусъ былъ огорченъ тяж-
 бами, заведенными съ Толминкѣменскимъ судомъ изъ за ото-

1) Ср. *Metas II. Vasaros darbai* 348.

бранія полей. Доналиціусъ умеръ 18 февраля 1780 г., уважаемый своимъ начальствомъ, любимый своими прихожанами и друзьями и оплакиваемый оставшеюся послѣ него благочестивою и преданною скромной домашней жизни супругою.

Доналиціусъ довольно много писалъ какъ на литовскомъ, такъ и на нѣмецкомъ языкѣ. Изъ произведеній Доналиціуса на литовскомъ языкѣ сохранилось шесть басенъ, одинъ поэтической разсказъ или повѣсть и четыре идилліи. Они всѣ написаны въ гекзаметрахъ. Это очень замѣчательно, потому что Доналиціусъ не имѣлъ никакихъ предшественниковъ, никакихъ образцовъ. Онъ впервые примѣнилъ къ своимъ произведеніямъ эту форму, еще ни однимъ новымъ культурнымъ народомъ не употребленную — размѣръ Гомера и Виргилія, въ древности такъ распространенный и цѣнимый.

Васни или сказки и ихъ содержаніе:

1. Пирнество лисицы и аиста. — Лисица принимаетъ въ гости аиста и угощаетъ его плохо, и послѣ того должна удовольствоваться такимъ же скуднымъ угощеніемъ у аиста.

2. Собака на ярмаркѣ. — Собака думаетъ, что на ярмаркѣ все безвозмездно, но получаетъ сильные побои, когда притронулась до кожи.

3. Собака Didgalvis (большая голова) хочетъ у ягнѣнка сорвать шерсть съ кожи, потому что волкъ, лисица и ястребъ невѣрно дали присягу въ томъ, что отецъ ягнѣнка еще со своей свадьбы долженъ Дидгалвису три четверика ячменя.

4. Сказка о навозномъ жулкѣ. — Другіе жуки смѣются надъ навознымъ жукомъ изъ за его нечистой пищи, но тотъ думаетъ, что онъ не совершаетъ столько вреда, сколько они.

5. Волкъ судья. — Волкъ растерзалъ козленка взмучившаго ему воду.

6. Дубъ-хвастунъ хвастается передъ другими деревьями, но вѣтеръ его ломаетъ.

Эти басни, или сказки, „pasakas“, какъ Доналиціусъ самъ ихъ называетъ, сочинены самостоятельно, хотя онѣ имѣютъ родственныя отнѣнокъ съ литовскими народными сказ-

ками. Онъ совершенно отличаются отъ басенъ Лафонтена и Эзопа. По обыкновенію того времени, Доналицусъ оканчиваетъ ихъ моралью, особенно обширною. Можетъ быть, онъ написалъ ихъ для своихъ учениковъ въ Сталлупенѣ, хотя ихъ содержаніе относится болѣе къ взрослымъ.

Содержаніе поэтического разсказа или повѣсти „Причкусъ“. Староста Причкусъ разсказываетъ объ одной литовской свадьбѣ. Отдѣльныя части этой повѣсти помѣщены въ идилліи „Rudenio gerybes“ (Осеннее богатство). Вотъ содержаніе. Верховъ приближается приглашатель (kvėslus) и приглашаетъ на свадьбу къ Кризасу, младшую дочь котораго, Илсбуту, сватаютъ за старосту изъ усадьбы Тауки, т. е., Жирной. Приглашенные благодарятъ за приглашеніе, снимая шапку, обѣщаютъ явиться на свадьбу. Черезъ восемь дней гости собираются. Степась и Мерчусъ въ новыхъ банимакахъ, Ионасъ и Лаурасъ въ прекрасныхъ лаптяхъ. Энскисъ особенно расчесалъ и осѣдлалъ свою бѣлую лошадь, доставъ себѣ новые ремни и надѣвъ себѣ на ноги свадебные сапоги. Полкопа¹⁾, т. е., тридцать бабушекъ отправляются на свадьбу — всѣ приглашены. Женщины надѣли особаго рода чепцы (кукас), прибавили къ нимъ вуаль или флёръ (nometas) и накрыли себя шалью или пледомъ (plošte), дѣвицы надѣли вѣнки на свои заплетенныя косы. Веселые сѣзжаются свадебные гости. Кризасъ, кланяясь въ поясъ, принимаетъ поздравленія, вводитъ всѣхъ въ избу; появляется бутылка, между тѣмъ какъ хозяйка приноситъ пироги (pūskos). Приѣзжаетъ верховъ шаферъ, погоняя лошадь. Тесть и всѣ собравшіеся принимаютъ его торжественно, и привѣтствуя, сопровождаютъ новобрачныхъ черезъ ворота въ избу. Три жирныя коровы, два быка убиты, безчисленное количество овецъ и свиней заколото, множество гусей и куръ зарѣзано. Разносятъ пиво; бабы ставятъ мясо на столъ и теперь начинается пиръ и попойка. Молитву послѣ пира совершить

1) Pūse kapós.

забыли. Поютъ дайны, разсказываютъ о лошадахъ и быкахъ. Лаурасъ варганить, Екисъ играетъ на скрипкѣ, но Дочисъ уже свалился на землю — такъ неумѣренно было его поведеніе при пирушкѣ. Бабы сперва отказываются отъ водки, а потомъ скрываются въ уголъ и быстро опоражниваютъ большую бутылку; потомъ онѣ заговариваютъ о своихъ гусяхъ и уткахъ. Наконецъ появляются музыканты съ цимбалами, скрипкою, дудкою. Въ сапогахъ, башмакахъ, лаптяхъ и даже босикомъ, нѣкоторые безъ камзола, начинаютъ прыгать и танцовать. Два неприглашенные сосѣда, Слунокюсъ и Пеледа, вошли. Всѣ удивляются такому неслыханному безстыдству. Вотъ Энскисъ схватываетъ березовую дубину и даетъ основательно обоимъ по спинѣ, хватаетъ ихъ за волосы и выталкиваетъ изъ комнаты. И такъ, въ этой повѣсти, какъ и во всѣхъ своихъ другихъ сочиненіяхъ, Доналиціусъ описываетъ литовскую сельскую жизнь простымъ, но картиннымъ народнымъ, языкомъ, знаніе котораго онъ еще, какъ студентъ, пріобрѣлъ, при руководствѣ своего учителя, д-ра Шульца, и на которомъ онъ, какъ онъ самъ признается, лучше говорилъ, нежели писалъ.

Наконецъ, болѣе крупный и самый замѣчательны трудъ Доналиціуса — это четыре идилліи или изображенія крестьянской жизни, — „четыре времени года“, „Métas“: 1) Весенняя радость, 2) Лѣтнія работы, 3) Осеннее богатство, 4) Зимнія заботы. Въ этихъ четырехъ, довольно длинныхъ, пѣсняхъ очень подробно и пространно, въ трехъ тысячахъ стиховъ, описывается природа, въ ея четырехъ временахъ года, крестьянскія занятія, литовскихъ батраковъ-рабочихъ; празднества и праздники, на которыхъ появляются опредѣленно охарактеризованные управляющій имѣніемъ, староста, сторожъ, нѣкоторые крестьяне, бабы и т. д. Въ пѣснѣ „Весенняя радость“, между прочимъ, очень мило воспѣта птичья жизнь. Тамъ встрѣчается, напр., извѣстная пѣсня соловья:

Or kinkyt, paplakt, nuvazžiūt išbudim Jurgi —
(И запрячь, хлыстать, уѣхать пробуди Юрія).

Английскій поэтъ Томсонъ издалъ свои „Времена года“ („The seasons“) въ 1726—1730 гг. Доналиціусъ, въ то время, будучи студентомъ, по всей вѣроятности, слышалъ о нихъ, потому что „Времена года“ Томсона возбудили общее вниманіе. Кёнигсбергскій профессоръ Вернеръ, отецъ поэта, Захаріи Вернера, обработалъ по примѣру англійскаго поэта этотъ же самый сюжетъ въ латинскихъ гекзаметрахъ. Должно было бы изслѣдовать, если эта поэма вообще сохранилась, находится ли Доналиціусъ — и насколько — въ зависимости отъ Вернера? „Métas“ Доналиціуса совершенно отличается отъ „The seasons“ Томсона, и трудно думать, что такой оригинальный, своеобразный поэтъ, каковъ Доналиціусъ, имѣвшій исключительно литовскую жизнь и природу предметомъ изображенія, могъ бы что-нибудь заимствовать изъ латинской попытки Вернера.

Поэзія Доналиціуса, не смотря на новый христіанскій смыслъ, дышитъ античнымъ духомъ Гезіода и Теоокрита, вмѣстѣ съ ихъ простотой и естественностью. Въ этомъ отношеніи способствовалъ Доналиціусу его родной литовскій языкъ, по звукамъ и образованію напоминающій и теперь еще языкъ Гомера и даже сохранившій, можетъ быть, бѣльшую простоту, по крайней мѣрѣ, болѣе красивую звучность, чѣмъ растушеваннй ново-греческій языкъ. Еще одно обстоятельство не слѣдуетъ упускать изъ вида. Литовскій языкъ былъ во времена Доналиціуса ничто иное, какъ только языкъ простолюдія. Когда Доналиціусъ началъ писать стихи, тогда ему пришлось, прежде всего, все подыскивать и изобрѣтать, ему пришлось пока еще свой собственный языкъ образовывать изъ простыхъ формъ литовскихъ дайнъ, или изъ уже существующихъ церковныхъ пѣсенъ. Но такъ какъ это сразу, и одному отдѣльному гению рѣдко удается (ср. Chaucer Dante), то и Доналиціусъ принужденъ былъ — безсознательно и несознательно — опираться на формы нѣмецкаго языка, и заимствовать то, чего въ литовскомъ не нашлось. Вслѣдствіе этого, въ его первыхъ стихотвореніяхъ встрѣчается нѣсколько германизмовъ.

Достойно удивленія, что во второй половинѣ XVIII вѣка, когда имена Лессинга, Канта, Гёте, Шиллера въ отдаленной Литвѣ еще были вполне неизвѣстны, и что даже до ихъ выступленія съ ихъ великими произведеніями, въ то время, когда восхищались идилліями Геснера и, пожалуй, лишь Галлеръ и Гагедорнъ предуказывали новое теченіе, — является вообще возможнымъ такое въ высшей степени реалистическое произведеніе, какъ „Четыре времени года“. Итакъ, не имѣя никакого другого образца, кромѣ самой природы, а именно природы своей литовской родины, Доналиціусъ все-таки полностью черпаетъ сюжетъ изъ нея и изъ человѣческой жизни. Особенно мастерски рисуетъ онъ картины, обрабатывая мельчайшія детали пейзажа.

На самомъ дѣлѣ, каждый, безъ предразсудка занимающійся поэзіею Доналиціуса, не можетъ не замѣчать ея сходства съ буколической и идиллической, какъ она встрѣчается у Гезіода, Теокрита и Виргилія. Нѣтъ ни слѣда лживости итальянской и нѣмецкой пасторали, съ ея дѣланными фигурками, невозможными положеніями и сантиментальными настроеніями. Вымыслы и изображенія Доналиціуса — истинныя идилліи, т. е. картинки изъ крестьянской жизни его родины, съ безошибочною вѣрностью изображенія и полная естественной правдивости. Никто не понималъ души литовскаго народа такъ, какъ нашъ поэтъ: склонности къ домашней и семейной жизни, терпѣливаго постоянства, гостепрѣимства; но онъ знаетъ и отрицательныя стороны этого даровитаго народа, порицаетъ часто ихъ строго или касается ихъ съ легкимъ юморомъ.

Такъ же заслуживаетъ вниманія, какъ его изображеніе народной жизни, его описаніе деревенской природы Литвы. Но и здѣсь, — и это очень характеристично, — Доналиціусъ менѣе занимается картинами прекраснаго времени года, весны и лѣта, чѣмъ описаніемъ скверной осени и зимы. Подобное пѣлъ когда-то пѣвецъ Аскры, Гезіодъ, когда онъ опозитизировалъ

и прославилъ скромный бытъ своихъ родныхъ земледѣльцевъ въ *Ἔργα καὶ ἡμέραι* („Дѣла и дни“).

Высшей степени художественности Доналиціусъ достигъ въ третьей идилліи, носящей названіе „Осеннее богатство“. Содержаніе его идилліи взято изъ обыденной жизни, рабочаго народа его трудовъ, празднествъ, праздниковъ и нравовъ земляковъ поэта.

Внутренней связи между четырьмя пѣснями „Время года“ не имѣется. Композиціи и плана недостаетъ этому сочиненію совершенно.

Кажется, что Доналиціусъ никогда не редактировалъ строго своихъ произведеній, иначе онъ избѣгалъ бы тѣхъ многихъ повтореній, которыя встрѣчаются почти во всякой пѣсни, хотя, съ другой стороны, повторенія принадлежность характера эпической поэзіи. По всей вѣроятности, нашъ поэтъ вообще не думалъ объ изданіи своихъ сочиненій.

Болѣе, чѣмъ повторенія, бросаются въ глаза преувеличенія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, а именно тамъ, гдѣ поэтъ описываетъ вліяніе какого-нибудь неожиданнаго явленія или событія на читателя. Но такими преувеличеніями страдала вся тогдашняя поэтическая литература, какъ Германіи, такъ и другихъ странъ. Стало-быть, этотъ недостатокъ нашего поэта ничто иное, какъ дань, которую онъ заплатилъ странному вкусу своего времени.

Гекзаметры, которые Доналиціусъ примѣняетъ исключительно въ своихъ стихахъ, соотвѣтствуютъ тѣмъ же законамъ ударенія, какъ въ нѣмецкомъ. Не обращается вниманіе на долготы и краткости какъ таковыя, но вездѣ на правильное удареніе. Каждый гекзаметръ, одинъ, или два вмѣстѣ, образуютъ почти всегда полное предложеніе; очень рѣдко оно простирается дальше. И здѣсь, удивительнымъ образомъ, Доналиціусъ поступаетъ совершенно правильно; ибо и греческіе рапсоды произносили свои гекзаметры такъ, что они послѣ каждаго изъ нихъ дѣлали цитрою маркированную паузу. Эта манера произношенія слышна теперъ еще

въ Черногоріи у гусяровъ, поющихъ трохеическія пятистопныя сербскія эпическія поэмы ¹⁾).

Въ старости Доналиціусъ страдалъ гипохондріей. Это обнаруживается не только въ его письмѣ отъ 16 августа 1757 г., но и уже въ краткихъ замѣчаніяхъ, написанныхъ въ метрической книгѣ (1758—1773 гг.). „O mihi praeteritos referrat si Jupiter annos“! восклицаетъ онъ съ Виргиліемъ. Но въ концѣ 1767 года, исправляя въ метрикѣ ошибку въ счетѣ, пишетъ онъ: *Erravi, lector et successor dignissime, in calculo praeteriti anni, ut conspectus ostendit. Oculi jam deficiunt et labores nimis cumulati obruunt animam. Faxit Deus, ut tua tempora leviora meis fiant. Saepe fere exanimus sub laborum onere extorpuī. Quo annorum cumulus et laborum moles augetur, eo magis exhaurimur. Jam vigesimum tertium annum officii mei finiente Novembri finio. Varia expertus sum, multa passus, semper divina gratia suffultus et erectus. Haec, successor carissime, in memoriam, occasione data, conscripsi. Memento monumenti et vale!* Въ другомъ мѣстѣ пишетъ онъ: „Въ наше время вольнодумство въ Пруссіи беретъ верхъ. Всѣ, принадлежащіе къ знати, рѣдко ходятъ въ церковь и причащаются. Нравственность упала до такой степени, что и священники, не боясь Бога, играли въ карты на деньги и безцеремонно клали въ карманъ отнятыя деньги“.

Лѣтомъ 1757 года провинція была занята русскими. Нѣкоторые изъ прихожанъ Доналиціуса находились на театрѣ войны, одинъ палъ въ сраженіи при Гроссъ-Эггерсдорфѣ (30 августа 1757 г.), другой былъ взятъ въ плѣнъ, отвезенъ въ Москву, а потомъ вымѣненъ. Доналиціусъ пишетъ: „Сегодня, 10 августа 1761 г., я трогательно вспомнилъ, что я въ 1757 г. крестилъ первое дитя въ домикѣ охотника. О потомство, сможешь ли ты себѣ представить, что Богъ въ то время назначилъ Пруссіи и какъ Онъ спасъ на Бога уповаю-

1) Ср. Л. Пассапре „Donalitiuss, Leben und Dichtungen“ стр. 14 и 15.

шихъ! Весь Толминкѣменскій приходъ остался въ то время нетронутымъ и видѣлъ бѣдствіе своихъ собратьевъ издали“.

Но все-таки Доналиціусъ не избѣгъ нѣкоторыхъ опасностей или, скорѣе, попалъ въ довольно щекотливое положеніе. Толминкѣмень принадлежалъ къ тѣмъ мѣстностямъ, которыя уже въ 1757 г. должны были присягать императрицѣ Елисаветѣ на вѣрность. Принилось праздновать не только официальные праздники, но, — что для пасторовъ было особенно трудно, — и церковные дни православнаго вѣроисповѣданія. Даже предписали имъ тексты, на которые они должны были проповѣдывать. Такъ, придворный проповѣдникъ, Арнольдъ, въ Кѣнигсбергѣ, попалъ подъ слѣдствіе потому, что онъ отклонился отъ предписаннаго текста, и между прочимъ, сказалъ въ проповѣди: „Не радуйся, моя пріятельница, что я низвергнуть, я непременно опять воспряну“. Доналиціусъ вышелъ изъ этого затрудненія при праздникѣ Александра Невскаго, такимъ образомъ, что онъ началъ свою проповѣдь слѣдующимъ пояснительнымъ введеніемъ. Ему, дескать, теперешнимъ правительствомъ повелѣно прославить святаго Александра Невскаго. Можетъ быть, говорилъ онъ, это былъ хорошій человѣкъ, однако, я его не знаю и вы его не знаете; потому выберемъ текстомъ для наней сегодняшней проповѣди изъ Св. Писанія — 2 Тимоѳ. IV, 14: „Александръ Мѣдникъ много сдѣлалъ мнѣ зла: да воздасть ему Господь по дѣламъ его!“¹⁾

До сихъ поръ вышли четыре изданія сочиненій Доналиціуса: три въ подлинникѣ, изданы Резою, Шлейхеромъ и Нессельманомъ, — при томъ изданія Резы и Нессельмана снабжены нѣмецкими переводами; четвертое — изданіе Пассарге, — лишь въ нѣмецкомъ переводѣ.

Профессоръ Казанскаго университета А. Александровъ высказывается о поэзіи Доналиціуса слѣдующимъ образомъ:

1) Этотъ анекдотъ сообщаетъ Freuss въ „Geschichte Friedrichs des Grossen“ т. I. стр. 272.

„Еслибы написалъ Доналиціусъ свои поэтическія сочиненія на одномъ изъ большихъ культурныхъ языковъ, то онъ въ рядѣ великихъ поэтовъ признанъ былъ бы вообще однимъ изъ первыхъ“ 1).

Во всякомъ случаѣ Роминтенская соловьиная роща и литовскій рабочій народъ не имѣли ни одного болѣе значительнаго поэта, чѣмъ Доналиціусъ, имя котораго останется въ благодарной памяти, пока будетъ существовать литовскій народъ. Доналиціуса можно сравнить съ его современникомъ, Г. Ф. Стендеромъ въ латышской и Ломоносовымъ въ русской литературѣ.

Уже сто тридцать лѣтъ лежатъ его смертныя останки на старомъ кладбищѣ въ Толминкѣменѣ. Замѣчательному поэту и основателю литовской изящной литературы почитатели его поэзіи поставили 8 апрѣля 1896 г. на его родинѣ скромный памятникъ.

1) См. его „Sprachliches aus dem Nationaldichter Litauens Donalitius. I. Zur Semasiologie. Dorpat 1886“.

Я. Лаутенбахъ.

Библиографическія замѣтки.

Приходская жизнь въ Россіи и во Франціи.

Нѣтъ нужды доказывать, въ какое печальное время мы живемъ: полная неудовлетворенность жизнію въ высшихъ интеллигентныхъ слояхъ общества, безпринципность, апатія, отсутствіе жизнерадостности даже среди юной молодежи; религиозный индифферентизмъ, полный упадокъ нравственности даже среди нашего сельскаго населенія — вотъ тѣ грустныя явленія нашего времени, надъ которыми серьезно приходится задумываться. Извѣстный русскій публицистъ С. О. Шараповъ — одинъ изъ наилучшихъ знатоковъ русской деревенской жизни, самъ постоянно живущій въ деревнѣ въ тѣсномъ общеніи съ крестьянами, свидѣтельствуешь, что, „современныя русскія деревни и приходы, въ огромномъ большинствѣ, такъ жалки, слабы, такъ, разорились, пропились и развратились“, что собственными силами сейчасъ не могутъ возродиться¹⁾.

Тѣже печальныя явленія наблюдаются и въ современной Франціи, и при томъ не только въ Парижѣ, но и въ провинціи. И здѣсь, по свидѣтельству лицъ, хорошо изучившихъ бытъ и нравы теперешняго французскаго населенія, „совершается ужасный религиозный кризисъ“²⁾.

1) „Свѣтъ“. 1909 г. № 145. Въ этой газетѣ С. О. Шараповъ помѣстилъ рядъ интересныхъ статей по вопросу о возрожденіи и благоустройствѣ прихода.

2) Протоіерей А. Рождественскій. О приходской жизни во Франціи. Прага Чешская. 1908. Стр. IV + 556.

Вся надежда выйти изъ столь опаснаго положенія возлагается на оживленіе и возрожденіе приходской жизни. Вотъ почему вопросъ о церковномъ приходѣ и его благоустройствѣ въ послѣднее время обратилъ на себя особое вниманіе общества и вызвалъ широкій обмѣнъ мыслей въ литературѣ.

Мы остановимся на выдающихся трудахъ по этому вопросу заслуженнаго ординарнаго профессора И. С. Бердникова и протоіеря А. В. Рождественскаго.

Профессоръ И. С. Бердниковъ.

Что нужно для обновленія православнаго русскаго прихода? С.-Петербургъ. 1907. Стр. 156.

О протестантскомъ и православномъ приходѣ въ Финляндіи. С. Петербургъ. 1908. Стр. 106, добавленіе къ стр. 71—72 и стр. I—XVIII.

Почтенный авторъ названныхъ выше трудовъ¹⁾ заслуженный ординарный профессоръ Казанской Духовной Академіи, бывший много лѣтъ также профессоромъ Императорскаго Казанскаго Университета, И. С. Бердниковъ, отпраздновавшій 20 ноября прошлаго 1909 года 45-лѣтіе своей профессорской и ученой дѣятельности, принадлежитъ къ числу рѣдкихъ труженниковъ науки, вообще, и церковнаго права, въ частности; длиннымъ рядомъ цѣнныхъ изслѣдованій онъ внесъ крупный вкладъ въ эту науку²⁾ и, по справедливости, считается однимъ

1) Означенныя сочиненія профессора И. С. Бердникова признаны заслуживающими преміи Митрополита Московскаго Макарія въ половинномъ размѣрѣ; за неимѣніемъ же для сего денежныхъ средствъ, удостоены почетнаго отзыва. Рецензію на эти сочиненія, по просьбѣ Учебнаго Комитета Святѣйшаго Синода, давалъ авторъ настоящей библиографической замѣтки.

2) И. С. Бердникову принадлежатъ слѣдующіе ученые труды:

1) Церковныя братства въ виду современныхъ потребностей православной Церкви и общества. (Публичная лекція) въ „Правосл. Обзор.“ 1868 г. № 4.

2) О символическихъ знакахъ и изображеніяхъ въ христіанскихъ памятникахъ („Православный Собесѣдникъ“ 1869 г. Ч. II.)

изъ лучшихъ русскихъ канонистовъ. Къ услугамъ И. С. Бердникова, какъ выдающагося знатока церковнаго права и опытнаго педагога, неоднократно обращалось Центральное

3) Государственное положеніе религіи въ римско-византійской имперіи Т. I. Казань 1881 г. (докторская диссертация.)

4) Къ вопросу о государственномъ положеніи религіи (Рѣчь предъ защитою диссертациі „Правосл. Собес.“ 1881 г. Т. III.)

5) Разборъ (на премію) сочиненія проф. М. И. Горчакова „О тайнѣ супружества“ (С.-Петербургъ. 1880 г.). 1884 г.

6) Церковное право, какъ особая самостоятельная правовая область, и его отношеніе къ общей системѣ права. (Правосл. Собес.“ 1885 г. Т. III.)

7) Форма заключенія брака у европейскихъ народовъ въ ея историческомъ развитіи (Рѣчь). Казань. 1887 г.

8) Замѣтка о томъ, какъ понимать осьмое правило перваго вселенскаго собора. (Правосл. Собес.“ 1888 г. I.)

9) Новое государство въ его отношеніи къ религіи (Рѣчь). Казань. 1888 г.

10) Краткій курсъ церковнаго права православной греко-россійской Церкви. Казань. 1888 г.

11) Дополненіе къ краткому курсу церковнаго права. Казань. 1889 г.

12) Отвѣтъ на анонимную рецензію „Краткаго курса церковнаго права“ въ „Церковномъ Вѣстникѣ“. („Правосл. Собес. 1888 г. III.)

13) Новые опыты курса православно-церковнаго права („Записки Казанскаго Университета“ 1890 г. VI.)

14) Нѣсколько словъ по поводу рецензій на изслѣдованіе проф. А. С. Павлова о 50-й главѣ Кормчей Книги (1887. М.) Казань. 1891 г.

15) Краткій очеркъ учебной и ученой дѣятельности Казанской Духовной Академіи за 50 лѣтъ ея существованія (1842—1892 гг.) Казань. 1892 г.

16) О воспріемничествѣ при купели крещенія и духовномъ родствѣ, какъ препятствіи къ браку. Казань. 1892 г.

17) Отвѣтъ проф. А. С. Павлову на его „продолжающіяся недоумѣнія по вопросу о воспріемничествѣ“. Казань. 1893 г.

18) Замѣтка о раскольническомъ бракѣ. Казань. 1895 г.

19) Вторая замѣтка по вопросу о раскольническомъ бракѣ. Казань. 1896 г.

20) Поправка къ результатамъ полемики по вопросу о раскольническомъ бракѣ, формулированнымъ г. Заозерскимъ. Казань. 1897 г.

21) По вопросу втораго изданія проф. Павловымъ „Номоканонъ при Трѣбникѣ“ (М. 1897). Казань. 1899 г.

22) Основныя начала церковнаго права православной Церкви (по поводу сочиненій проф. Н. С. Суворова). Казань. 1902 г.

Управленіе Святѣйшаго Правительствующаго Синода. Между прочимъ, въ 1881 году онъ былъ приглашенъ въ комиссію по пересмотру дѣйствовавшаго въ то время устава духовныхъ академій 1869 года. Особенно много потрудился профессоръ И. С. Бердниковъ на пользу православной Церкви, въ качествѣ члена Высочайше учрежденнаго Предсоборнаго Присутствія при Святѣйшемъ Синодѣ для разработки подлежащихъ разсмотрѣнію на помѣстномъ церковномъ соборѣ вопросовъ; онъ принималъ самое горячее и дѣятельное участіе въ работахъ Предсоборнаго Присутствія по вопросамъ о составѣ помѣстнаго собора, преобразованіи центрального церковнаго управленія, о раздѣленіи Россіи на церковные округа и организациі ихъ, преобразованіи епархіальнаго управленія, организациі церковнаго суда и, въ особенности, по вопросу о благоустройствѣ церковнаго прихода, при чемъ представилъ Предсоборному Присутствію свой сепаратный проектъ положенія о православ-

23) Краткій курсъ церковнаго права православной Церкви, изд. 2-е, переработанное и весьма значительно дополненное (ч. I). Казань. 1903 г.

24) Къ вопросу о преобразованіи епархіальнаго управленія. („Правосл. Собес.“ 1905 г. №№ 1—10.)

25) О реформѣ церковнаго суда. С.-Петербургъ, 1906 г.

26) Комментаріи г. Палкова и К^о на сужденія Предсоборнаго Присутствія по вопросу о реформѣ православнаго прихода. („Правосл. Собесѣд.“ 1907 г. № 2.)

27) Что нужно для обновленія православнаго русскаго прихода? С.-Петербургъ. 1907 г.

28) О протестантскомъ и православномъ приходѣ въ Финляндіи. С.-Петербургъ. 1908 г.

29) Смыслъ XIII-го правила Лаодикійскаго собора. („Правосл. Собесѣд.“ 1908 г. №№ 5. 6 и 9.)

30) Отвѣтъ на критическую замѣтку профес. Заозерскаго (по пов. того же правила). Казань. 1909 г.

31) Къ вопросу о поводахъ къ брачному разводу (по поводу проекта особаго совѣщанія при Святѣйшемъ Синодѣ 1907 г.). С.-Петербургъ. 1909 г.

Кромѣ того, И. С. Бердникову принадлежитъ рядъ отзывовъ на сочиненія, представленныя ихъ авторами для соисканія премій и ученыхъ степеней. Отзывы эти напечатаны большею частью въ протоколахъ Совѣта Казанской Духовной Академіи.

номъ русскомъ приходѣ¹⁾, съ обширнымъ къ оному предисловіемъ²⁾.

Вопроеъ о благоустройствѣ церковнаго прихода и оживленіи церковно-приходской жизни давно интересуется не только власть церковную и гражданскую, но также и наше образованное общество. Правительственныя попытки къ возрожденію самостоятельности приходоѡъ начались еще въ концѣ 50-тыхъ годовъ прошлаго столѣтія. Въ 1859 году на утвержденіе Святѣйшаго Синода былъ представленъ выработанный пресвященнымъ Иннокентіемъ, епископомъ Камчатскимъ (впослѣдствіи митрополитомъ Московскимъ), при содѣйствіи графа Муравьева Амурскаго, проектъ правилъ объ обезпеченіи и устройствѣ духовенства въ Амурской и Приморской областяхъ³⁾. Съ начала 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія вопросъ объ обновленіи церковно-приходской жизни былъ широко поставленъ и проведенъ въ общественное сознаніе литературою. Мало того, по докладу Д. Ѳ. Самарина, извѣстнаго славянофила, состоялось 18 декабря 1880 года ходатайство Московскаго губернскаго земскаго собранія о признаніи приходоѡъ „юридическими лицами“ и о возстановленіи ихъ правъ на пріобрѣтеніе имущества и права избранія клирикоѡъ.

Въ послѣднее время стремленіе привлечь прихожанъ къ болѣе активному участию въ церковно-приходскихъ дѣлахъ вызвало опредѣленіе Святѣйшаго Синода 18 ноября 1905 года объ учрежденіи церковно-приходскихъ совѣтоѡъ изъ выборныхъ отъ приходскихъ собраній.

Съ учрежденіемъ особаго Присутствія, для разработки вопросовъ, подлежащихъ сужденію предполагаемаго помѣстнаго

1) Журналы и протоколы засѣданій Высочайше учрежденнаго Предсоборнаго Присутствія. С.-Петербургъ, 1906. Т. III, стр. 395—412.

2) Тамъ же, стр. 387—395.

Кромѣ того, см. отдѣльный оттискъ названнаго проекта.

3) Въ проектѣ правилъ упоминается и о „совѣтѣ прихожанъ“. А. Палковъ. Церковно-общественные вопросы въ эпоху Царя-Освободителя“. С.-Петербургъ, стр. 55.

собора русской церкви, въ программу работъ этого Предсоборнаго Присутствія включена была также задача о „благоустроении прихода“. Занимавшійся этимъ отдѣлъ IV-ый Предсоборнаго Присутствія, подъ предсѣдательствомъ епископа Могилевскаго Стефана, выработалъ обстоятельный проектъ „нормальнаго устава православныхъ приходовъ въ Россіи“¹⁾. По опредѣленію 28 февраля 1907 года, было учреждено при Святѣйшемъ Синодѣ особое совѣщаніе для выработки окончательной организаціи прихода, составившее рядъ положеній приходскаго устава.

Не мало вниманія посвятила вопросу о церковномъ приходѣ и печать какъ церковная, такъ и свѣтская²⁾.

И это весьма понятно, такъ какъ вопросъ о надлежащемъ

1) Журналы и протоколы Предсоборнаго Присутствія. Томъ II, стр. 83—108.

2) Кромѣ указанныхъ сочиненій профессора И. С. Бердникова, слѣдуетъ отмѣтить слѣдующія, появившіяся въ послѣднее время, сочиненія по этому вопросу:

Болдовскій А. Возрожденіе церковнаго прихода. (Обзоръ миѣній печати). С.-Петербургъ. 1903.

Д. Х. Соборное завершеніе и приходская основа приходскаго строя. Москва. 1906.

Папковъ А. О благоустройствѣ православнаго прихода. Съ приложеніемъ проекта приходскаго устава. С.-Петербургъ. 1907.

Болѣ раннія изслѣдованія того же автора, много поработавшаго по вопросу о церковномъ приходѣ, а именно:

Древне-русскій приходъ; краткій очеркъ церковно-приходской жизни въ восточной Россіи до XVIII вѣка и въ Западной Россіи — до XVII вѣка. Сергіевъ Посадъ. 1897.

Церковно-общественные вопросы въ эпоху Царя-Освободителя (1855—1870). С.-Петербургъ. 1902.

Погосты, въ значеніи правительственныхъ округовъ и сельскихъ приходовъ въ сѣверной Россіи. Москва. 1898.

Упадокъ православнаго прихода (XVIII—XIX вѣка). Историческая справка. Москва. 1899.

Начало возрожденія церковно-приходской жизни въ Россіи. Москва. 1900.

Православные приходы въ Финляндіи. С.-Петербургъ. 1901.

Необходимость обновленія православнаго церковно-приходскаго строя. (Съ проектомъ „приходскаго управленія“). 2-е дополненное изданіе. С.-Петербургъ. 1903.

Тихомировъ Л. Современное положеніе приходскаго вопроса. 1907, и др.

благоустройствѣ прихода является вопросомъ первостепенной важности, захватывающимъ основное сословіе русскаго народа — крестьянство, и доселѣ крѣпко привязанное къ своему приходскому храму, живущее въ тѣсной связи съ жизнью Церкви. Древне-русскій православный приходъ былъ не территоріальною только единицею, но живую и дѣятельною, правильно организованною, общиною. Лишь со времени императора Петра Вел., съ измѣненіемъ условій государственной и церковной жизни, русскій приходскій строй постепенно потерпѣлъ весьма существенныя измѣненія въ своемъ внутреннемъ укладѣ жизни, слѣдствіемъ чего было нѣкоторое обособленіе пастыря отъ пасомыхъ.

По скольку вопросъ о церковномъ приходѣ является важнымъ по своему значенію, по стольку сложнымъ и труднымъ при разрѣшеніи какъ въ практическомъ, такъ и теоретическомъ отношеніи.

Въ справедливости этого можетъ убѣдиться всякій внимательно ознакомившійся съ работами IV отдѣла Предсоборнаго Присутствія, а также съ тѣми горячими преніями, разсужденіями и разнообразными мнѣніями, которыя были высказаны по этому вопросу въ общихъ засѣданіяхъ Предсоборнаго Присутствія, происходившихъ 8, 11, 12, 14 и 15 декабря 1906 года. Какимъ труднымъ дѣломъ оказалось одно лишь опредѣленіе понятія, прихода и его природы, съ церковной и гражданской точекъ зрѣнія! Сколь различны между собою были опредѣленія понятій о приходѣ, данныя авторитетными представителями науки и знатоками церковной практики, одушевленными горячею любовью къ православной Церкви! 1) Между прочимъ, предсѣдатель IV отдѣла Предсо-

Много статей по вопросу о церковномъ приходѣ напечатано и продолжаетъ печататься въ нашей періодической духовной и свѣтской печати. Нѣкоторыя изъ этихъ статей указаны въ названномъ выше сочиненіи А. Г. Болдовскаго, на стр. 19, примѣч.

1) Журналы и протоколы Предсоборнаго Присутствія. Т. III, стр. 267—383.

борнаго Присутствія (по вопросу о благоустроении прихода) епископъ Могилевскій Стефанъ, въ засѣданіи общаго собранія Предсоборнаго Присутствія 8 декабря, по поводу затрудни-

Вотъ нѣкоторыя изъ разнообразныхъ опредѣленій церковнаго прихода:

„Православный приходъ есть церковное учрежденіе, состоящее въ вѣдѣніи епископа, для удовлетворенія религіозно-нравственныхъ нуждъ опредѣленнаго въ числѣ собранія вѣрующихъ, подъ пастырскимъ руководствомъ священника и при назначенномъ для того церковною властію храмъ“. (Опредѣленіе проф. А. И. Алмазова). Тамъ же стр. 297.

„Православный приходъ есть состоящее въ вѣдѣніи епископа церковное установленіе для удовлетворенія религіозно-нравственныхъ потребностей и для братской взаимопомощи вѣрующихъ, объединяемыхъ въ отдѣльное христіанское общество богослужебнымъ общеніемъ въ назначенномъ для нихъ храмъ, съ поставленнымъ къ нему для пастырскаго служенія священникомъ“ (Опредѣленіе профессоровъ А. И. Алмазова и М. А. Остроумова). Тамъ же, стр. 298.

„Церковнымъ приходомъ въ православной Церкви называется церковная община, имѣющая особый храмъ для богослужебныхъ собраній и состоящая подъ духовнымъ управленіемъ приходскаго священника. Приходъ составляетъ нераздѣльную часть епископіи и подчиненъ епископу, какъ высшему своему пастырю. Ближайшее же пастырское руководство имъ принадлежитъ, по порученію епископа, мѣстному священнику“. (Опредѣленіе проф. И. С. Бердникова). Тамъ же, стр. 297.

„Приходъ есть особое — въ зависимости отъ епархіальнаго архіерея — община съ правами гражданскаго лица“. (Опредѣленіе проф. протоіерея М. И. Горчакова). Тамъ же, стр., 287.

„Православный приходъ есть составная и подвѣдомая мѣстному епископу часть епархіи съ извѣстнымъ количествомъ объединенныхъ въ немъ православныхъ христіанъ, которые для удовлетворенія религіозно-нравственныхъ потребностей своей православной вѣры имѣютъ назначенный церковною властію храмъ и находятся подъ ближайшимъ пастырскимъ руководствомъ настоятеля, при содѣйствіи прочихъ священнослужителей и остальныхъ членовъ клира. — Приходская церковь имѣетъ права юридическаго лица для успѣшнаго достиженія своихъ религіозно-нравственныхъ и религіозно-просвѣтительныхъ задачъ“. (Опредѣленіе проф. Н. Н. Глубоковскаго). Тамъ же, стр. 298.

„Православный приходъ представляетъ собою территоріальную церковную общину, соединенную около своего храма и имѣющую для удовлетворенія своихъ религіозныхъ потребностей своихъ собственныхъ священно — и церковно-служителей“. (Опредѣленіе проф. П. В. Знаменскаго). Тамъ же, стр. 289, 297.

„Православный церковный приходъ составляетъ часть епископіи, и потому епископъ есть его высшій пастырь и управитель.

тельности точнаго опредѣленія понятія о приходѣ, сказалъ: „Я не буду спорить, что весьма желательно точно опредѣлить природу прихода и съ церковной, и съ гражданской точекъ зрѣнія. Объ этомъ мы говорили и въ отдѣлѣ, но въ виду того, что мнѣнія епархіальныхъ преосвященныхъ по этому предмету, положенныя нами въ основу своихъ разсужденій, отличаются чрезвычайнымъ разнообразіемъ, и въ виду заявленія одного изъ нашихъ сочленовъ, что на пастырскихъ собраніяхъ въ Петербургѣ долго говорили объ этомъ и не пришли ни къ какому выводу, въ отдѣлѣ отказались отъ мысли дать точное опредѣленіе прихода“¹⁾.

Вотъ по какому сложному и трудному, а въ то же время важному и интересному, вопросу написалъ нантъ маститый канонистъ два сочиненія, находящіяся между собою въ тѣсной связи.

Первое изъ сочиненій И. С. Бердникова подъ заглавіемъ: „Что нужно для обновленія православнаго русскаго прихода“? въ большей своей части иредставляетъ критику взглядовъ, высказанныхъ по вопросу о благоустроеніи прихода другимъ

Каждый приходъ имѣетъ свой храмъ и состоитъ подъ ближайшимъ пастырскимъ руководствомъ своего приходскаго священника“. (Опредѣленіе протоіерея А. С. Лебедева). Тамъ же, стр. 300

„Приходъ въ составѣ клира и мірянъ есть особая церковная въ зависимости отъ епархіальнаго епископа община съ правами юридическаго лица. (Опредѣленіе А. А. Папкова). Тамъ же, стр. 297.

Нѣкоторые изъ епархіальныхъ архіереевъ опредѣляютъ приходъ, какъ „малую церковь“ или какъ „ячейку церковнаго строя“.

Одинъ изъ членовъ Предсоборнаго Присутствія, принимавшій наиболѣе дѣятельное участіе въ работахъ IV отдѣла, А. А. Папковъ въ общемъ собраніи 8 декабря заявилъ, что „безукоризненнаго опредѣленія понятія о приходѣ можно и не создавать“.

На общемъ собраніи Предсоборнаго Присутствія 15 декабря 1906 года было принято слѣдующее опредѣленіе церковнаго прихода. „Православный приходъ есть церковное учрежденіе, состоящее въ вѣдѣніи епископа, для удовлетворенія религіозно-нравственныхъ нуждъ опредѣленнаго въ числѣ собранія православныхъ христіанъ, подъ пастырскимъ руководствомъ священника и при назначенномъ для того церковною властью храма. Тамъ же, стр. 386.

1) Журналы и протоколы Предсоборнаго Присутствія, Т. III, стр. 286.

иочтеннымъ изслѣдователемъ церковно-приходской жизни въ Россіи А. А. Папковымъ.

Въ противоположность г. Папкову, который, по мнѣнію проф. И. С. Бердникова, „понимаетъ реформу православнаго русскаго прихода не въ смыслѣ введенія улучшеній въ его дѣятельности, а въ смыслѣ коренной перестройки всего уклада существующаго прихода, на началахъ заимствованныхъ отъ-инуду — изъ устава протестантскихъ приходовъ“, авторъ труда: „Что нужно для обновленія православнаго русскаго прихода“? рѣшительно высказывается противъ коренной ломки нынѣ существующей организаціи прихода, находя однако необходимымъ нѣкоторыя измѣненія въ частностяхъ. Эта основная мысль проходитъ красною нитью черезъ все его изслѣдованіе¹⁾.

Слабость здоровья православнаго русскаго прихода, говоритъ профессоръ Бердниковъ, зависитъ не отъ мѣстнаго или заболѣванія, а отъ общаго недомоганья въ организмъ русской Церкви. Главной исторической причиной указаннаго порядка вещей нужно считать приниженное состояніе органовъ церковной власти предъ свѣтскою властью, введенное реформою Петра I. Великій преобразователь Россіи желалъ поставить церковную іерархію въ государствѣ такъ, чтобы она пребывала въ кротости. Желаніе его исполнилось къ нашему времени въ самомъ лучшемъ видѣ. Но необходимымъ результатомъ такого порядка явилось пассивное отношеніе представителей церковной іерархіи къ своимъ паствамъ и формальное веденіе церковныхъ дѣлъ. Государство со времени Петра взяло на себя право направлять дѣятельность іерархіи, задавать ей тонъ, указывать предѣлы пастырской ревности. Оно зорко слѣдило за дѣятельностью іерархіи и строго карало всякія проявленія самостоятельности дѣйствій съ ея стороны²⁾. Результаты такого

1) Что нужно для обновленія православнаго русскаго прихода?, стр. 3₂, 5₂, 18₂, 36_{1 и 2}, 150₂ и др. (Стоящую внизу цифрою 1 мы означаемъ лѣвую половину, а цифрою 2 правую половину страницы).

2) Тамъ же, стр. 4_{1 и 2}.

порядка у насъ на лицо. Мы всѣ ихъ оплакиваемъ и не знаемъ, какъ выйти изъ такого по истинѣ невозможнаго положенія. Проф. И. С. Бердниковъ полагаетъ, что теперь государство, если оно еще сохранило память объ историческихъ основахъ своего бытія, сознаетъ ошибочность своей прежней двухвѣковой системы недовѣрчиваго, невнимательнаго отношенія къ органамъ церковной власти и устраненія ея отъ вліянія на общественныя дѣла, въ особенности же на направленіе народнаго образованія, сознаетъ по тяжкому, горькому опыту и измѣнить его на болѣе цѣлесообразную съ точки зрѣнія общественной пользы. По крайней мѣрѣ, можно надѣяться, не будетъ оно стѣснять проявленій свободной дѣятельности пастырей церкви на благо нашей родины. Но пока что будетъ, пастырямъ нашей церкви нужно сейчасъ же воспрянуть духомъ и обратиться всего прежде съ молитвою ко Господу, чтобы Онъ призрѣлъ Своею благостію на хаотическое состояніе нашего отечества, на смятеніе умовъ, одичаніе нравовъ, и произнесъ Свое творческое Слово: да будетъ миръ и порядокъ¹⁾. . . Ждать некогда. Нужно сейчасъ же браться за дѣло. Ничто не мѣшаетъ подъему пастырской дѣятельности. Можно легко обойтись и безъ предварительной ломки существующихъ внѣшнихъ порядковъ церковной жизни. Нѣтъ надобности никому выжидать примѣра другихъ, нужно каждому въ своемъ мѣстѣ, въ своемъ приходѣ, на своей каѳедрѣ начать дѣло оживленія пастырства и вести его, насколько позволяютъ силы и мѣстныя условія. Обобщеніе дѣятельности, организація придетъ послѣ, какъ плодъ практики. Когда всѣ пастыри русской церкви отъ высшихъ до низшихъ воспрянутъ духомъ и ревностно съ самоотверженіемъ примутся за дѣло пастырскаго наученія и назиданія, въ виду особыхъ современныхъ обстоятельствъ общественной жизни, тогда вмѣстѣ съ прочими частями церковнаго организма оживится и дѣятельность въ православномъ приходѣ безъ всякой ломки его строя²⁾. . .

1) Тамъ же, стр. 5₁ и 2.

2) Тамъ-же, стр. 5₂.

Православный русский приходъ, говоритъ далѣе проф. И. С. Бердниковъ ¹⁾, имѣетъ канонически правильное и цѣлесообразное устройство и поэтому нѣтъ никакихъ законныхъ основаній предпринимать какую нибудь ломку его строя. Обновленіе его желательно. Но оно зависитъ, главнымъ образомъ, отъ пробужденія энергіи въ духовенствѣ и поднятія религіозности въ самомъ православномъ народѣ. Можно сдѣлать и нѣкоторыя измѣненія въ дѣйствующей практикѣ приходской жизни посредствомъ привлеченія прихожанъ къ болѣе дѣятельному участию въ дѣлахъ прихода, предоставленія ему права участвовать въ выборѣ достойныхъ и желаемыхъ кандидатовъ въ священники и клирики, права наблюденія за направлениемъ школъ, находящихся въ предѣлахъ прихода, попеченія о соблюденіи тишины и благоговѣнія въ храмѣ Божьемъ, и посредствомъ расширенія права участія въ веденіи церковнаго хозяйства. Мысль г. Папкова о необходимости радикальнаго переустройства православнаго прихода на новыхъ началахъ ни на чемъ не основана, и есть плодъ его теоріи, навѣянной, по мнѣнію проф. Бердникова, демократическимъ духомъ времени и примѣромъ протестантской приходской практики ²⁾. Проф. И. С. Бердниковъ рѣшительно высказывается противъ мнѣнія тѣхъ, которые желаютъ поставить приходъ „во главу угла земской организаціи и закрѣпить за нимъ господственное положеніе“ ³⁾.

1) Тамъ-же, стр. 36 ₁ и 2, 37 ₁

2) См. также статью Л. Тихомирова: „Современное положеніе приходскаго вопроса“, стр. 7.

3) Объ этомъ см. въ сочиненіи Балдовскаго: „Сужденія печати о проектѣ возстановленія приходской общины“, стр. 19—24.

Въ эпоху освобожденія крестьянъ, при начертаніи положенія о крестьянахъ, въ редакціонныхъ комиссіяхъ, нѣкоторыми дѣятелями по крестьянской реформѣ было высказано предположеніе о принятіи приходовъ въ основаніе дѣленіе крестьянъ на волости. Доводы, приводимые въ пользу этого мнѣнія, а также возраженія противъ означеннаго предположенія, приведены А. А. Папковымъ въ его интересномъ сочиненіи: „Церковно-общественные вопросы въ эпоху Царя-Освободителя (1855—1870). СПб., стр. 66—73.

Въ своей статьѣ: „Современное положеніе приходскаго вопроса“ — извѣстный публицистъ Л. А. Тихомировъ, между прочимъ,

Было время, когда церковныя учрежденія замѣняли во многихъ отношеніяхъ учрежденія гражданскія, благодаря неразвитости гражданственности въ свѣтскомъ общежитіи, нипримѣръ, производили судъ по многимъ дѣламъ свѣтскимъ по соприкосновенности ихъ съ нравственными проступками. Но время это уже давно прошло для нашего отечества. Теперь гражданское общежитіе не допуститъ подобнаго смѣшенія задачъ и полномочій органовъ церковной и свѣтской власти. Кромѣ того, что подобное смѣшеніе учреждений церковныхъ съ гражданскими неестественно, оно не можетъ быть полезно для первыхъ. Участіе въ земскихъ дѣлахъ и заботахъ легло бы непосильною тяжестью на приходѣ и отвлекло бы его отъ исполненія прямыхъ и существенныхъ его задачъ. А это испортило бы все дѣло, повредило бы внутреннему обновленію прихода. Между тѣмъ какъ, если приходъ будетъ заниматься своимъ дѣломъ, если его обновительная дѣятельность будетъ направлена на подъемъ духовно-нравственнаго образованія прихожанъ, то этимъ достигнется не только духовное возрожденіе прихода, но и положится прочное основаніе для оздоровленія гражданского общежитія ¹⁾.

Особенно энергично протестуетъ проф. И. С. Бердниковъ противъ взгляда тѣхъ, которые считаютъ приходъ „отдѣльною церковною единицею епископіи“, „самостоятельной самоуправляющейся церковною общиной“, „основой всего церковнаго домостроительства“ ; усвояютъ ему право выбора себѣ членовъ клира и распоряженія церковнымъ имуществомъ. Понятіе о приходѣ, какъ о самостоятельной, выдѣленной изъ епархіи, церковной единицѣ, по словамъ И. С. Бердникова, есть по-

писать: „Среди мрачныхъ тревогъ современности идея прихода блеснула свѣтлымъ лучомъ. Явилась надежда, что, сомкнувшись на религіозно-общественной почвѣ, около своего храма, русскіе люди въ приходѣ дадутъ ту крѣпкую первоосновную общину, на которой могутъ прочно воздвигаться и верхніе этажи политическаго строя“ (стр. 11).

1) И. С. Бердниковъ. Что нужно для обновленія православнаго русскаго прихода? СПб. 1907, стр. 19₁ и 2.

нѣтіе чисто протестантское. По ученію Лютера, Церковь есть общество духовное, не предполагающее никакой правовой организациі. Въ ней нѣтъ видимаго главы и начальства. Одинъ Христосъ есть невидимый Глава ея и руководитель жизни церковной. Слово Божіе есть единственный законъ, обязательный для членовъ церковнаго союза. Въ Церкви нѣтъ учительнаго сана, который былъ бы заимствованъ по преемству отъ апостоловъ и который давалъ бы его носителямъ право учить слову Божію и назидать паству со властію. Право учительства принадлежитъ всякому, способному учить, съ согласія общины¹⁾. Протестантство отрицаетъ въ принципѣ самую возможность организациі общества вѣрующихъ во Христа изъ церковныхъ началъ. И если мы тѣмъ не менѣе видимъ въ протестантскихъ общинахъ извѣстную организацию, то она гражданскаго происхожденія, по взгляду самихъ протестантовъ. По православному же ученію, Церковь Христова съ самаго начала является организованнымъ учрежденіемъ, получившимъ законъ и устройство отъ Самого Основателя Церкви и Его апостоловъ. Протестантское ученіе, предоставляя всѣмъ и каждому изъ вѣрующихъ непосредственное общеніе съ невидимымъ Главою Церкви и непосредственное же личное созиданіе каждымъ собственнаго спасенія, тѣмъ самымъ отрицаетъ идею и необходимость пастырства въ дѣлѣ спасенія. По православному же ученію, основывающемуся на словѣ Божіемъ, общество вѣрующихъ есть паства, подчиненная установленному свыше пастырству апостоловъ и ихъ преемниковъ — епископовъ — и обязанная подчиняться ихъ руководству²⁾. По православному ученію, пастырство и соединенное съ нимъ управленіе въ Церкви принадлежитъ епископамъ. Отсюда основной единицей церковной организациі должно было сдѣлаться паства, подчиненная пастырскому руководству епи-

1) И. С. Бердниковъ: „Что нужно для обновленія православнаго русскаго прихода?“, стр. 37_{1 и 2}

2) Тамъ же, стр. 40.

скаго. По ученію мужей апостольскихъ и древнѣйшихъ церковныхъ учителей, безъ епископа не можетъ быть Церкви, въ качествѣ мѣстной церковной единицы¹⁾ Паства, имѣющая своимъ предстоятелемъ епископа, можетъ быть названа основной единицей церковной организаціи. Епископу усваивается въ церковныхъ правилахъ право распоряжаться дѣлами въ предѣлахъ епископіи автономно съ отвѣтственностью предъ Богомъ (Апост. 31, 34, 38, 39). Такимъ образомъ вся вселенская Церковь представляется состоящей изъ цѣлаго ряда епископскихъ паствъ, стоящихъ подъ управленіемъ епископовъ²⁾. Приходъ въ организаціи православной Церкви есть единица производная и зависимая въ своемъ происхожденіи и существованіи. Въ немъ совершаются не всѣ таинства церковныя, а только тѣ которыя потребны для мірянъ и совершаются въ зависимости отъ епископа, по его уполномочію. Пастырство священника въ приходѣ не устраняетъ пастырскихъ полномочій епископа, а предполагаетъ ихъ всегда, во всякій моментъ. Для спасенія каждаго прихожанина необходимо духовно-каноническое общеніе его не только съ ближайшимъ пастыремъ-священникомъ, но и съ епископомъ. Такъ же и священникъ, при отправленіи своихъ пастырскихъ обязанностей, ни на одну минуту не можетъ считать себя пастыремъ автономнымъ, могущимъ что нибудь церковное совершить внѣ общенія съ своимъ епископомъ. Если-бы священникъ вообразилъ себя автономнымъ субъектомъ священнодѣйственныхъ правъ въ указанномъ смыслѣ, то онъ показалъ-бы только свое любоначаліе и подлежалъ бы суду и наказанію церковному, какъ похититель власти ему не принадлежащей. (Апост. 31)³⁾.

1) Тамъ же, стр. 40₂.

2) Тамъ же, стр. 40₂ и 41₁.

3) И. Бердниковъ. Что нужно для обновленія etc. стр. 41₁ и 2. Здѣсь почтенный авторъ дѣлаетъ обширное отступленіе отъ своего изслѣдованія о церковномъ приходѣ и подробно разбираетъ рѣчь профессора протоіерея М. И. Горчакова, произнесенную имъ 28 ноября 1906 года въ общемъ собраніи Предсоборнаго Присутствія, на которую ссылается г. Папковъ, въ оправданіе своего ученія о самобыт-

Если принять во вниманіе, что, по догматическому ученію православной Церкви, только то общество вѣрующихъ можетъ быть названо церковью, которое имѣетъ своимъ пастыремъ епископа, что приходъ не можетъ быть организованъ и существовать безъ епископа, что приходскій священникъ

ности приходской общины. „Названный протоіерей, говоритъ г. Папковъ, призналъ мнѣніе о полученіи права священства, о владѣніи священниками ихъ правами и о выполненіи ими ихъ обязанностей, по уполномочію и порученію, епископа невѣрнымъ“. Равенство пресвитера съ епископомъ профессоръ Горчаковъ простираетъ и на священнослуженіе и на управленіе епархіальное, выставляя слѣдующія положенія: „въ священнодѣйствіяхъ каждый священникъ равенъ епископу; въ священнодѣйствіяхъ каждый священникъ самостоятеленъ; отвѣтственность за паству, руководимую пресвитеромъ, несетъ самъ пресвитеръ, а не епископъ“. На мнѣніе профессора Горчакова возражали два канониста — проф. М. И. Остроумовъ и А. И. Алмазовъ. Въ виду важности затронутого рѣчью профессора Горчакова вопроса не оставляетъ его безъ обстоятельнаго отвѣта и проф. И. С. Бердниковъ.

Со свойственною ему прямою и искренностью, онъ заявляетъ, что удивляется, какъ могъ рѣшиться проповѣдывать такія рискованныя вещи специалистъ церковнаго права столько времени съ честью занимавшій профессорскую кафедру въ университетѣ. „Вѣдь профессоръ Горчаковъ въ своей рѣчи старается уничтожить — ни много, ни мало — различіе въ степени полномочій между епископскимъ и пресвитерскимъ саномъ и называетъ пресвитера равнымъ епископу. Это-ли не новость въ нашей богословской наукѣ? Приходилось-ли кому-нибудь, слышать что-нибудь подобное въ ученыхъ собраніяхъ?“ „Мнѣніе профессора Горчакова“, продолжаетъ И. С. Бердниковъ, противорѣчитъ православному ученію о взаимномъ отношеніи епископской и пресвитерской степеней церковной іерархіи. Профессоръ Горчаковъ не считаетъ для себя обязательнымъ общепринятое мнѣніе и выступаетъ съ новымъ пониманіемъ указаннаго вопроса. Намъ кажется уже немного поздно выступать православнымъ богословамъ съ подобными открытіями въ области догматики. Вѣдь православная Церковь существуетъ уже около двухъ тысячелѣтій. За этотъ длинный промежутокъ времени она могла же выразить съ достаточною ясностью и опредѣленностью свое ученіе о церковной іерархіи. Поэтому православному богослову цѣлесообразнѣе обращаться за разрѣшеніемъ вопросовъ, которые по чему либо возбудили въ немъ сомнѣніе къ памятникамъ, въ которыхъ выражено церковное ученіе о недоумѣнныхъ вопросахъ, чѣмъ предлагать толкованіе догматическихъ вопросовъ на свой страхъ, подъ своимъ единственнымъ авторитетомъ. Отвѣтъ на вопросъ о полномочіяхъ іерархической степени пресвитера мы находимъ въ

исполняетъ свои пастырскія обязанности вмѣсто епископа, по его указанію и подъ его надзоромъ, что священникъ не можетъ преподавать своимъ прихожанамъ всѣхъ благодатныхъ даровъ, что, наоборотъ, важнѣйшія пастырскія полномочія по отношенію къ членамъ приходовъ остаются за епископомъ, вслѣдствіе чего епископъ, и при существованіи приходовъ, остается общимъ высшимъ пастыремъ всѣхъ приходовъ его паствы, — то всякій безпристрастный долженъ согласиться съ тѣмъ, что приходъ нельзя считать самобытной и самоуправляющейся церковной единицей, нельзя его выдѣлить изъ состава епископіи, въ качествѣ самодовлѣющей ячейки церковнаго организма; всякій долженъ согласиться, что основной единицей церковнаго устройства и управленія должна быть признана парикія (епископія). Епископъ не есть только высшая контролирующая власть по отношенію къ приходу, а есть настоящій пастырь cadaго прихода въ важнѣйшихъ случаяхъ церковно-благодатной жизни. Приходъ же въ самомъ происхожденіи и существованіи своемъ зависитъ отъ власти енархіального архіерея ¹⁾. „Вотъ въ этомъ то отношеніи и

посланіи восточныхъ патріарховъ. Тамъ дѣлая десятая глава посвящена разъясненію этого вопроса, и это разъясненіе совсѣмъ не совпадаетъ съ мнѣніемъ профессора Горчакова. Здѣсь мы читаемъ: „Поелику еретики утверждали и то, что простой священникъ и архіерей равны между собою и что вселенская Церковь раздѣляетъ съ ними сіе заблужденіе; то мы, сообразно съ мнѣніемъ, издревле господствующимъ во вселенской церкви, подтверждаемъ, что званіе епископа такъ необходимо въ церкви, что безъ него ни церковь церковью, ни христіанинъ христіаниномъ не только быть но и называться не можетъ. Противъ исповѣданія православной вѣры, выраженнаго въ Посланіи восточныхъ патріарховъ, не можетъ, конечно, устоять личный авторитетъ профессора Горчакова“. „Не устоитъ мнѣніе профессора Горчакова и противъ здравой богословской логики, вытекающей изъ ученія о церковной іерархіи. Церковная іерархія, раздѣляющаяся на три стени составляетъ одно нераздѣльное цѣлое. Она вся въ цѣломъ необходима для организаци каждой мѣстной церкви“.

П. Бердниковъ. Что нужно для обновленія православнаго русскаго прихода?“, стр. 41₂—47₁.

1) Тамъ же, стр. 48₁ и 2.

грѣшитъ, по мнѣнію проф. И. С. Бердникова¹⁾, какъ нормальный уставъ IV отдѣла Предсоборнаго Присутствія²⁾, такъ и новый проектъ устава православнаго прихода г. Папкова³⁾.

Въ томъ же смыслѣ высказывается А. Д. Хомяковъ, приславій членамъ Предсоборнаго Присутствія свою брошюру подъ заглавіемъ: „Соборное завершеніе и приходская основа церковнаго строя“⁴⁾, въ которой (въ IV главѣ) изложенъ его взглядъ на церковную природу прихода. Г. Хомяковъ доказываетъ, что приходъ нельзя считать ячейкой, дающей начало церковной организаціи. Ячейка въ организмѣ одарена всѣми элементами завершенности въ себѣ самой. Приходъ же, какъ церковная единица, безъ полноправнаго завершителя-епископа немислимъ. Поэтому ни въ одномъ исповѣданіи, гдѣ существуетъ епископальное устройство, приходъ не пользуется автономіей въ церковной жизни. Только въ Швеціи, Финляндіи, Шотландіи вся церковная жизнь совершается въ приходѣ; но это отъ того, что тѣ церкви пресвитеріанскаго или иротестантскаго исповѣданія. Для установленія надлежащаго понятія о церковномъ приходѣ нужно опредѣлить его мѣсто

1) Тамъ же, стр. 49 2.

2) Во 2-мъ § этого устава читаемъ: „Составляя отдѣльную церковную общину, приходъ состоитъ черезъ своего епископа въ тѣсной связи со всею единою, святою, соборною и апостольскою церковью“.

3) Во 3-мъ § проэктъ устава г. Папкова сказано: „Приходъ, находясь въ тѣсной и неразрывной связи со всею единою, святою, соборною и апостольскою церковью, является въ епископін отдѣльной церковной единицей“. Тамъ же стр. 40 2.

А въ общемъ засѣданіи Предсоборнаго Присутствія 11 декабря 1906 года г. Папковъ (какъ мы видѣли выше) далъ слѣдующее опредѣленіе прихода: „Приходъ, въ составѣ клира и мірянъ, есть особая церковная, въ зависимости отъ епархіальнаго епископа, община съ правами юридическаго лица“. По поводу этого опредѣленія Л. А. Тихомировъ говоритъ: „Подъ такимъ понятіемъ находятъ себѣ мѣсто, если не приходская автономія, то какія-то „вассальныя“ отношенія къ церкви, ибо слово „зависимость“ не опредѣляетъ ни характера отношеній, ни даже степени подчиненности“. „Современное положеніе приходскаго вопроса“, стр. 4.

4) Москва. 1906.

въ церковной организаціи, съ точки зрѣнія ученія о церкви. А по этому ученію церковь не можетъ быть безъ епископа. Значитъ, по ученію православной Церкви, значеніе ячейки въ организмъ церковномъ должно принадлежать не приходу, а цѣлой паствѣ, имѣющей во главѣ епископа. Возникновеніе прихода обуславливалось только физическою невозможностью для епископа лично пасты паству съ обширной территоріею и съ большимъ населеніемъ. Такимъ образомъ, по самому догматическому ученію объ организаціи церкви и по условіямъ своего возникновенія, приходъ есть явленіе не безусловно необходимое, а только цѣлесообразное, при извѣстныхъ условіяхъ. Приходъ всегда есть часть паствы епископа, довѣренная отъ епископа пресвитеру, какъ его помощнику. Главная задача учрежденія прихода та, чтобы доставить извѣстной части паствы возможность постояннаго молитвеннаго общенія между собою и удобнаго полученія благодатныхъ даровъ, возрождающихъ въ христіанскую жизнь и поддерживающихъ эту жизнь¹⁾.

При обсужденіи вопроса объ организаціи церковнаго прихода, проф. И. С. Бердниковъ, высказавъ основное положеніе, что къ ней должны быть примѣнены тѣ же начала, какія предусматриваются православной догматикой и каноникой для организаціи епископіи, какъ основной единицы церковнаго устройства и управленія, останавливается на взаимоотноше-

1) И. Бердниковъ. Комментаріи г. Палкова и Ко. на сужденіе Предсоборнаго Присутствія по вопросу о реформѣ православнаго прихода, стр. 19—20.

„Московскія Вѣдомости“ (1902 г. № 237) тоже осуждаютъ мысль о церковномъ приходѣ, какъ о самостоятельной и самоуправляющейся общинѣ. Приходская община, не была и не можетъ быть „свободной и самостоятельной въ проявленіяхъ своей жизни“. Жизнь прихода всегда была подчинена жизни епархіальной, какъ жизнь епархіальная подчинена жизни мѣстной церкви и, наконецъ, жизнь мѣстной церкви была и есть подчинена жизни церкви вселенской. Мысль объ „автономности“ — даже не иллюзія, а совершенно неправославная и нехристіанская точка зрѣнія“. А. Г. Болдовскій. „Возрожденіе церковнаго прихода. (Обзоръ мнѣній печати)“. СПб. 1903, стр. 27.

ніяхъ между пастыремъ и паствою въ приходѣ. По коренному строю церковной жизни, говорить онъ, церковное общество раздѣляется на пастырей и пасомыхъ - руководящихъ и руководимыхъ. Послѣдніе не могутъ стать въ своемъ участіи въ церковныхъ дѣлахъ наравнѣ съ первыми и сравняться съ ними по своимъ полномочіямъ. Каждый участвуетъ сообразно своему чину, къ которому онъ принадлежитъ¹⁾. Отсюда отношеніе прихожанъ къ приходскому священнику должно быть такое, какое вытекаетъ изъ понятія пастыря, какъ духовнаго отца и руководителя пасомыхъ. Овцы должны идти за своимъ пастыремъ, а пастырь долженъ указывать имъ направленіе пути²⁾. Настоятелю должно быть усвоено во всѣхъ случаяхъ право инициативы и отвѣтственнаго руководства въ направленіи приходской жизни и дѣятельности, а прихожанамъ принадлежитъ роль вспомогательная³⁾. Только при строгомъ соблюденіи такой постановки участія прихожанъ въ дѣлахъ приходской жизни можно ожидать согласія и единства въ образѣ дѣйствія пастыря и пасомыхъ. Только при такой формѣ общенія между пастыремъ и прихожанами сохраняются должныя отношенія между ними, безъ ушерба для пастырскаго авторитета священника⁴⁾. Прежде участіе прихожанъ выражалось, главнымъ образомъ, въ наблюденіи за расходованіемъ церковнаго имущества и за благотворитель-

1) И. С. Бердниковъ. „Что нужно для обновленія православнаго русскаго прихода?“, стр. 21₁.

2) Тамъ же, стр. 50₂.

3) Тамъ же, стр. 21₂. Того же взгляда держатся католическіе писатели. Напримѣръ, аббатъ Франкевиль называетъ приходъ семьей, приходскаго священника, который является полновластнымъ управителемъ прихода, отцемъ этой семьи. См. интересную книгу: „О приходской жизни во Франціи“ протоіерея А. Рождественскаго (Прага Чешская. 1908), гл. VI: „Приходское управление“, стр. 313—375. Въ этомъ же смыслѣ представляется взаимное участіе настоятеля прихода и прихожанъ въ дѣлахъ прихода и въ указѣ Святейшаго Синода 18 ноября 1905 г. (Объ учрежденіи церковно-приходскихъ совѣтовъ изъ выборныхъ отъ приходскихъ собраний. И. С. Бердниковъ. „Что нужно для обновленія“ etc, стр. 21₂)

4) Тамъ же, стр. 97₂.

ными учрежденіями; со времени же изданія указа Святѣйнаго Синода 18 ноября 1905 г. это участіе распространено и на дѣло духовнаго просвѣщенія и религіозно-нравственнаго прееуспѣянія прихожанъ¹⁾, Проф. Бердниковъ дѣлаеть IV отдѣлу Предсоборнаго Присутствія упрекъ въ томъ, что положеніе священника, въ нормальномъ уставѣ, выработанномъ въ означенномъ отдѣлѣ, совершенно ступшевывается²⁾: нельзя приходскаго священника, который по своему іерархическому сану есть представитель власти епископа въ приходѣ и исполнитель его пастырскихъ полномочій, низводитъ съ его пастырскаго положенія только въ представителя приходской общины и предсѣдателя церковно-приходскихъ собраній³⁾.

Переходя къ разсмотрѣнію органовъ приходскаго управленія и объема полномочій, какія молуть быть предоставлены приходскимъ совѣтамъ и собраніямъ, почтенный авторъ, для выясненія дѣла, предварительно обращается къ историческимъ прецедентамъ: онъ знакомитъ читателя съ полномочіями приходскихъ совѣтовъ по проекту правилъ объ обезпеченіи и устройствѣ духовенства въ Приамурскомъ краѣ, составленному генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири графомъ Муравьевымъ Амурскимъ, по совѣщанію съ архіепископомъ Камчатскимъ Иннокентіемъ, Высочайше утвержденному 23 декабря 1859 года (гл. VI); съ полномочіями приходскихъ совѣтовъ по правиламъ для западныхъ губерній 1861 года, по правиламъ для южныхъ поселеній 1860 года, по правиламъ Высочайше утвержденного въ 1862 году Присутствія по дѣламъ православнаго духовенства (см. стр. 56—77); — съ полномочіями церковныхъ органовъ по дѣламъ прихода, по постановленіямъ и проектамъ IV отдѣла Предсоборнаго Присутствія (стр. 77—81); — съ организаціею приходскихъ собраній и совѣтовъ, по уставамъ протестантскихъ и реформатскихъ общинъ (стр. 81—86); — съ организаціею со-

1) Тамъ же, стр. 150_{1 и 2}.

2) Тамъ же, стр. 79₁.

3) Тамъ же, стр. 23₁.

браній приходской общины у баптистовъ (стр. 86—88); — съ организаціею и полномочіями приходскихъ совѣтовъ и собраній въ Финляндіи (стр. 88—90); — съ полномочіями приходскихъ собраній и совѣтовъ въ приходскихъ уставахъ, употреблявшихся въ русскихъ приходахъ разныхъ краевъ Имперіи въ 1859—1862 г. г. (стр. 90—97); — съ устройствомъ и полномочіями приходскихъ собраній и совѣтовъ по дѣйствующей практикѣ (стр. 97—98); затѣмъ, устанавливаетъ тѣ главныя положенія, которыя должны быть взяты за основаніе при реформѣ приходскихъ собраній и совѣтовъ (стр. 98—106), и, наконецъ, даетъ свой проектъ положенія объ управленіи приходскими дѣлами (стр. 107—112). Понятіе о приходѣ, какъ учрежденіи, по мнѣнію, проф. Вердникова требуетъ, чтобы органы приходскаго управленія считались органами не общины самоуправляющейся и всѣмъ распоряжающейся, а органами прихода, занимающаго мѣсто въ лѣстницѣ церковныхъ учреждений, помогающими своему приходскому священнику въ управленіи приходскими дѣлами, вмѣстѣ съ послѣдними подчиненными епископу и органамъ епархіальнаго управленія и отвѣтственными предъ ними. Приходскіе органы, собраніе и совѣтъ дѣйствуютъ не иначе, какъ по приглашенію и подъ предсѣдательствомъ приходскаго священника. Постановленія совѣта и собранія не могутъ быть приведены въ исполненіе безъ признанія ихъ пригодности и допустимости со стороны приходскаго священника, Важнѣйшія постановленія собраній и совѣта подлежатъ утвержденію благочиннаго епархіальнаго архіерея. Отчетность о благосостояніи прихода въ религіозно-просвѣтительномъ и нравственномъ отношеніяхъ дается епархіальному архіерею. По дѣламъ экономическимъ копія съ отчета, представляемаго епархіальному архіерею, прочитывается и на собраніи прихожанъ¹⁾). Подробности объ организаціи приходскаго собранія и совѣта и о пространствѣ

1) Тамъ же, стр. 150².

2) Тамъ же, стр. 150²—151¹.

ихъ полномочій изложены авторомъ въ положеніи о приходскихъ собраніяхъ и совѣтахъ.

По поводу осуществленія прихожанами права участія въ приходскихъ собраніяхъ проф. И. С. Бердниковъ дѣлаетъ къ п. XLIV-му своего проекта „управленія приходскими дѣлами“, гласящему: „По важнѣйшимъ дѣламъ церковно-приходской жизни приглашаются къ сужденію члены причта, церковный староста и всѣ правоспособные прихожане“, примѣчаніе: „Въ видахъ практическаго удобства, по нѣкоторымъ вопросамъ второстепеннаго значенія допускаются общія соображенія прихожанъ не поголовно всѣхъ, а въ сокращенномъ составѣ (по 1 отъ 10 человекъ)¹“. Не соглашаясь съ мнѣніемъ г. Папкова о желательности собранія на церковныя сходы какъ можно большаго числа вѣрующихъ, которые, „несомнѣнно найдутъ большое утѣшеніе и удовлетвореніе именно въ томъ, что ихъ призываютъ къ участію въ церковныхъ дѣлахъ“²), проф. И. С. Бердниковъ замѣчаетъ, что для духовнаго утѣшенія и назиданія существуютъ богослужебныя собранія, которыя всѣмъ доступны: на нихъ всѣхъ приглашаютъ безъ всякаго изъятія, а приходскія собранія дѣловыя; нужно же ихъ отличать отъ богослужебныхъ. Нужно подумать о томъ, не будетъ-ли многолюдство служить преиятствіемъ къ правильному веденію общихъ совѣщаній. Вѣдь нужно же согласиться съ тѣмъ, что въ дѣлахъ, требующихъ нарочитаго обсуждения, больше значенія имѣетъ не количество совѣщающихся лицъ, а ихъ качество, нравственный обликъ, ихъ религіозное настроеніе, ихъ ревность о благѣ Церкви. На это указываетъ, между прочимъ, указъ Святѣйшаго Синода, предлагающій настоятелямъ церквей приглашать на приходскія собранія „достигшихъ гражданскаго совершеннолѣтія, преданныхъ Церкви прихожанъ“, значить, лучшихъ только прихожанъ³).

Совершенно согласенъ съ проф. И. С. Бердниковымъ от-

1) Тамъ же, стр. 110 2.

2) Тамъ же, стр. 103 1.

3) Тамъ же, стр. 103 1.

носително предлагаемаго послѣднимъ способа представительства въ церковныхъ собраніяхъ и бывший членъ Предсоборнаго Присутствія Л. А. Тихомировъ. Возражая противъ состава приходскихъ собраній, установленнаго въ проектѣ нормальнаго устава православныхъ приходовъ, составленномъ IV отдѣломъ Предсоборнаго Присутствія¹⁾, онъ пишетъ: „У насъ, въ среднемъ, на приходъ считается болѣе 2000 душъ, то есть по крайней мѣрѣ чловѣкъ 600 взрослога мужского населенія. Въ городахъ есть приходы съ десятками тысячъ душъ, а въ деревняхъ 600 членовъ приходскаго собранія раз-

1) Въ этомъ проектѣ читаемъ:

50. Право участія въ приходскомъ собраніи, съ рѣшающимъ голосомъ, приобрѣтають прихожане, достигшіе 25-лѣтняго возраста, независимо отъ матеріальнаго ценза. Но въ дѣлахъ имущественныхъ, связанныхъ съ самообложеніемъ, право рѣшающаго голоса принадлежитъ лишь тѣмъ, на комъ лежитъ обязанность участвовать въ приходскомъ самообложеніи. Изъ лицъ женскаго пола участвуютъ въ собраніи дворохозяйки.

51. Приходское собраніе можетъ предоставить участіе въ собраніяхъ, съ правомъ рѣшающаго голоса, и тѣмъ, кто не несетъ денежныхъ налоговъ, но служить приходу своимъ трудомъ или достоинъ того по своимъ высокимъ нравственнымъ качествамъ.

52. Въ городахъ, при измѣнчивомъ состояніи прихода, на приходскомъ собраніи могутъ участвовать, съ правомъ рѣшающаго голоса, кромѣ постоянныхъ прихожанъ, и тѣ лица, которыя числятся въ приходскихъ спискахъ не менѣе года, а также домовладѣльцы въ приходѣ и его благотворители, хотя бы они жили внѣ предѣловъ самаго прихода.

56. За малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ владѣльцевъ имущества, внесенныхъ въ списокъ прихожанъ, подлежащихъ обложенію, право голоса на приходскомъ собраніи по имущественнымъ дѣламъ имѣеть опекунъ или попечитель лично, если онъ православнаго вѣроисповѣданія, или чрезъ довѣренное лицо православнаго вѣроисповѣданія. Лица, достигшія гражданскаго совершеннолѣтія, но не достигшія 25 лѣтъ (пар. 50), осуществляютъ свое право лично.

61. Приходское собраніе считается состоявшимся, если явилась одна десятая часть имѣющихъ право участвовать на немъ съ рѣшающимъ голосомъ прихожанъ, а при выборахъ въ члены совѣта, при самообложеніи и другихъ денежныхъ дѣлахъ, касающихся всего прихода, не менѣе половины прихожанъ, занесенныхъ въ налоговый списокъ.

Журналы и протоколы засѣданій Предсоборнаго Присутствія Т. II, стр. 89—90.

сѣяны на огромныхъ пространствахъ, съ трудно проходимою дорогою. Нѣтъ и зданій для сбора такихъ массъ. Профессоръ Бердниковъ справедливо замѣтилъ, что проектъ долженъ бы былъ прибѣгнуть хоть къ представительству, а не къ поголовнымъ собраніямъ Но проектъ, не желая вводить представительства, рѣшилъ зато, что для дѣйствительности собранія достаточно, если явится $\frac{1}{10}$ часть членовъ, а въ случаѣ, если собраніе не состоится за ихъ неявкой, то слѣдующее собраніе дѣйствительно при любомъ числѣ членовъ . . . Это значитъ раскрыть широчайше двери всякой узурпаціи, такъ что какихъ нибудь полтора десятка наиболѣе ретивыхъ или сговорившихся между собой приходскихъ политикановъ будутъ ставить самыя невѣроятныя рѣшенія¹⁾.

Весьма много вниманія удѣляетъ проф. И. С. Бердниковъ въ своемъ изслѣдованіи о томъ: „Что нужно для обновленія православнаго русскаго прихода?“ — весьма сложному и спорному вопросу о субъектѣ правъ въ церковно-приходскомъ имуществѣ, а также о предоставленіи приходу правъ юридическаго лица.

Представивъ общее ученіе юридической науки о юридическихъ лицахъ и главнѣйшія научныя теоріи въ этомъ ученіи (проф. Суворова, проф. Митюкова, Н. Д. Кузнецова и др.) и сдѣлавъ критическій разборъ нѣкоторыхъ изъ этихъ теорій²⁾, И. С. Бердниковъ приходитъ къ тому заключенію, что обладаніе церковнымъ имуществомъ принадлежитъ церковнымъ установленіямъ (церквямъ, монастырямъ, архіерейскимъ домамъ, а также и богоугоднымъ заведеніямъ) и что субъектомъ правъ въ церковно-приходскомъ имуществѣ должна считаться церковь приходская въ томъ же смыслѣ, какъ и теперь³⁾. Церковное имущество, по своей природѣ, есть

1) Тихомировъ. „Современное положеніе приходскаго вопроса“. 1907, стр. 11.

2) И. Бердниковъ. „Что нужно для обновленія православнаго русскаго прихода?“ стр. 121, — 134.

3) Тамъ же, стр. 151.

достояніе Божіе¹⁾; а что пожертвовано Богу не может принадлежать человѣку или обществу людей. Это исконное христіанское ученіе, ясно выраженное въ древне церковныхъ правилахъ (Апост. 38, 40, 41; Двукр. 1), служить безусловнымъ препятствіемъ къ тому, чтобы считать субъектомъ правъ по отношенію къ церковному имуществу, какъ частное лицо, пожертвовавшее имущество, такъ и цѣлую приходскую общину²⁾. Ученіе о томъ, что приходская община есть собственникъ церковнаго имущества и имѣетъ право имъ распоряжаться, есть ученіе спеціально протестантское, вытекающее изъ вѣроисповѣднаго ученія его о церковной организаціи³⁾. Съ понятіемъ о церковномъ имуществѣ, какъ имуществѣ священнаго характера, т. е. посвященномъ или принесенномъ въ даръ Богу, тѣсно связанъ и порядокъ управленія имъ. Упра-

1) Тамъ же, стр. 141²—142¹.

2) Со всею ясностью такое значеніе церковнаго имущества разъяснено въ 1-мъ правилѣ Двукратнаго собора: „Нѣкоторые, давъ своимъ имѣніямъ и усадьбамъ имя монастыря и обѣщавши посвятить оныя Богу, пишутъ себя владѣльцами пожертвованнаго. Они ухищренно умыслили посвятити Богу единое наименованіе; ибо не стыдятся усвоити себѣ ту же власть и послѣ пожертвованія, какую не возбранялось имъ имѣти прежде. Этого не должно быть. Ибо аще не можетъ кто-либо быть обладателемъ того, что подарилъ человѣку, то како можетъ быти поущено кому либо восхищати обладаніе тѣмъ, что онъ посвящаетъ и приноситъ Богу.“ — Изъ толкованія Вальсамона на приведенное правило мы видимъ, что оно признавалось на практикѣ и въ позднѣйшее время, какъ выражающее постоянную норму церковнаго права. Въ этомъ же смыслѣ строится церковно-имущественное право православными канонистами и въ настоящее время (Никодимъ Милашъ. Православное церковное право. СПб. 1897. § 133).

3) Въ подтвержденіе такого взгляда проф. И. С. Бердниковъ ссылается на свидѣтельство Н. С. Суворова, который въ своемъ Учебникѣ церковнаго права (изд. 2. 1902 г., стр. 433—4) говоритъ: „Подъ вліяніемъ идей религіозной реформаціи протестантскіе ученые выдвинули церковно-общественную теорію, по которой собственникъ церковнаго имущества есть церковная община, какъ корпорація“. — Далѣе проф. Суворовъ замѣчаетъ о достоинствѣ этой теоріи, что она примѣнима исключительно на почвѣ евангелической Церкви, и то не во всѣхъ случаяхъ. И. Бердниковъ. „Комментаріи г. Палкова и К^о. на сужденіе Предсоборнаго Присутствія“, стр. 33.

вленіе церковнымъ имуществомъ принадлежитъ церковной іерархіи на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и управленіе другими сторонами церковной жизни. Міряне допускаются къ участию въ завѣдываніи церковнымъ имуществомъ, въ качествѣ помощниковъ церковнаго причта. Организациа этого участія есть вопросъ цѣлесообразности¹⁾. Кромѣ церковнаго имущества въ собственномъ смыслѣ, можно допустить приходское имущество для просвѣтительныхъ цѣлей, которымъ приходская община могла-бы вѣдать и распоряжаться на правѣ, подобномъ древнему ктиторскому праву²⁾.

Въ заключеніе профессоръ Бердниковъ рѣшительно высказывается противъ формулы IV отдѣла Предсоборнаго Присутствія, предложенной предсѣдателемъ этого отдѣла епископомъ Стефаномъ общему собранію и принятой большинствомъ голосовъ въ засѣданіи общаго собранія Предсоборнаго Присутствія 15 декабря 1906 г.: „Православная россійская Церковь является собственникомъ всего церковнаго, причтового и приходскаго имущества. Въ приходахъ же завѣдываніе мѣстнымъ церковно-приходскимъ имуществомъ ввѣряется приходу, какъ юридическому лицу, состоящему изъ причта и прихожанъ мѣстнаго храма, находящихся въ канонической зависимости отъ мѣстнаго епископа³⁾“. Теорія усвоенія права собственности въ церковномъ имуществѣ всей православной Церкви, говоритъ онъ, никогда не признавалась въ православной Церкви. Равнымъ образомъ и на практикѣ православная Церковь ни въ ея цѣломъ, ни въ частяхъ, каковы патріархаты и митрополіи, не признавалась субъектомъ правъ

1) И. Бердниковъ: „Что нужно для обновленія православнаго русскаго прихода?“, стр. 142. Мѣра этого участія, по мнѣнію проф. И. С. Бердникова („Комментаріи г. Папкова и К^о. etc.“, стр. 36), не можетъ простираться далѣе предѣловъ, указанныхъ въ указѣ Святѣйшаго Синода 17 ноября 1905 г.

2) И. С. Бердниковъ. „Что нужно для обновленія etc.“, стр. 151.

3) Журналы и протоколы засѣданій Предсоборнаго Присутствія. Т. III, стр. 383.

въ церковномъ имуществѣ. То же было и въ русской Церкви при митрополитахъ и патріархахъ. Если допустить переводъ права собственности въ высшую инстанцію, то этой инстанціей должна быть кафедральная церковь, а отнюдь не центральное учрежденіе для управленія російскою Церковью. Отъ епископіи приходъ получилъ право завѣдывать своимъ имуществомъ; ей же, въ случаѣ нужды, и долженъ онъ передать обратно это право¹⁾. Кромѣ того, примѣненіе этой теоріи на практикѣ потребовало бы много радикальныхъ преобразованій въ управленіи церковнымъ имуществомъ російской Церкви и вызвало бы не мало очень серьезныхъ затрудненій. Въ частности, для прихода или приходской церкви примѣненіе этой теоріи сопровождалось бы умаленіемъ его владѣльческихъ правъ по отношенію къ своему имуществу. На эти практическія неудобства теоріи было указано членомъ IV отдѣла, въ засѣданіи 13 декабря 1906 года, г. юрисконсультъ при Оберъ-Прокурорѣ Святѣйшаго Синода К. И. Дылевскимъ²⁾.

Въ концѣ своего сочиненія (стр. 150—151) проф. И. С. Бердниковъ даетъ „сводъ положеній, въ отвѣтъ на вопросъ: что же требуется для обновленія православнаго прихода“, а также приводитъ подробное содержаніе этого сочиненія.

1) И. С. Бердниковъ. „Что нужно для обновленія etc.“, стр. 145^{1, 2}.

2) И. С. Бердниковъ. „Что нужно для обновленія православнаго русскаго прихода?“, стр. 145¹.

Еще болѣе рѣзко высказывается противъ этой формулы бывшій членъ Предсоборнаго Присутствія Л. А. Тихомировъ, который (см. его статью: „Современное положеніе приходскаго вопроса“, стр. 5), счелъ бесполезнымъ голосовать необсужденные вопросы и ограничился подачею особаго мнѣнія. Онъ полагаетъ, что „идеалистическая формула 15 декабря, вводя путаницу въ имущественныя отношенія Церкви, въ то же время создаетъ огромный рискъ, въ случаѣ какихъ либо секвестровъ церковныхъ имуществъ. Они бывали у насъ и прежде и стали еще возможнѣе въ будущемъ. И тутъ, при признаніи Церкви единственнымъ собственникомъ всѣхъ приходскихъ имуществъ, — православные русскіе могутъ быть до нитки обобраны какою-нибудь „прогрессивною“ Государственною Думою, такъ какъ они юридически не собственники своихъ кассъ, богадѣленъ и хуторовъ, а простые „завѣдующіе“ секвеструемаго имущества русской Церкви“. (Тамъ же, стр. 11.)

Второе сочиненіе проф. И. С. Бердникова : „О протестантскомъ и православномъ приходѣ въ Финляндіи“ находится въ тѣсной связи съ первымъ его сочиненіемъ : „Что нужно для обновленія православнаго русскаго прихода?“ , является его продолженіемъ и дополненіемъ¹⁾.

Это второе сочиненіе проф. Бердникова распадается на три части, изъ которыхъ первая касается организаціи протестантскаго прихода и приходскаго правленія въ Финляндіи.

Въ началѣ своей книги (стр. 1—2) авторъ объясняетъ, почему онъ, прежде чѣмъ говорить о православныхъ приходахъ въ Финляндіи, считаетъ необходимымъ познакомить читателя со строемъ протестантскаго прихода въ этомъ краѣ. До присоединенія Финляндіи къ Россіи въ 1811 году, говоритъ онъ, православные приходы, находившіеся въ старой Финляндіи, управлялись по подобію прочихъ православныхъ приходо въ россійской Церкви, находясь въ вѣдѣніи сначала Новгородскаго, потомъ С.-Петербургскаго епархіальнаго начальства. Съ присоединеніемъ же Финляндіи и съ дарованіемъ ей автономіи въ управленіи мѣстными дѣлами, православные приходы должны были постепенно подчиниться общему порядку, какой былъ принятъ въ Финляндіи тамошнимъ правительствомъ по отношенію къ приходской жизни большинства населенія страны. Правда, въ Высочайшемъ Указѣ Императора Александра I отъ 11 декабря 1811 года было оговорено, что „духовное вѣдом-

1) Въ предисловіи къ своему труду проф. И. С. Бердниковъ пишетъ : „Въ виду того, что приходскій вопросъ еще и доселѣ служитъ предметомъ жаркихъ споровъ, въ виду того, что нѣкоторые и теперь смотрятъ на финляндскій приходскій уставъ, какъ на якорь спасенія для своихъ ненадежныхъ проектовъ приходской реформы, мы считаемъ нужнымъ, выяснить въ печати строй жизни въ православныхъ приходахъ Финляндіи, въ связи съ строемъ финляндскаго протестантскаго прихода, какъ съ фактической стороны, такъ и со стороны обстоятельствъ и условій, благодаря которымъ онъ произошелъ. Мы уже коснулись его въ нѣкоторыхъ частностяхъ въ своей монографіи : „Что нужно для обновленія православнаго русскаго прихода?“ (стр. 54—56, 82—86, 88—90). Теперь восполнимъ недосказанное“. См. стр. 1 2.

ство церковей и монастырей православнаго греко-россійскаго исповѣданія въ сей (Выборгской) губерніи состоящихъ, должно остаться во всемъ на прежнемъ ихъ основаніи подъ главнымъ управленіемъ Святѣйшаго Синода и настоящаго ихъ епархіальнаго начальства“, и что этому же порядку управленія должны подлежать и прочія православныя церкви, находящіяся въ Финляндіи вообще. Правда и то, что это постановленіе многократно было подтверждено. Но финляндское правительство не хотѣло допустить для православной Церкви какихъ либо изъятій изъ общаго порядка церковнаго управленія, установленнаго для протестантскихъ приходовъ, а русское правительство, обладавшее правами законодательства, не воспользовалось этими правами на столько, чтобы привести къ осуществленію то преимущество, какое оно готово было предоставить православнымъ приходамъ, находящимся въ предѣлахъ Финляндіи. Настойчивость финляндскаго подчиненнаго правительства взяла верхъ надъ снисходительнымъ верховнымъ русскимъ правительствомъ. Такимъ путемъ создалась такъ называемая сила вещей, которая поставила православныя приходы въ Финляндіи въ необходимость мало-по-малу принять существующія въ краѣ формы лютеранской церковно-приходской общины, чтобы тѣмъ установить порядокъ въ этихъ дѣлахъ и обезпечить себѣ, по возможности, равноправное съ лютеранскими приходами положеніе предъ мѣстными властями.

Теперь ясно, что для того, чтобы надлежащимъ образомъ понять строй жизни православныхъ приходовъ въ Финляндіи, нужно сначала познакомиться съ устройствомъ и положеніемъ лютеранскихъ приходовъ, поставленныхъ въ образецъ для православныхъ приходовъ¹⁾“.

Эта часть сочиненія профессора Бердникова (стр. 2—22) посвящена, главнымъ образомъ, организаціи протестантскихъ приходовъ въ Финляндіи, по Церковному уложенію 1869 года. Авторъ обращаетъ вниманіе на то, что въ протестанствѣ при-

1) Стр. 1 2—2 2.

ходъ составляетъ дѣйствительно основную и единственную единицу церковной организаціи; дѣленіе на епархіи и округа есть придѣлка, приводящая со-внѣ и стоящая внѣ органической связи съ догматическимъ ученіемъ о церковной организаціи¹⁾; а также указываетъ, что протестантскій приходъ въ Финляндіи, во всѣхъ важнѣйшихъ общественныхъ отношеніяхъ, руководится тѣми же началами, что и гражданская община. Значитъ, если не *de jure*, то *de facto* онъ продолжаетъ составлять общину мірскаго характера, только имѣющую специальное назначеніе. И это совершенно естественно въ странѣ протестантской, гдѣ религія, какъ общественная организація, совершенно поглощается организаціею государственныхъ учреждений²⁾.

Переходя, далѣе, (во второй части своего сочиненія, стр. 23—75) къ особенностямъ внѣшняго положенія и внутренняго склада жизни православнаго прихода въ Финляндіи, — проф. И. С. Бердниковъ обращаетъ вниманіе на стѣсненное положеніе православной Церкви въ Финляндіи; на вмѣшательство финляндскаго сената и свѣтскихъ властей въ церковное законодательство и управленіе; на крайнюю нетерпимость финляндскаго правительства и народа къ православному исповѣданію и обрядамъ православной Церкви; отмѣчаетъ постоянно критическое отношеніе къ Православію, которое замѣчается въ школѣ, литературѣ и въ частныхъ разговорахъ образованныхъ людей; высказываетъ опасеніе за Православіе въ Финляндіи по поводу все увеличивающагося числа отпаденій отъ православной Церкви³⁾; а затѣмъ, излагаетъ внѣшнюю исторію законодательства относительно православныхъ приходовъ до самаго послѣдняго времени. Разсмотрѣвъ подробно уставъ православныхъ приходовъ въ Финляндіи 1906 года, онъ характеризуетъ его слѣдующимъ образомъ: По своему происхожденію это есть законъ государственный, данный съ

1) Стр. 3₁ и 2.

2) Стр. 17₁.

3) Стр. 31₁—35₂.

тою цѣлю, чтобы точно опредѣлить и упорядочить отношеніе православныхъ приходо́въ къ гражданской общинѣ и государству; онъ былъ отвѣтомъ на запросъ приходской жизни, которая затруднялась въ своемъ теченіи во многихъ отношеніяхъ, за отсутствіемъ опредѣленныхъ нормъ. Уставъ этотъ благоустрояетъ приходъ со стороны отношеній къ гражданской общинѣ и государству; онъ не касается внутренней стороны приходской жизни — іерархической зависимости прихода, порядка назначенія на мѣста настоятеля и клира, качествъ кандидатовъ церковнаго служенія, пастырскихъ обязанностей духовенства, дисциплины церковной, не касается даже управленія церковною собственностью и проч., предоставляя все это вѣдѣнію церковной власти. Финляндскій Сенатъ, составляя проектъ устава для православныхъ приходо́въ, не имѣлъ въ виду создавать новыя нормы, а воспользовался уже существовавшими нормами, созданными жизнью и мѣстнымъ законодательствомъ для лютеранскихъ приходо́въ. Сенатъ такъ и понималъ свою законодательную задачу, чтобы, по возможности, уравнять юридическое положеніе православныхъ приходо́въ и внѣшнюю организацію ихъ съ организаціей лютеранскихъ приходо́въ. Этого желали также и приходскіе дѣятели православныхъ приходо́въ¹⁾. Такимъ образомъ уставъ для православныхъ приходо́въ въ Финляндіи есть опытъ примѣненія къ внѣшней организаціи православныхъ приходо́въ — порядковъ, принятыхъ въ Финляндіи относительно лютеранскихъ приходо́въ, съ нѣкоторыми передѣлками. Всѣ обязанности настоятеля православнаго прихода, которыми занимается вторая часть устава, скопированы съ обязанностей лютеранскихъ пасторовъ; равнымъ образомъ обязанности прихожанъ по содержанію храма съ его принадлежностями и духовенства и порядокъ отправленія этихъ обязанностей взяты прямо изъ общаго Гражданскаго Уложенія края и изъ Церковнаго Уложенія для лютеранскихъ приходо́въ. Организація управленія

1) Стр. 74₁ и 2.

приходскимъ имуществомъ, чрезъ Общее собраніе прихожанъ и церковный Совѣтъ, какъ въ цѣломъ, такъ и въ подробностяхъ скопированы съ организаціи учрежденій лютеранскихъ приходовъ, а послѣдняя, въ свою очередь, взята съ организаціи завѣдыванія хозяйствомъ и управленія вообще въ гражданской общинѣ. Выходить, такимъ образомъ, что нормы, содержащіяся въ уставѣ православныхъ приходовъ въ Финляндіи, носятъ на себя глубокой отпечатокъ мѣстныхъ условій церковно-общественной жизни и, значитъ, не могутъ быть пригодны тамъ, гдѣ нѣтъ этихъ условій. Съ другой стороны, прямо бросается въ глаза и то, что эти нормы по своему характеру не заключаютъ въ своемъ основаніи религіозныхъ началъ, а большею частью взяты изъ организаціи гражданской общины¹⁾.

Третья часть сочиненія проф. И. С. Бердникова, подъ заглавіемъ: „Какъ пользовались уставомъ православныхъ приходовъ въ Финляндіи наши обновители прихода въ своихъ цѣляхъ“, представляетъ собою полемическій трактатъ направленный, главнымъ образомъ, противъ взглядовъ А. А. Папкова (тоже не мало и не безъ пользы потрудившагося надъ изученіемъ вопроса о православномъ церковномъ приходѣ, въ его настоящемъ и прошломъ); въ особенности же, противъ составленнаго г. Папковымъ: „Проекта постановленій о церковно-приходскомъ собраніи и церковно-приходскомъ совѣтѣ православныхъ приходовъ въ Россіи“²⁾, который, по мнѣнію проф. Бердникова, представляетъ собою тенденціозную, во многихъ отношеніяхъ неудачную и къ православнымъ приходамъ совершенно непримѣнимую передѣлку устава православныхъ приходовъ въ Финляндіи.

Нѣкоторыя изъ критическихъ замѣчаній, приводимыхъ здѣсь проф. Бердниковымъ, были уже сдѣланы имъ въ указанномъ нами выше его сочиненіи: „Что нужно для обновле-

1) Стр. 75.

2) Проектъ этотъ напечатанъ А. Папковымъ въ его статьѣ о „необходимости обновленія православнаго церковно-приходскаго строя“. 2-е дополн. изд. СПб. 1903, стр. 65—72.

нія русскаго православнаго прихода“? и являются такимъ образомъ повтореніемъ сказаннаго¹⁾.

Въ заключеніе проф. И. С. Бердниковъ находитъ не лишнимъ „выработать и утвердить подлежащею церковною властью общій нормальный приходскій уставъ, въ качествѣ образца, которому будутъ подражать, насколько возможно по мѣстнымъ условіямъ, другіе мѣстные уставы. Нормальный уставъ будетъ служить показателемъ тѣхъ началъ, которыя должны быть положены въ основаніе приходскихъ порядковъ, и степени участія, какая должна принадлежать въ приходскихъ дѣлахъ настоятелю прихода, причту и прихожанамъ²⁾“. Какъ извѣстно, для обсужденія и выработки проекта положенія о православномъ приходѣ учреждено при Святѣйшемъ Синодѣ, по его опредѣленію отъ 28-го февраля 1907 года, подъ предсѣдательствомъ сперва архіепископа Финляндскаго Сергія, а потомъ архіепископа Рижскаго (нынѣ Литовскаго и Виленскаго) Агаѳангела особое совѣщаніе, достигшее, какъ можно судить по свѣдѣніямъ о его дѣятельности, въ этомъ отношеніи весьма успѣшныхъ результатовъ.

На основаніи подробнаго ознакомленія съ сочиненіями профессора И. С. Бердникова по весьма важному, но въ тоже время, какъ мы видѣли, весьма трудному, при разрѣшеніи, и сложному вопросу о церковномъ приходѣ и объ оживленіи и обновленіи церковно-приходской жизни, мы должны придти къ заключенію, что труды почтеннаго профессора, по богатству заключающагося въ нихъ матеріала, по всесторонности изученія вопроса, — изученія, согрѣтаго горячею любовію и ревностію къ православной Церкви, по глубинѣ и самостоятель-

1) Такимъ повтореніемъ является, между прочимъ, критика формулы принятой въ общемъ собраніи Предсоборнаго Присутствія 15 декабря 1906 года. (См. стр. 99₁ и др.).

2) Стр. 106₂.

ности высказываемыхъ въ нихъ мыслей и взглядовъ, представляеть собою далеко не заурядное явленіе въ нашей духовной литературѣ, вообще, и въ литературѣ церковно-приходскаго вопроса, въ частности. Проф. Бердниковъ самымъ подробнымъ образомъ изучилъ обширную литературу этого вопроса и относящіяся сюда первоисточники, при чемъ подвергаетъ высказываемыя здѣсь разными авторами разсужденія основательной оцѣнкѣ и критикѣ¹⁾. Авторъ тщательно изучилъ

1) Въ своихъ трудахъ профессоръ И. С. Бердниковъ дѣлаеть указанія на слѣдующіе сочиненія и первоисточники:

Анненковъ. Система русскаго гражданскаго права.

Горчаковъ. Церковное право. Изд. студента Палибина.

Журналы и протоколы засѣданій Высочайше учрежденнаго Предсоборнаго Присутствія.

Заозерскій Н. Замѣчанія къ проекту православнаго приходскаго управленія,

Инструкція благочиннымъ.

Инструкція церковнымъ старостамъ.

Кузнецовъ Н. О природѣ церковныхъ имуществъ.

Лебедевъ А. прот. Записка.

Малышевъ. Общее Гражданское уложеніе Финляндіи.

Милашъ Никодимъ. Православное церковное право.

Мудролюбовъ. Къ вопросу о православномъ приходѣ.

О церковно-приходскомъ собраніи и церковномъ совѣтѣ православныхъ приходовъ Финляндіи, съ присоединеніемъ къ нему Постановленія, содержащаго нѣкоторыя правила о православныхъ, приходахъ Финляндіи.

Отзывы епархіальныхъ архіереевъ

Павловъ А. Номоканонъ при Большомъ Требникѣ. •

Папковъ А. Начало возрожденія церковно-приходской жизни въ Россіи

Онъ же. О благоустройствѣ прихода.

Онъ же. О необходимости обновленія церковно-приходскаго строя.

Онъ же. Православные приходы въ Финляндіи.

Онъ же. Церковно-общественные вопросы.

Посланіе восточныхъ патріарховъ.

Правила для церковныхъ совѣтовъ въ губерніяхъ: Виленской, Гродненской, Ковенской, Минской, Витебской и Могилевской.

Право (журналь) 1903 г.

Православная Церковь въ Финляндіи.

Православный Финляндець. Современное состояніе Церкви и духовенства въ Финляндіи.

Ренненкампфъ. Очерки Юридической Энциклопедіи.

Розановъ. Исторія Московскаго енархіальнаго управленія.

организацію церковно-приходской жизни по разнымъ уставамъ и составилъ свой сепаратный проектъ о православномъ русскомъ приходѣ, настолько отвѣчающій догматическимъ и каноническимъ основаніямъ православной Церкви, что учрежденное, по опредѣленію Святѣйшаго Синода отъ 28 февраля 1907 года, Особое Совѣщаніе при Св. Синодѣ, которому поручено составить окончательный проектъ устава православныхъ приходовъ, для внесенія его на предстоящій Помѣстный Соборъ, положивъ въ основу своихъ работъ проектъ нормальнаго устава, выработанный IV отдѣломъ Предсоборнаго Присутствія¹⁾, въ первомъ же засѣданіи 23 марта 1907 г. пришло

Сборникъ постановленій великаго княжества Финляндскаго.
Сводъ законовъ Россійской Имперіи.

Соколовъ П. А. Церковно-имущественное право въ Греко-римской имперіи.

Стоглавъ. Изд. Кожанчикова.

Суворовъ И. Курсъ церковнаго права.

Онъ же. Монастыри и церкви, какъ юридическія лица.

Онъ же. О юридическихъ лицахъ.

Онъ же. Учебникъ церковнаго права.

Онъ же. Центральная организація Церкви.

Тихомировъ Л. Современное положеніе приходскаго вопроса.

Ульгорнъ. Христіанская благотворительность въ древней

Церкви.

Уставъ Духовныхъ Консисторій.

Флоровскій, свящ. Объ административныхъ обязанностяхъ сельскаго приходскаго священника въ Финляндіи.

Церковное Уложеніе евангелическо-лютеранской церкви въ великомъ княжествѣ Финляндскомъ.

Чистовичъ. Исторія православной Церкви въ Финляндіи.

Hinschius. Das Kirchenrecht.

Richter. Kirchenrecht.

Sohm Kirchenrecht.

Vering. Lehrbuch des Kirchenrechts.

1) Проектъ этотъ, читаемъ мы въ отчетъ о занятіяхъ Особого Совѣщанія, — результатъ усидчивыхъ, долгихъ трудовъ весьма авторитетной коллегіи, состоявшей изъ 18 членовъ, среди которыхъ были и представители науки, и представители свѣтскаго общества, интересующагося религіозно-церковными вопросами, представители практики жизни, наконецъ, избранные представители сельскаго духовенства, болѣе всего имѣющіе непосредственную связь съ приходскою жизнью. Однако, если одни изъ членовъ совѣщанія ука-

къ заключенію „взять за исходную точку для дальнѣйшихъ работъ существующій строй приходской жизни, который болѣе всего обрисовывается и систематизуется въ сепаратномъ проектѣ профессора Бердникова¹⁾“. Основная мысль автора объ улучшеніи церковно-приходской жизни и обновленіи церковнаго прихода, безъ коренной его ломки, путемъ частичныхъ усовершенствованій его строя, признана особымъ совѣщаніемъ при Святѣйшемъ Синодѣ совершенно правильною и вполне цѣлесообразною.

зываютъ на авторитетность проекта нормальнаго устава IV-го отдѣла, то другіе обращали вниманіе на то, что проектъ этотъ, хотя имѣетъ немаловажныя достоинства, тѣмъ не менѣе требуетъ крайне осторожнаго и внимательнаго къ нему отношенія: онъ вводитъ въ приходскую жизнь слишкомъ много новаго, чего нѣтъ въ современной жизни, а между тѣмъ онъ не былъ разсмотрѣнъ и одобренъ въ общихъ собраніяхъ Предсоборнаго Присутствія. Напротивъ, еще прежде чѣмъ поступить на такое разсмотрѣніе, проектъ подвергся съ разныхъ сторонъ весьма серьезной и небезосновательной критикѣ. Церк. Вѣдом. 1907 г. № 36, стр. 1529.

1) Здѣсь профессоръ Бердниковъ основную мысль IV отдѣла — о возвращеніи православнаго прихода къ его древнѣйшему строю на началахъ: а) выдѣленія въ особую церковно-юридическую единицу и б) общиннаго, въ предѣлахъ канонѣвъ, самоуправленія прихода — подвергаетъ строгой критикѣ, находя, что начала эти противорѣчатъ одно другому и не мирятся съ каноническимъ укладомъ церковнаго управленія. Церковное имущество, движимое и недвижимое, передаваемое уставомъ IV отдѣла въ распоряженіе прихода, какъ единаго цѣлаго, по проекту профессора Бердникова, „какъ достояніе Господне“ (30, 49, 41 прав. Апост., 25 Антиох. и 1 перв. всел. соб.), должно оставаться, какъ и нынѣ, собственностью церковныхъ институтовъ (церкви, монастыря и т. п.) и состоять въ распоряженіи, какъ и нынѣ, причта и церковнаго старосты. Дѣятельность приходской общины, простирающаяся, по предположеніямъ IV отдѣла, почти на всѣ стороны приходской жизни, религіозно-нравственную, просвѣтительную, благотворительную, судебную (братскій судъ) и даже пастырскую (наблюденіе за поведеніемъ прихожанъ назиданіе ихъ и т. п.), по проекту Бердникова, должна быть значительно ограничена въ предѣлахъ, соотвѣтствующихъ основнымъ особенностямъ cadaго слагаемаго въ приходѣ и каноническимъ правиламъ. Тамъ же, стр. 529—530.

Разсмотрѣнные нами труды И. С. Бердникова надолго займутъ видное мѣсто въ нашей духовной литературѣ. Къ нимъ будетъ обращаться всякій, интересующійся вопросами церковно-приходской жизни.

Протоіерей А. Рождественскій.

О приходской жизни во Франціи. Прага Чешская. 1908. Стр. IV + 556.

Однимъ изъ важнѣйшихъ церковныхъ вопросовъ, въ послѣднее десятилѣтіе обратившимъ на себя вниманіе не только духовной, но и свѣтской печати является вопросъ о благоустройствѣ, или, какъ выражаются нѣкоторые, „о возрожденіи“ православнаго церковнаго прихода, при чемъ высказывается надежда, что обновленіе церковно-приходской жизни будетъ способствовать улучшенію даже государственной жизни нашего отечества. Надо замѣтить, что правильное разрѣшеніе вопроса о церковномъ приходѣ представляется на столько же важнымъ, насколько сложнымъ и труднымъ. Достаточно припомнить, что одно только опредѣленіе понятія „приходъ“, съ церковной и гражданской точекъ зрѣнія, вызвало въ Высочайше учрежденномъ Предсоборномъ Присутствіи, среди членовъ этого Присутствія, много споровъ и заняло не мало времени: одни доказывали, что приходъ есть „церковное установленіе; другіе, подъ вліяніемъ, кажется, протестанскаго понятія о приходѣ, отстаивали свое мнѣніе о приходѣ, какъ какой то, довольно неопредѣленной, „церковной общинѣ“, совершенно несоотвѣтствующей духу нашего церковнаго устройства.

Понятно, поэтому, насколько важнымъ представляется знакомство съ католическимъ приходомъ и его организаціей: вѣдь католическая церковь по своему устройству неизмѣримо ближе подходитъ къ Церкви православной, чѣмъ общества протестантскія.

Въ книгѣ протоіерея А. Рождественскаго организація

церковныхъ приходовъ и состояніе церковно - приходской жизни во Франціи представлены съ надлежащею полнотою и ясностью.

Въ краткомъ введеніи къ своему труду (стр. I—IV) авторъ выясняетъ то важное значеніе для религіозно-нравственнаго развитія, какое имѣютъ церковные приходы, а въ I-ой главѣ своей книги, подъ заглавіемъ: „Приходы“ (стр. 1—58), подробно разсматриваетъ организацію приходовъ во Франціи.

Во главѣ cadaго прихода стоитъ священникъ. Приходская работа выполняется не только отдѣльными лицами бѣлаго духовенства и монашествующими, но и приходскими учрежденіями. Учрежденія эти довольно разнообразны. Къ нимъ принадлежатъ фабрики, кладбища, церковно-приходскія школы, братства, патронаты, сельскія кассы и пр. Фабрики состоятъ изъ совѣта и комитета. Священникъ и меръ являются постоянными членами совѣта по своей должности. Совѣтъ фабрики посредствомъ баллотировки выбираетъ президента и секретаря. Совѣтъ собирается въ первое воскресенье апрѣля, іюля, октября и января (четыре раза въ годъ); кромѣ этихъ обыкновенныхъ собраній, бываютъ экстренныя собранія. Совѣтъ фабрики, состоящій изъ 7—11 человекъ, избираетъ изъ среды себя троихъ старостъ, которые съ приходскимъ священникомъ образуютъ комитетъ фабрики. Члены прихода, какъ таковые, не пользуются никакими юридическими правами. Они не участвуютъ ни въ выборѣ своего священника, ни въ выборѣ лицъ, управляющихъ церковнымъ имуществомъ: всѣ эти лица служатъ по назначенію властей. При дѣленіи всѣхъ прихожанъ во Франціи (по даннымъ, относящимся къ 1901 году — 38.769.809 человекъ) на общее число священниковъ (41.891) оказывается, что на cadaго священника во Франціи приходится среднимъ числомъ 925 прихожанъ.

Что касается воспитанія и образованія лицъ, предназначенныхъ къ должности приходскихъ священниковъ, то объ

этомъ авторъ подробно говоритъ въ слѣдующей, II-ой главѣ, описывая католическія „семинаріи“ (стр. 59—117).

Трудъ приходскаго священника во Франціи очень сложенъ: священникъ долженъ совершать богослуженіе, исправлять требы, проповѣдывать, посѣщать своихъ прихожанъ, въ особенности больныхъ, помогать бѣднымъ. Онъ долженъ также обращать свое вниманіе на воспитаніе и образованіе молодого приходскаго населенія, въ виду того, что Законъ Божій въ правительственныхъ школахъ Франціи не преподается, при чемъ ученикамъ этихъ школъ нерѣдко внушаются антирелигіозныя идеи. Кромѣ этого, священникъ долженъ заботиться объ уясненіи и расширеніи религіозныхъ знаній. Въ виду этого, къ выбору лицъ, предназначенныхъ къ должности священника, стараются относиться съ особеннымъ вниманіемъ. Въ католическихъ семинаріяхъ стремятся не къ тому, чтобы приготовить людей ученыхъ, а къ формировкѣ убѣжденныхъ священниковъ. Воспитанію въ семинаріяхъ даютъ предпочтеніе предъ обученіемъ и упражненіемъ умственныхъ подчинены въ нихъ унраженіямъ духовнымъ (стр. 76). Внутренній строй семинарской жизни организованъ такимъ образомъ, что семинаріи походятъ скорѣе на монастыри, чѣмъ на учебныя заведенія. Въ учебно-воспитательномъ и административномъ отношеніяхъ семинаріи находятся въ зависимости отъ епископовъ. Директора и профессора семинарій назначаются и увольняются епископами.

Въ III-ей главѣ описывается „частная жизнь приходскихъ священниковъ“ (стр. 153—176), въ IV-ой — „религіозное образованіе въ приходсахъ“ (стр. 177—248); въ V-ой — „приходское богослуженіе“, причемъ авторъ подробно останавливается на католической исповѣди (стр. 249—312).

Особый интересъ представляетъ VI-я глава книги протоіерея Рождественскаго о „приходскомъ управленіи“ (стр. 313—375). Приходскій священникъ, по мнѣнію католическихъ писателей, долженъ быть полновластнымъ управителемъ прихода. Аббатъ Франкевиль называетъ приходъ семьей, а при-

ходскаго священника отцомъ этой семьи. Чтобы направлять прихожанъ по религіозному пути, необходимо основательно изучать ихъ жизнь. Средствами для этого изученія могутъ служить, между прочимъ, исповѣдь, визиты, разспросы и наблюденія. Исповѣдь могла бы быть наилучшимъ средствомъ для изученія прихожанъ, но ею не часто приходится пользоваться священнику, такъ какъ большинство прихожанъ уклоняются отъ нея. Визиты пользуются во Франціи самой широкой распространенностью. При помощи ихъ священники не только могутъ выражать свое вниманіе прихожанамъ, но и утилизировать ихъ въ видахъ основательнаго изученія приходскаго населенія. Кюре долженъ также слѣдить за нравственностью своихъ прихожанъ; онъ наблюдаетъ за мастерскими, въ которыхъ работаютъ вмѣстѣ мужчины и женщины, такъ какъ подобнаго рода мастерскія часто бѣваютъ школами разврата; онъ долженъ заботиться о лицахъ, находящихся въ услуженіи; долженъ знать, повѣнчаны ли супруги церковнымъ бракомъ, — нѣтъ ли въ его приходѣ лицъ, имѣющихъ наложницъ, существуютъ ли разведенные, есть ли супруги враждующіе между собою, нѣтъ ли подкинутыхъ дѣтей, или такихъ, къ которымъ родители относятся съ преступнымъ невниманіемъ. Кюре долженъ имѣть точные списки прихожанъ.

Не менѣе интересными являются слѣдующія двѣ главы изслѣдованія протоіерея Рождественскаго — VII-я, подъ заглавіемъ: „Очеркъ религіозно-нравственнаго состоянія приходскаго населенія“ (стр. 376—458), и связанная съ нею VIII-я глава: „Причины неудовлетворительнаго состоянія приходской жизни“ (стр. 459—517).

Большинство населенія, говоритъ авторъ, относится къ религіи индифферентно, а нѣкоторые классы, какъ, на примѣръ, рабочіе, даже враждебно. Враждебное отношеніе къ церкви замѣтно и со стороны большинства представителей законодательной власти, избираемаго общей подачей голосовъ страны. Во множествѣ селъ къ большимъ воскреснымъ мессамъ при-

ходятъ только женщины, иногда — въ незначительномъ количествѣ дѣти и старики; огромное же большинство мужчинъ не ходитъ въ церковь. Нравственность населенія очень не высока. Пьянство развивается даже среди женщинъ, даже высшихъ слоевъ общества. Рабочіе большихъ городовъ являются жертвою алкоголизма. Въ нѣкоторыхъ улицахъ Парижа на 40 домовъ приходится 38 кабаковъ. Небольшіе города и села наводнены кабатчиками. Въ Нормандіи приходится одинъ кабакъ на 66 обитателей. Одна коммуна въ Бретани имѣетъ 52 кабака на 850 жителей, Широко распространена и половая распущенность. Въ Сенскомъ департаментѣ, гдѣ находится Парижъ, количество незаконно-рожденныхъ достигаетъ до 24,3% на сто рожденій! Слѣдствіемъ незаконныхъ сожитій является проституція, главнымъ центромъ которой служитъ Парижъ; дѣтская проституція возрастаетъ съ каждымъ годомъ. Г. Массе, бывшій начальникъ секретной полиціи, языкомъ протокола — сухимъ и холоднымъ, описываетъ въ такихъ чертахъ развратъ Парижа, какъ не описывалъ его никто, онъ обнажаетъ язвы Парижа болѣе жестоко, чѣмъ это могли сдѣлать самые краснорѣчивые писатели. Никогда натуральная школа не давала болѣе ужасающаго документа. Глава о сутинерахъ поистинѣ ужасна. Порнографическія изданія, безнравственныя изображенія продаются на улицахъ, въ кіоскахъ. Есть газеты, занимающіяся исключительно порнографіей. Такова поистинѣ ужасная картина нравовъ современной Франціи.

Изъ философскихъ, противохристіанскихъ ученій съ особенною силой распространяется во Франціи матеріализмъ. Насколько широка пропаганда анти-религіозныхъ идей и какъ велика симпатія къ нимъ со стороны приходскаго населенія, это видно изъ слѣдующихъ статистическихъ данныхъ: въ Парижѣ на 174 ежедневныя газеты, 136 находятся въ оппозиціи съ христіанскими идеями. Успѣхъ газеты прямо зависитъ отъ ея враждебности къ религіи или, по крайней мѣрѣ, съ безразличнаго отношенія къ ней. Надо отмѣтить также

слабое вліяніе духовенства на народъ, главнымъ образомъ по причинѣ стремленія священниковъ къ уединенію.

„Окидывая, съ одной стороны, взглядомъ печальное религіозно-нравственное состояніе огромнаго большинства членовъ приходовъ, во взаимоотношеніяхъ которыхъ стоитъ идея борьбы за существованіе и стремленіе къ обладанію земными благами, и, съ другой стороны, констатируя слабость борцовъ за идею любви, являющуюся величайшимъ принципомъ христіанства, можно утверждать, что въ приходской жизни Франціи совершается ужасный религіозный кризисъ“ — такими словами заканчиваетъ протоіерей Рождественскій свое изслѣдованіе о приходской жизни во Франціи.

Книга г. Рождественскаго издана прекрасно. Она представляетъ собою цѣнный вкладъ въ литературу о церковномъ приходѣ.

Профессоръ А. С. Павловъ.

50-я глава Кормчей книги, какъ историческій и практический источникъ русскаго брачнаго права. Москва.

Изданная, подъ означеннымъ заглавіемъ, книга извѣстнаго нашего канониста, покойнаго профессора Московскаго университета, А. С. Павлова является однимъ изъ выдающихся изслѣдованій въ области каноническаго права православной русской Церкви и имѣетъ не только научный, но и практическій интересъ, такъ какъ здѣсь авторъ указываетъ на существующіе пробѣлы и разрѣшаетъ нѣкоторые возникающіе въ практикѣ вопросы одного изъ самыхъ важныхъ отдѣловъ каноническаго права, именно брачнаго права нашей Церкви.

Въ виду того, что 50-я глава *Кормчей* содержитъ въ себѣ двѣ различныя по своимъ источникамъ и содержанію статьи: 1) „о тайнѣ супружества“, гдѣ излагается понятіе о бракѣ и даются наставленія священнику о порядкѣ и условіяхъ его совершенія; 2) „о сродствахъ въ тайнѣ супружества“,

то-есть о различныхъ видахъ родства составляющаго препятствіе ко браку, приче́мъ предварительно необходимо привести въ ясность первоначальные источники, изъ которыхъ составила́сь каждая изъ этихъ статей, авторъ дѣлитъ свое изслѣдованіе на три части: въ первой изъ нихъ онъ указываетъ источники 50-й главы *Кормзей*: во второй — даетъ историко-каноническій анализъ первой части этой главы; въ третьей — представляетъ такой же анализъ второй части ея.

Обѣ названныя выше составныя части 50-й главы внесены въ *Кормзю* еще въ эпоху ея перваго печатнаго изданія (1649—1653) изъ Требника кіевскаго митрополита Петра Моги́лы. Откуда же взялъ ихъ Моги́ла? Профессоръ Павловъ весьма подробно изслѣдуетъ этотъ вопросъ и приходитъ къ заключенію что первая изъ составныхъ частей 50-й главы „о тайнѣ супружества“ прихожденія *римско-католическаго*, такъ какъ попала въ требникъ Моги́лы изъ католическаго ритуала (требника), изданнаго отъ лица римскаго папы Павла V, но не въ точномъ и буквальномъ переводѣ, а съ уничтоженіемъ всѣхъ или, по крайней мѣрѣ, особенно замѣтныхъ слѣдовъ ея ино-церковнаго происхожденія и съ нѣкоторыми дополненіями, имѣющими цѣлю такъ-сказать „полное обращеніе римско-католической статьи въ православіе“ (стр. 11). Вторая изъ статей, вошедшихъ въ составъ 50-й главы *Кормзей*, подъ названіемъ „о сродствахъ въ тайнѣ супружества“, происхожденія византійскаго и принадлежитъ хартофилаксу Константинопольской церкви Мануилу Ксаноянину (XVI вѣка).

Указавъ источники 50-й главы *Кормзей*, профессоръ Павловъ переходитъ къ историко-каноническому анализу первой части этой главы, приче́мъ, разсматривая находящееся здѣсь опредѣленіе брака, останавливается подробно на вопросѣ о различіи Западной Церкви отъ Восточной въ ученіи о формѣ брака. Въ то время какъ въ Западной, римско-католической церкви, которая, по словамъ автора (стр. 44), „въ развитіи практическихъ, жизненныхъ элементовъ христіанскаго вѣроученія вообще шла впереди Восточной, мысль о совершеніи

брака самими брачущимися лицами высказывалась и въ иапскихъ декретахъ, и въ опредѣленіяхъ соборовъ, признанныхъ на Западъ вселенскими (напримѣръ Флорентійскаго), а въ большинствѣ ритуаловъ наглядно выражалась въ самой формулѣ совершенія брака, произносимой брачущимися лицами предъ священникомъ, причемъ воззрѣніе католической схоластики, по которому въ бракѣ элементы юридическій и религіозный, *договоръ и таинство*, совершенно совпадаютъ, было раздѣляемо и кievскими богословами, — въ греческой богословской литературѣ съ конца XVII вѣка начался поворотъ въ сторону отъ этого ученія, именно сталъ высказываться и устанавливаться такой взглядъ что бракъ только въ значеніи гражданскаго договора совершается самими брачущимися лицами, а значеніе таинства получаетъ не иначе какъ чрезъ благословеніе священника. Этотъ же взглядъ установился и въ русской богословской литературѣ XVIII вѣка, благодаря, впрочемъ, вліянію не греческаго, а протестантскаго богословія. Не успѣвъ утвердиться въ нашей догматикѣ, ученіе кievской богословской школы о формѣ тайны супружества было принято, однако, въ офиціальное изданіе *Кормчей* и сдѣлалось однимъ изъ основныхъ принциповъ русскаго брачнаго права, довольно послѣдовательно проводившееся Св. Синодомъ какъ въ судебныхъ рѣшеніяхъ по дѣламъ о бракахъ, такъ и въ законодательныхъ актахъ, до сихъ поръ составляющихъ у насъ источникъ *дѣйствующаго* брачнаго права. Такимъ образомъ, между догматическимъ и каноническимъ ученіемъ нашей церкви о формѣ таинства брака *въ настоящее время* оказывается важное и глубокое несогласіе. По догматикѣ, христіанскій бракъ получаетъ характеръ таинства только чрезъ благословенія священника; по каноникѣ, сакраментальный характеръ брака не зависитъ безусловно отъ церковнаго обряда браковѣнчанія, какъ необходимой формы этого таинства, а сообщается браку взаимнымъ согласіемъ самихъ сочетавающихся, будетъ ли это согласіе выражено ими въ церкви, при обрядѣ браковѣнчанія, или внѣ церкви и безъ обряда. Для правиль-

наго разрѣшенія вопроса, авторъ обращается къ ученію и преданію древней вселенской церкви и, на основаніи ученія Ап. Павла о бракѣ, а также свидѣтельствъ церковнаго преданія, составляющихъ какъ бы непрерывный комментарий на это ученіе, рѣшаетъ его слѣдующимъ образомъ: „христіанскій бракъ есть такое таинство въ совершеніи котораго необходимо принимаютъ участіе два фактора — воля самихъ брачующихся лицъ, которая даетъ реальное бытіе браку съ необходимымъ *сакраментальнымъ характеромъ*, какъ отображеніемъ всегда присущей христіанамъ печати крещенія, и Церковь, которая своимъ благословеніемъ *утверждаетъ* бракъ и сообщаетъ ему *живую и дѣйствительную благодать Божію*“ (стр. 72).

Главное историческое значеніе второй части 50-й главы *Кормчей*, по словамъ проф. Павлова, состоитъ въ томъ что она давала возможность русской церковной практикѣ ориентироваться въ разнообразіи нормъ содержавшихся въ прежнихъ разновременныхъ источникахъ брачнаго права, отдѣлять въ нихъ устарѣлое право отъ дѣйствующаго, примирять встрѣчающіяся между ними противорѣчія, объяснять однѣ нормы другими, словомъ, устанавливать по каждому данному вопросу искомую *догму права* (стр. 108). Но иное дѣло, говоритъ онъ далѣе (стр. 121 и слѣд.), догма права, какъ абстрактное предписаніе закона, иное — жизнь и практика. На практикѣ ни статья „о средствахъ въ тайнѣ супружества“, ни всѣ статьи того же содержанія *никогда* не имѣли у насъ полнаго дѣйствія. Русскія нравственно-юридическія воззрѣнія на родство и свойство, какъ препятствія къ браку, настолько расходились съ соотвѣтственными византійскими церковно-гражданскими законами, что этой розни не могли уничтожить многовѣковыя усилія нашей духовной іерархіи, которая въ нѣкоторыхъ случаяхъ и сама, при примѣненіи къ русской жизни византійскихъ нормъ, отличалась большою снисходительностью. Отсутствие точныхъ и ясныхъ законоположеній о границахъ родства и свойства нрепятствующихъ браку и постоянное колебаніе въ церковной практикѣ обратили, наконецъ,

вниманіе Верховной Власти, не разъ предписывавшей Св. Синоду озаботиться объ изданіи подробныхъ опредѣленій о томъ, въ какихъ именно степеняхъ родства и свойства бракъ не дозволяется (указы 14 декабря 1744 г. и 6 іюня 1765 г.). Окончательно же вопросъ былъ рѣшенъ лишь въ настоящемъ столѣтіи, въ царствованіе императора Александра I, знаменнымъ синодскимъ опредѣленіемъ 19 января 1810 года, которое было разослано епархіальнымъ архіереямъ, въ видѣ секретнаго указа 17 февраля того же года (указъ этотъ дѣйствуетъ и понынѣ).

Указавъ, затѣмъ, на нѣкоторые пробѣлы означеннаго указа и на необходимость существенныхъ исправленій и дополненій догмы русскаго брачнаго права, по смыслу и содержанію общецерковной канонической догмы, авторъ заканчиваетъ свое изслѣдованіе разсмотрѣніемъ весьма важнаго въ брачномъ правѣ вопроса о томъ, слѣдуетъ ли принимать мужа и жену за одну нераздѣльную степень не только для нисходящихъ, но и при опредѣленіи степени свойства одного изъ супруговъ къ кровнымъ родственникамъ другаго, или при опредѣленіи степени свойства между кровными родственниками супруговъ. Подробно разобравъ мнѣнія по этому предмету гг. Чиждана и Горчакова, проф. Павловъ приходитъ къ тому справедливому заключенію, что мужъ и жена въ этихъ нослѣднихъ случаяхъ должны быть принимаемы за одну нераздѣльную степень, и что новый способъ исчисленія степеней свойства, по которому каждый изъ супруговъ въ отношеніи къ кровнымъ родственникамъ другаго принимается за особую степень, долженъ быть отвергнутъ однажды навсегда, какъ прямо антиканоническій.

Не вдаваясь въ слишкомъ подробную оцѣнку изслѣдованія проф. Павлова, достаточно сказать что оно представляетъ одну изъ тѣхъ работъ которыя, выражаясь словами самого автора, „могутъ содѣйствовать приведенію каноническаго права нашей Церкви въ надлежащій внутренній порядокъ“ (стр. 4). На ряду съ другими трудами покойнаго профессора, оно надолго займетъ видное мѣсто въ небогатой подобнаго рода из-

слѣдованіями русской канонической литературѣ. Какъ много было потрачено авторомъ труда на собираніе матеріала и на научную обработку книги, видно, между прочимъ, изъ того, что приложенія къ ней составляютъ половину всего тома (стр. 227—452), причемъ нѣкоторыя изъ помѣщенныхъ здѣсь весьма рѣдкихъ и важныхъ по своему значенію статей появляются въ печати въ первый разъ. Изложеніе отличается ясностію и точностію, вообще присущими перу автора.

М. М. Абрашкевичъ,

приватъ-доцентъ Императорскаго Новороссійскаго университета,
товарищъ прокурора Одесскаго окружнаго суда.

Прелюбодѣяніе съ точки зрѣнія уголовного права.
Историко-догматическое изслѣдованіе. Одесса.

Въ настоящее время, когда вопросы семейственнаго и брачнаго права въ особенности интересуютъ русское общество и современную печать, обширный трудъ г. Абрашкевича появился весьма кстати. Прогрессивно возрастающее число супружескихъ измѣнъ, семейныхъ драмъ и внѣбрачныхъ сожителствъ составляетъ характерную особенность современнаго русскаго общества, достояніе всѣхъ званій и сословій. Напрасно нѣкоторые ищутъ причину столь печальныхъ явленій въ неудовлетворительности нашего брачнаго и семейственнаго законодательства, полагая, что, съ реформой этого законодательства, эти явленія исчезнутъ.

Не мало толковъ въ печати вызвалъ и недавно опубликованный законъ, отмѣняющій 253 статью устава духовныхъ консисторій и разрѣшающій лицамъ, разведеннымъ за прелюбодѣяніе, вступать въ новый бракъ. Во то время, какъ одни горячо привѣтствовали изданіе этого закона, другіе видятъ въ немъ лишь уступку современнымъ распущеннымъ нравамъ, уступку весьма опасную, подрывающую крѣпость брака, какъ таинства.

Ревностнымъ защитникомъ крѣпости брачныхъ узъ выступаетъ и авторъ вышеназваннаго ученаго изслѣдованія, отмѣчая, между прочимъ, въ своемъ введеніи (стр. 2) тотъ фактъ, что „въ наши дни устои современнаго уклада — собственность и бракъ, вызываютъ яростныя нападки заклятыхъ ненавистниковъ существующаго строя, мечтающихъ о насажденіи иныхъ новыхъ порядковъ“.

Видя въ прелюбодѣяніи оскорбленіе святости брака, какъ религіознаго или же какъ общественно-государственнаго института, г. Абрашкевичъ приводитъ рядъ доводовъ иротивъ мнѣнія о совершенномъ устраненіи уголовной репрессіи прелюбодѣянія. „Дѣйствительно ли государство, вѣрное своему назначенію, — говоритъ онъ, — при существующихъ житейскихъ условіяхъ, можетъ и должно рѣшиться на такой шагъ? Привѣтствовать ли, при наличныхъ данныхъ, такое рѣшеніе, какъ истинный успѣхъ уголовного законодательства?“ (стр. 614).

„Микробъ преступления, по выраженію Франца фонъ-Листа, выростаетъ на бульонѣ, который представляетъ общество“. Принципъ взаимной вѣрности обоихъ супруговъ, съ такимъ трудомъ выработанный прогрессомъ, воспринятый всѣми цивилизованными націями, далеко не пользуется надлежащею поддержкою общества, во всѣхъ слояхъ котораго наблюдается стремительное паденіе нравовъ. Въ наши дни адюльтеръ пріобрѣтаетъ права гражданства. Чистота семейныхъ нравовъ отступаетъ предъ нимъ все далѣе и далѣе. Вѣрность супружескому долгу рисуется особенною заслугою, изъ простой естественной обязанности возводится въ подвигъ. Бракъ изъ союза двухъ угрожаетъ обратиться въ сопряженіе трехъ, если не болѣе лицъ. Въ современной литературѣ, отражающей такъ печально сложившуюся жизнь, трудно отыскать произведеніе, которое не затрогивало бы такъ или иначе вопроса о нарушеніи супружеской вѣрности. Въ произведеніяхъ Максима Горкаго, философіей Ницше объявляется война идеаламъ, завѣщаннымъ предшествующими поколѣніями, какъ

дорогое наслѣдство; подъ флагомъ возвеличенія личной свободы и мощи раздается апологія разнузданности, разгрывается апоѳеозъ черноземныхъ силъ, порою напоминающій боевой кличъ знаменитаго философа порока, маркиза де-Сада (стр. 614—616).

Бракъ и прелюбодѣяніе, по мнѣнію почтеннаго автора, два непримиримые врага, два антипода, между которыми нѣтъ посредствующихъ звеньевъ. Отрицать вредоносность прелюбодѣянія значитъ отвергать необходимость брака, и, наоборотъ, отстаивая бракъ, нельзя терпѣть прелюбодѣянія. Поэтому, пока государство видитъ въ бракѣ союзъ, имѣющій важное соціальное значеніе, пока оно печется объ этомъ союзѣ, регламентируетъ его, возводитъ въ юридическій институтъ, прелюбодѣяніе, какъ дѣйствіе, расшатывающее основы брака, не можетъ игнорироваться и правомъ, оно должно влечь за собою наказаніе, какъ для прелюбодѣйнаго супруга, такъ и для его соучастника: бракъ долженъ быть святъ въ глазахъ всѣхъ и cadaго (стр. 619—627).

Несомнѣнно при этомъ, что наказаніе за прелюбодѣяніе должно соотвѣтствовать достоинству брака, устои котораго оно подрываетъ. И дѣйствительно, всѣ законодательства, карающія прелюбодѣяніе, назначаютъ строгія наказанія, какъ прелюбодѣйному супругу, такъ и его соучастнику — тюремное заключеніе (иногда даже на срокъ болѣе года). Иначе посмотрѣло на прелюбодѣяніе наше новое Уголовное Уложеніе, видящее въ немъ не „тяжкое преступленіе“ и даже вовсе не „преступленіе“, а только „проступокъ“, караемый „арестомъ“¹⁾. По новому Уголовному Уложенію, супруга, сбѣжавшая съ любовникомъ отъ своего семейнаго очага, наказуется, какъ „служащій виновный въ самовольномъ оставленіи парохода или морского судна, отправляющихся въ плаваніе, или находящихся въ плаваніи, безъ уважительной причины, на время болѣе трехъ сутокъ“²⁾; супругъ, нарушившій обѣтъ

1) Ст. 418.

2) Ст. 372, п. 2.

вѣрности, отдающій свое вниманіе, ласки и средства посторонней женщинѣ, наказуется наравнѣ съ тѣмъ, кто но легкомыслію присвоилъ предметъ цѣною менѣе 50 копеекъ¹⁾; доморощенный Донъ-Жуанъ, разбивающій иногда однимъ ударомъ счастье всей семьи, наказывается совершенно такъ же, какъ „виновный въ умышленномъ нанесеніи удара или иномъ насильственномъ дѣйствіи, нарушившемъ тѣлесную неприкосновенность“²⁾, и т. п. И такими мѣрами думаютъ купить уваженіе брачному союзу и страхъ передъ отвѣтственностью за посягательство противъ этого союза! Мало того, почтенный авторъ той части проекта, которая охватываетъ преступленія противъ правъ семейныхъ, И. Я. Фойницкій, въ уголовной репрессіи прелюбодѣянія видитъ средство къ сокращенію саморасправы³⁾, словно тотъ, кто считаетъ необходимымъ смыть свой семейный позоръ кровью измѣнницы или ея возлюбленнаго, откажется отъ своей мести ради той перспективы, что виновные отсидаютъ за то подъ арестомъ (стр. 636).

„Намъ кажется, — заключаетъ авторъ, — лучше совсѣмъ отказаться отъ уголовной репрессіи прелюбодѣянія, признать единственнымъ юридическимъ послѣдствіемъ его разводъ по жалобѣ оскорбленнаго супруга, чѣмъ оказывать общественной нравственности такія сомнительныя услуги, какъ наложеніе ареста на виновныхъ въ прелюбодѣянніи“⁴⁾.

Мы отмѣтили здѣсь лишь немногія, наиболѣе существенныя мѣста интереснаго изслѣдованія г. Абрашкевича; желающихъ подробнѣе ознакомиться съ обстоятельно разсмотрѣннымъ

1) Ст. 574.

2) Ст. 475.

3) Курсъ особенной части, стр. 136. Уголовное Уложеніе, Проектъ редакціонной комиссіи и объясненіе къ нему. 1895 г. Т. IV, стр. 208.

4) Тотъ же взглядъ мы высказывали еще при обсужденіи проекта новаго Уголовнаго Уложенія. См. нашу статью: Профессоръ М. Красноженъ. Старые и новые законы о бракѣ, Юрьевъ, 1898 г., стр. 16: „Назначенное въ 359 статьѣ проекта Уголовнаго Уложенія наказаніе, — писали мы тогда, — не можетъ удовлетворить обиженнаго, никого не устрашаетъ и никого не исправляетъ“.

авторомъ вопросомъ отсылаемъ къ его книгѣ, которая, несмотря на свой обширный объемъ, читается легко, такъ какъ написана прекраснымъ литературнымъ языкомъ.

Проф. И. И. Соколовъ.

Усыновленіе и его отношеніе къ браку въ Византіи и на современномъ греческомъ Востокѣ. Историко-правовой очеркъ. С.-Петербургъ. 1910 г. Стр. 127.

Въ настоящемъ изслѣдованіи проф. И. И. Соколовъ поставилъ себѣ задачу — рассмотреть актъ усыновленія, съ гражданско-правовой и церковно-канонической точекъ зрѣнія, и прослѣдить историческую его судьбу въ Византіи и на греческомъ Востокѣ вплоть до нашихъ дней. Такая задача должна представлять интересъ не только научный, но и церковно-практическій, въ виду полной неразработанности этого вопроса въ иностранной и русской ученой литературѣ и въ виду предстоящаго у насъ пересмотра дѣйствующаго положенія объ усыновленіи, какъ препятствіи къ браку.

Усыновленіе, говоритъ авторъ, во вступленіи въ свое изслѣдованіе (стр. 3—4), было однимъ изъ существенныхъ элементовъ въ содержаніи семейственнаго права въ Византіи. Оно перешло въ область византійскихъ семейственныхъ отношеній изъ древняго Рима, но на новой православно-христіанской почвѣ и, подъ воздѣйствіемъ творческихъ началъ византійской культуры, получило своеобразный юридическій характеръ. Особое значеніе сообщила усыновленію греко-восточная Церковь, которая одухотворила этотъ древній юридическій актъ въ самомъ его существѣ и распространила его вліяніе на законъ о бракѣ и возникающія отсюда отношенія. Свой церковный характеръ усыновленіе сохранило на греческомъ Востокѣ до настоящаго времени.

Сочиненіе проф. И. И. Соколова распадается на четыре главы.

Въ 1-ой главѣ, подѣ заглавіемъ: „Гражданское усыновленіе въ Византіи“ (стр. 4—36), авторъ подробно излагаетъ исторію гражданской стороны усыновленія въ Византійской имперіи до XIV вѣка. Указавъ на то, что „въ Институціяхъ, Дигестахъ и Кодексѣ Юстиніана (+ 565 г.) усыновленіе признается такимъ гражданско-юридическимъ актомъ, при посредствѣ котораго усыновитель, исполнивъ опредѣленныя требованія и формальности закона, принималъ на мѣсто сына или внука другое лицо и вступалъ съ нимъ въ гражданское родство со всѣми личными и имущественными послѣдствіями“ (стр. 5), проф. И. И. Соколовъ подробно останавливается на законодательствѣ объ усыновленіи, содержащемся въ знаменитыхъ Василикахъ (*Τὰ Βασιλικὰ* - Царскія книги) императора Льва VI Мудраго (886—911) и въ позднѣйшихъ его новеллахъ, а также въ послѣдующихъ памятникахъ права (въ распространенномъ Прохиронѣ XIII—XIV в., Шестокнижій Константина Арменопула XIV в., въ Синтагмѣ Матѳея Властаря 1335 г. и др.).

По Василикамъ, требовалось, чтобы „берущей въ усыновленіе былъ старше усыновляемаго, такъ какъ усыновленіе создается по подражанію природѣ, а природа знаетъ отца старше сына: было бы страннымъ и чуждымъ природѣ говорить, что сынъ старше отца. Это имѣетъ приложеніе и въ отношеніи къ подвластнымъ и самовластнымъ. Должно, чтобы отецъ былъ свѣше 18 лѣтъ отъ роду, потому что этотъ именно возрастъ называется полнымъ юношествомъ (*ἔσφηβότης*), когда достигаютъ возмужалости и тѣ, которые развиваются медленно, и когда совершенно измѣняется и ихъ внѣшній видъ (§ 50). Что касается евнуховъ, то Василики различаютъ между ними спадоновъ (*σπάδωνες*), кастратовъ (*χαστοράτοι*) и ѳливіевъ (*θλιβίαι*). Кастратъ и ѳливій не принимаютъ въ усыновленіе ни самовластнаго отъ царя, ни подвластнаго отъ архонта, ибо кому природа отказала въ дѣторожденіи, тѣмъ отказываетъ и законъ, идущій по слѣдамъ природы, — такъ какъ дѣторожденіе для нихъ дѣло безнадежное. Спадонъ же,

у котораго, естественно, есть надежда избавиться отъ болѣзни и получить способность къ дѣторожденію, долженъ принимать въ усыновленіе и подвластнаго, и самовластнаго, но, усыновляя подвластнаго, онъ не долженъ имѣть его подъ своею властью (§ 51). — Въ XXVI новеллѣ императоръ Левъ узаконилъ право усыновленія для всѣхъ евнуховъ, которые (за исключеніемъ т. н. спадоновъ, потерявшихъ по болѣзни способность къ дѣторожденію) въ Василикахъ и въ предшествующемъ гражданскомъ законодательствѣ были лишены этого права. „Царство наше, говорится въ этой новеллѣ, признавая справедливымъ не налагать двойное — посредствомъ закона — наказаніе на тѣхъ, которые уже подверглись наказанію со стороны людей, — узаконяетъ, что всѣ желающіе усыновлять могутъ безпрекословно исполнять свое желаніе, потому что благодѣяніе является особенно необходимымъ тамъ, гдѣ и помощь отъ него бываетъ наиболѣе существенной. Въ частности, евнухамъ усыновленіе по закону особенно необходимо потому, что только такимъ способомъ они получаютъ возможность быть отцами, а равно будетъ для нихъ доступно пользоваться и попечительностью со стороны сыновей, лишать же ихъ этого будетъ совсѣмъ не человѣколюбиво. И подобно тому, какъ лишенный голоса не встрѣчаетъ препятствій исполнять языкъ рукою, а кто не можетъ пользоваться устами, прибѣгаетъ къ помощи письма, для выраженія предъ родственниками своихъ желаній: такъ падлежитъ не препятствовать лишеннымъ возможности имѣть дѣтей утѣшаться инымъ способомъ въ своемъ затруднительномъ положеніи“ (стр. 22). — Въ XXVII-ой новеллѣ Левъ Мудрый даровалъ право усыновленія всѣмъ желающимъ: „какъ тотъ, кто былъ лишенъ дѣтей мужескаго пола, такъ и та, которую и солнце еще не видѣло матерью, потому что не только усыновленіе имѣетъ указаннаго выше преимущества, но и дѣвство, по мнѣнію василевса, является почтеннымъ и уважаемымъ. Вѣдь тѣ, которыя предпочли дѣвство браку, бывають однако проникнуты сильною любовью къ дѣтямъ, и когда будутъ знать,

что, не вступая въ бракъ, онѣ могутъ имѣть дѣтей, то не станутъ пренебрегать цѣнностью дѣвства“ (стр. 23).

Кромѣ юридической стороны, унаслѣдованной отъ римскаго права, усыновленіе постепенно восполнилось другимъ актомъ — церковнымъ, который со временемъ пріобрѣлъ даже первенствующее и преобладающее во всемъ процессѣ значеніе. Такъ, усыновленіе пріобрѣло въ Византіи сложный составъ, въ которомъ параллельно и совмѣстно существовали два главныхъ элемента — гражданскій и церковный. Последній также имѣетъ свою краткую исторію. Исторію этого послѣдняго авторъ даетъ во 2-ой главѣ своего изслѣдованія подъ заглавіемъ: „Церковное усыновленіе въ Византіи“ (стр. 36—65).

Церковный элементъ въ процессѣ усыновленія, по его мнѣнію, возникъ въ Византіи, подъ несомнѣннымъ вліяніемъ таинства святаго крещенія (стр. 37). Проф. И. И. Соколовъ приводитъ нѣсколько примѣровъ усыновленія, изъ которыхъ отмѣтимъ нѣкоторые. Такъ, византійскій императоръ Михаилъ III въ апрѣлѣ 866 года усыновилъ (*ὀιοποιεῖται*) Василия Македонянина, будущаго императора, — такъ какъ самъ не имѣлъ, дѣтей, — и почтилъ его достоинствомъ магистра, усыновленіе, въ которомъ византійскій историкъ усматриваетъ дѣйствіе промысла Божія. много потомъ содѣйствовало Василию въ занятіи царскаго престола.

Анна Комнина сообщаетъ, что императрица Марія, супруга Никифора III Вотаниата (1078—1081 г.), усыновила ея отца Алексѣя Комнина, будущаго византійскаго императора (1081—1118 г.). Затѣмъ, историкъ Михаилъ Пселъ рассказываетъ объ интересномъ фактѣ усыновленія византійской императрицей Зоей будущаго императора Михаила V Калафата, состоявшемся въ концѣ 1034 года. Усыновленіе совершилось по хитрому совѣту орфанотрофа Іоанна, фактически захватившаго въ свои руки всю власть въ имперіи и стремившагося обезпечить престолъ за Пафлагонскимъ домомъ. Онъ уже сумѣлъ выдать императрицу Зою, представительницу

Македонской династіи, въ замужество за своего брата, потомъ императора Михаила IV Пафлагона (1034—1041 г. г.), но такъ какъ у нихъ не было дѣтей, то единственный прямой путь къ престолу состоялъ для Пафлагонскаго дома въ усыповленіи императрицей Зоей кого-либо изъ членовъ этой фамиліи, дабы онъ сперва состоялъ кесаремъ до смерти Михаила IV, а потомъ занялъ его мѣсто. Выборъ хитраго орфанотрофа Іоанна палъ на молодого племянника царя по сестрѣ, Михаила Калафата. Онъ быстро убѣдилъ императора въ необходимости для императрицы усыновить его племянника и сдѣлаться „матерью“ послѣдняго, а потомъ оба они расположили къ этому и Зою. И вотъ, императрица Зоя и Михаилъ Пафлагонъ объявили всенародный праздникъ и приказали всѣмъ собраться въ храмъ во Влахернахъ. Въ назначенный день въ храмъ присутствовало многочисленное собраніе богомольцевъ. Здѣсь и былъ торжественно совершенъ обрядъ усыновленія, при чемъ императрица „отъ вратъ Божественнаго алтаря восприняла Михаила въ чинъ сына“ (*εις υίου τάξιν ἀναλαμβάνει*), а потомъ предъ всѣми явилась, какъ мать, съ своимъ новымъ сыномъ. Императоръ, въ свою очередь, почитая Михаила какъ сына царицы возвелъ его въ достоинство кесаря. И собравшіеся многолѣтствовали царей. Особенно же радовался орфанотрофъ Іоаннъ. — Любопытное дѣло, касающееся усыновленія, восходило на разсмотрѣніе патріаршаго Константинопольскаго сѣнода при византійскомъ патріархѣ Іоаннѣ XIII Гликисѣ (1315—1320 г.). Великая папіена Евдокія Нестонгонисса, тетка императора Андроника II Палеолога, сообщила патріарху и сѣноду, что она нѣкогда усыновила одну семилѣтнюю дѣвочку, долго и заботливо воспитывала ее, любила, какъ родную дочь, и передала ей немало вещей, частью въ качествѣ залога и для сохраненія, частью какъ приданое, когда она по закону выйдетъ замужъ. Она же, какъ будто забывши о всѣхъ ея благодѣяніяхъ, промѣняла ее на людей, ей враждебныхъ, и въ своей надменности не только оклеветала ее, осмѣяла и злонамѣренно унизила, но и вопреки ея жела-

нію вышла замужъ и при этомъ удержала у себя ея вещи. Поэтому Евдокія просила патріарха опять сохранить за ней ея вещи, отданныя усыновленной дочери, — вслѣдствіе неблагодарности и злостнаго настроенія, которыя послѣдняя въ отношеніи къ ней проявила. Патріархъ и сѹнодъ признали эту просьбу правильной и постановили, чтобы предварительно просительница взяла у своей дочери по усыновленію тѣ вещи, которыя она ввѣрила ей для охраны и залога, а потомъ было произведено разслѣдованіе, дѣйствительно ли дочь дурно относилась къ матери по усыновленію и допустила въ отношеніи къ ней неблагодарность и безчестіе, вмѣсто того, чтобы хранить къ ней признательность, и если справедливость этого будетъ доказана, тогда, по суду сѹнода, у дочери необходимо взять данное ей матерью приданое, такъ какъ она, послѣ обнаруженной неблагодарности, еще самовольно вышла замужъ. Въ виду этого, сѹнодъ иредписалъ митрополиту города Филиппъ, чтобы онъ, вмѣстѣ съ архіепископомъ г. Драмы, разслѣдовалъ дѣло, и если будетъ доказана справедливость жалобы, помогъ просительницѣ взять отъ дочери данное ей приданое, — „ибо законами, — сказано въ патріаршей и сѹнодальной грамотѣ, — эта женщина осуждается на лишеніе пожалованія и дара, какъ потому что она сильно оскорбила свою благодѣтельницу, такъ и потому, что вопреки ея волѣ вышла замужъ“. Такимъ образомъ, византійская Церковь охраняла институтъ усыновленія и отъ различныхъ злоупотребленій, касавшихся взаимныхъ отношеній родителей и дѣтей по усыновленію.

Въ слѣдующихъ двухъ главахъ проф. И. И. Соколовъ разсматриваетъ „усыновленіе въ отношеніи къ браку въ Византіи“ (3-я глава, стр. 65—96) и „въ правѣ и практикѣ“ православныхъ церквей греческаго Востока новѣйшаго времени“ (4-я глава, стр. 96—127). Со времени императора Льва Мудраго (+ 911 г.) усыновленіе получило въ Византіи исключительно - церковный характеръ, подъ воздѣйствіемъ котораго и опредѣлилось его принципиальное отношеніе къ браку, причемъ родство по усыновленію со второй половины

X вѣка (въ распространенной Эпанагогѣ), въ силу церковнаго его характера, получило въ отношеніи къ браку такое же значеніе, какое принадлежитъ родству физическому или кровному. Въ виду же того, что не только церковнымъ, но отчасти и гражданскимъ законодательствомъ Византіи бракъ въ кровномъ родствѣ (боковомъ) запрещался до седьмой степени включительно, эта степень была гранью дозволенныхъ браковъ и для лицъ, находившихся въ духовномъ родствѣ по усыновленію.

Послѣ паденія Византіи (1453 г.), усыновленіе сохранило среди христіанъ Турціи прежнее значеніе, какъ по своему существу, такъ и въ отношеніи къ браку. Дѣла по усыновленію и въ настоящее время относятся къ правамъ и привилегіямъ патріарха и епархіальныхъ архіереевъ, съ утвержденія которыхъ они и получаютъ свою законную силу. Въ основѣ дѣйствующаго нынѣ въ Константинопольской церкви законодательства объ усыновленіи находится византійское право, какъ оно выразилось въ Институціяхъ, Дигестахъ или Пандектахъ, Кодексѣ императора Юстиніана и его новеллахъ, въ Василикахъ, новеллахъ императора Льва Мудраго, въ Синтагмѣ Властаря и въ Шестокнижии Арменоиула. Лишь въ частностяхъ и подробностяхъ его законодательство не совпадаетъ съ своимъ первоисточникомъ. Надо замѣтить, однако, что на обычай усыновленія среди христіанъ Турціи отчасти оказало свое вліяніе и мусульманское право. Профессоръ И. И. Соколовъ, между прочимъ, отмѣчаетъ тотъ любопытный фактъ, что усыновленіе у турецкихъ христіанъ иногда выражается въ формѣ подражанія акту рожденія: усыновляемый (въ дѣтскомъ возрастѣ) пропускается чрезъ рубашку лежащей въ постели жены усыновителя. Въ этой символической процедурѣ несомнѣнно, заключается элементъ масульмунскаго обычая усыновленія, которое у турокъ прямо и называется „пропусканіемъ чрезъ воротъ рубашки“, при чемъ актъ этотъ встрѣчается только вдали отъ культурныхъ центровъ и безъ вѣдома церковной власти, которая относится къ нему съ без-

уловнымъ порицаніемъ, какъ къ обычаю не христіанскому (стр. 111—112).

Настоящая новая работа проф. И. И. Соколова, уже занявшаго почетное мѣсто, благодаря своимъ прежнимъ трудамъ¹⁾, среди византологовъ, заслуживаетъ особаго вниманія всѣхъ интересующихся исторіею Византіи, вообще, и Греко-восточной церкви, въ частности.

Желаемъ почтенному автору дальнѣйшихъ, успѣховъ въ его научныхъ работахъ!

В. Грибовскій.

Что такое „зубояжа“, какъ преступленіе. СПБ.

Настоящая статья нашего талантливаго изслѣдователя въ области права и археологіи — В. М. Грибовскаго, представляетъ собою актовую рѣчь, читанную имъ въ Императорскомъ Археологическомъ институтѣ 8 мая 1905 г. Въ ней авторъ останавливается на одномъ словѣ, одномъ преступленіи, упоминаемомъ въ уставѣ св. Владимира о церковныхъ судахъ. Это слово „зубояжа“, которое до сихъ поръ представляется загадочнымъ несмотря на попытки со стороны многихъ выдающихся русскихъ ученыхъ (Карамзина, Неволіна, а позднѣе В. И. Сергѣевича и М. Ф. Владимирскаго-Буданова) истолковать его. Г. В. Грибовскій, съ своей стороны, дѣлаетъ попытку объясненія этого загадочнаго слова: по его мнѣнію, „зубояжа“ церковнаго устава св. Владимира означала звѣроядину, употребленіе которой въ пищу представлялось съ церковной точки зрѣнія серьезнымъ преступленіемъ. Свою гипотезу г. Грибовскій подтверждаетъ рядомъ весьма любопытныхъ данныхъ.

1) Проф. И. И. Соколову принадлежатъ, между прочимъ, слѣдующія капитальныя работы: „Состояніе монашества въ византійской церкви съ половины IX до начала XIII вѣка“. Казань 1894 г. „О византизмѣ въ церковно-историческомъ отношеніи“. СПБ. 1903. Константинопольская церковь въ XIX в. I. СПБ. 1904 г.

В. М. Грибовскій.

Памятники русскаго законодательства XVIII столѣтія. Выпускъ 1. (Эпоха Петровская). Пособіе при изученіи русскаго права императорскаго періода. Составилъ почетный членъ и преподаватель Императорскаго Археологическаго института, приватъ-доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета. СПБ.

Настоящій сборникъ русскихъ законодательныхъ памятниковъ XVIII столѣтія имѣетъ цѣлью, какъ говоритъ его составитель (стр. I—II), облегчить лицамъ, приступающимъ къ изученію исторіи русскаго права императорскаго періода, непосредственное ознакомленіе съ правоисточниками названной эпохи.

Въ нашей литературѣ для предшествовавшаго времени уже давно имѣется прекрасное соотвѣтствующее пособіе, въ видѣ извѣстной „Христоматіи по исторіи русскаго права“ М. Ф. Владимирскаго-Буданова. Что же касается XVIII и XIX столѣтій, то, къ сожалѣнію, до сихъ поръ, въ отношеніи пособій указаннаго рода, существуетъ ничѣмъ не заполненный пробѣлъ. Пользованіе первымъ собраніемъ законовъ затруднено уже потому, что сборникъ этотъ прежде всего громоздокъ, а затѣмъ самъ по себѣ является книжной рѣдкостью, почти не встрѣчающейся въ частныхъ книгохранилищахъ. То же самое нужно сказать объ отдѣльныхъ изданіяхъ регламентовъ, уставовъ, грамотъ и прочихъ памятниковъ, давно сошедшихъ съ книжнаго рынка. Этотъ пробѣлъ имѣетъ въ виду заполнить составитель настоящаго сборника.

Въ предлагаемомъ первомъ выпускѣ собраны важнѣйшіе акты законодательной дѣятельности Петра Великаго, между прочимъ, воинскій уставъ (стр. 34—99), генеральный регламентъ (стр. 100—137), регламентъ главному магистрату (стр. 138—172), регламентъ или уставъ духовной коллегіи (стр. 173—184), табель о рангахъ (стр. 185—196). Каждый изъ этихъ памятниковъ снабженъ краткимъ историческимъ

введеніемъ, соотвѣтствующими общими литературными указа- ніями, подстрочными примѣчаніями и ссылками на отдѣльныя монографическія работы. Нѣкоторыя введенія составлены изъ отрывковъ специальныхъ соотвѣтственныхъ трудовъ русскихъ ученыхъ. Порядокъ размѣщенія матеріала принять хронологи- ческій; отступленіе допущено только въ пользу предметной группировки указовъ о сенатѣ, гдѣ раздѣленіе ихъ нарушило бы цѣльность представленія о самомъ установленіи.

Въ приложеніяхъ (стр. 205—208) помѣщены справки о порядкѣ производства пытки („обрядъ како обвиняемый пы- тается“) и старинныхъ дѣлахъ объ оскорбленіи Величества; эти справки должны характеризовать наше уголовное матеръ- яльное право и процессъ въ XVIII столѣтіи.

Цѣль, постановленная составителемъ сборника, достигнута вполне.

П. Лапінъ.

Соборъ, какъ высшій органъ церковной власти. Исто- рико-каноническій очеркъ. Казань. 1909. Стр. 577 + VIII.

Обширное изслѣдованіе г. Лапина относится къ весьма интересному вопросу о томъ, кому принадлежала и усвоилась правовымъ сознаніемъ высшая власть во всей единой католи- ческой Церкви на протяженіи всего времени ея существованія, и такіе органы были и признавались носителями этой власти въ „церквахъ помѣстныхъ“ (стр. 5). Вопросъ этотъ въ настоящее время, когда, въ виду предстоящаго созванія по- мѣстнаго собора русской церкви, возникъ горячій споръ о томъ, могутъ ли не епископы — клиры и міряне — войти въ составъ этого собора, получаетъ особую важность.

Соотвѣтственно двойственности поставленнаго выше во- проса, сочиненіе автора естественно распадается на двѣ части: I. О Церкви вселенской и II. О церквахъ помѣстныхъ. Изу- ченіе исторіи, говоритъ онъ, приводитъ къ тому заключенію,

что въ православной церкви касательно высшаго церковнаго управленія всегда признавался соборный принципъ. Но формы выраженія этого принципа какъ во вселенской, такъ и въ помѣстныхъ церквахъ, не всегда были однѣ и тѣ же.

Соотвѣтственно различію формъ выраженія соборнаго принципа, а также и нѣкоторымъ удобствамъ изложенія, каждая изъ названныхъ частей, въ свою очередь, раздѣляется авторомъ на нѣсколько неравныхъ по объему главъ.

„Изученіе дѣяній вселенскихъ соборовъ, говоритъ онъ, приводитъ къ тому убѣжденію, что это право принадлежитъ именно епископамъ; только они были дѣйствительными членами соборовъ, облеченными властью объявлять вѣру и постановлять законы. По сознанію императоровъ, созывавшихъ соборы, помимо епископовъ, никто не можетъ дѣлать постановленій относительно церкви. Самые соборы держались тоже того возрѣнія, что только епископы — полноправные ихъ члены. Соборы называютъ одинъ другого по числу присутствовавшихъ на нихъ епископовъ. Первый соборъ, напр., называется соборомъ 318 (число присутствовавшихъ на немъ епископовъ). Наконецъ, подъ актами соборовъ мы видимъ подписи именно епископовъ. Правда, между епископскими подписями тамъ встрѣчаются подписи и нѣкоторыхъ другихъ клириковъ — пресвитеровъ, діаконовъ и даже чтецовъ, но эти подписи быди сдѣланы ими въ силу епископскаго уполномочія. Конечно, такія лица, не будучи епископами, но являясь на соборѣ представителями своихъ епископовъ, были полноправными соборными членами. Но, понятно, такія лица получали на соборахъ значеніе исключительно въ силу уполномочія со стороны ихъ епископовъ. И клирики — пресвитеры, діаконы, чтецы, — не облеченные представительствомъ со стороны своихъ епископовъ, не были полноправными членами соборовъ. Они являлись на соборы въ качествѣ спутниковъ своихъ епископовъ, имѣя въ виду поучиться на соборахъ урокамъ истины. И если они выступали на соборахъ въ качествѣ дѣйствующихъ лицъ, то голосъ ихъ имѣлъ только

совѣщательное значеніе. Они, правда, иногда оказывали соборамъ важныя услуги. Такъ, въ силу своихъ глубокихъ богословскихъ познаній, вѣкоторыя изъ нихъ разъясняли поставленные на соборахъ вопросы, другіе выполняли на соборахъ обязанности нотаріевъ; но сами по себѣ они не имѣли правъ дѣйствительныхъ членовъ соборовъ. Сказанное о низшихъ клирикахъ, понятно, примѣнимо и къ простымъ мірянамъ. Послѣдніе также не имѣли голоса въ соборныхъ рѣшеніяхъ (стр. 32—34).

Но, какъ извѣстно, на вселенскихъ соборахъ присутствовали еще императоры и ихъ уполномоченные. Возникаетъ вопросъ: какое положеніе занимали они на соборахъ? Исслѣдованіе документовъ, относящихся къ данному вопросу, приводитъ къ тому заключенію, что императоры и ихъ представители на вселенскихъ соборахъ вообще не вмѣшивались въ соборныя дѣла, на правахъ имѣющихъ голосъ въ ихъ рѣшеніи. Дѣятельность ихъ на соборахъ была дисциплинарная и формальная: они охраняли тишину, руководили соборными разсужденіями, направляя ихъ къ рѣшенію тѣхъ вопросовъ, которые вызывали созваніе того или другого собора, и отстраняя тѣ заявленія, которыя не относились къ дѣлу (стр. 34—37).

Книга П. Лапина написана весьма яснымъ языкомъ и представляетъ собою весьма отрадное явленіе въ нашей богословской литературѣ.

Е. В. Пѣтуховъ.

Императорскій Юрьевскій, бывшій Дерптскій, университетъ въ послѣдній періодъ своего столѣтняго существованія (1865—1902). Историческій очеркъ.

Въ концѣ 1902 года, къ столѣтнему юбилею Юрьевского университета, вышелъ въ свѣтъ первый томъ сочиненія профессора этого университета, Е. В. Пѣтухова, подъ заглавіемъ „Императорскій Юрьевскій, бывшій Дерптскій, университетъ

за сто лѣтъ его существованія (1802—1902)“, заключающій въ себѣ обзорніе жизни и дѣятельности университета со времени его возникновенія до 1865 г., при чемъ авторъ главное вниманіе обратилъ на изображеніе внѣшнихъ условій существованія университета и тѣхъ внутреннихъ его сторонъ, которыя выходили за предѣлы учебной и ученой дѣятельности членовъ университетской корпораціи. Впослѣдствіи профессоръ Е. В. Пѣтуховъ напечаталъ второй томъ своего труда, содержащій историческій очеркъ того же учрежденія за третій періодъ, вплоть до его столѣтняго юбилея (1865—1902). Сочиненіе написано, въ общемъ, по тому же плану, какъ и первый томъ.

Описываемый въ настоящемъ сочиненіи періодъ жизни Юрьевского университета представляетъ особый интересъ, между прочимъ, потому, что въ этомъ періодѣ совершилась реформа бывшаго Дерптскаго университета, этого, по словамъ извѣстнаго русскаго публициста и патріота, И. С. Аксакова, „оплота нѣмецкой пришлой стихіи въ Прибалтійской окраинѣ и ея автономнаго исключительнаго положенія въ Русскомъ государствѣ“, этого „мощнаго орудія насильственнаго и искусственнаго онѣмеченія латышей и эстовъ, юридическаго и духовнаго порабощенія громаднаго большинства населенія нѣмецкому малочисленному меньшинству“ („Русь“, 1884 г., № 12, стр. 6).

Уже въ началѣ этого періода въ русскомъ обществѣ и въ русской періодической печати ясно сознавалась необходимость болѣе тѣснаго сближенія съ Россією ея Прибалтійской окраины и неотложность реформы бывшаго Дерптскаго университета. Вотъ что писали по этому поводу въ 1865 г. „С.-Петербургскія Вѣдомости“ (въ передовой статьѣ, № 59): „Съ какой стати имѣтъ намъ въ Россіи нѣмецкій университетъ, когда благодаря облегченію и дешевизнѣ нынѣшнихъ средствъ сообщенія, каждый остзеецъ, желающій учиться въ нѣмецкомъ университетѣ, можетъ отправиться для этого въ Кенигсбергъ, который подъ бокомъ у нихъ, въ Берлинъ? . . . Къ чему

намъ поддерживать теперь, при измѣнившихся обстоятельствахъ, нѣмецкій питомникъ на русской почвѣ? Не лучше ли обратиться ему въ настоящій русскій университетъ?“ Вообще, во второй половинѣ 60-хъ годовъ вопросъ о культурномъ объединеніи Прибалтійскаго края съ Россіей получаетъ въ русской печати значительное оживленіе; дѣятельное участіе въ его обсужденіи съ этой точки зрѣнія принимали почти всѣ выдающіяся тогда періодическія изданія, съ „Московскими Вѣдомостями“ и „Голосомъ“ во главѣ, заодно съ ними подавалъ свой голосъ изъ-за границы въ своихъ „Окраинахъ Россіи“ Ю. О. Самаринъ.

И реформа началась. Въ основу ея положены были двѣ главныя идеи: постепенное введеніе въ университетъ на всѣхъ факультетахъ, кромѣ богословскаго, преподаванія на русскомъ языкѣ и приближеніе учебнаго строя въ университетъ къ тому порядку, выраженіемъ котораго явился общій университетскій уставъ 23 августа 1884 г.; рядомъ съ этимъ шла реформа университета въ административномъ отношеніи, примѣнительно къ тому же общему университетскому уставу. Совершенно справедливо замѣчаетъ профессоръ Пѣтуховъ (на стр. 19), что „говорить объ успѣхахъ или неуспѣхахъ культурно-политической стороны этой реформы представляется весьма труднымъ не только по нѣкоторой деликатности и крайней сложности этого вопроса, но также и вслѣдствіе близости момента начала реформы къ настоящему времени“. Во всякомъ случаѣ, не легкая задача выпала на долю первыхъ русскихъ дѣятелей на Прибалтійской окраинѣ: много трудностей представляло проведеніе въ жизнь университетской реформы, при явно враждебномъ отношеніи къ ней не только тѣсно сплоченной нѣмецкой партіи, но и тѣхъ русскихъ по происхожденію людей, которые держали сторону этой партіи, при крайней скудости матеріальныхъ средствъ, при постоянномъ колебаніи въ проведеніи реформы нашего правительства, о дѣйствіяхъ котораго другой русскій патріотъ Ю. О. Самаринъ въ своихъ „Окраинахъ Россіи“ выразился такъ: „твердой инициативы

со стороны правительства не видно ни въ чемъ, и теперешняя его программа дѣйствій, буде таковая имѣется, новидимому, заключается въ систематическомъ воздержаніи отъ всякаго серьезнаго дѣйствія“. Имена М. Н. Капустина, Н. А. Лавровскаго, А. С. Будиловича . . . не будутъ забыты всеми истинно русскими людьми!

Особенно интересны тѣ страницы книги профессора Е. В. Пѣтухова, которыя посвящены имъ описанію студенческой жизни съ ея неизбѣжными кутежами, дуэлями и даже драками; въ этомъ отношеніи юрьевское студенчество въ настоящемъ періодѣ было въ общемъ тоже самое, какъ и раньше. Между прочимъ, весьма любопытно, что студенты двухъ существующихъ въ Юрьевѣ высшихъ учебныхъ заведеній — университета и ветеринарнаго института, не ладили между собою: такъ, въ ночь съ 3 на 4 сентября 1878 г., между студентами Юрьевского университета, съ одной стороны, и студентами Юрьевского ветеринарнаго института, съ другой, произошло цѣлое побоище, въ которомъ участвовало около 100 человѣкъ, и которое продолжалось цѣлые три часа; подобныя ссоры между тѣми и другими происходили и въ позднѣйшее время.

Весьма обстоятельныя и интересныя свѣдѣнія сообщаетъ авторъ относительно организаціи фѣрейновъ и корпорацій, вліяніе коихъ не ограничивалось стѣнами университета, но отражалось въ значительной мѣрѣ на всемъ строѣ общественной жизни въ Прибалтійскихъ губерніяхъ.

Взаимныхъ отношеній профессоръ между собою авторъ касается лишь вскользь, такъ какъ, говоритъ онъ, „описываемое время такъ къ намъ близко, что о многомъ говорить фактически пока не удобно“.

Хотя съ наступленіемъ реформы прежнія университетскія партіи — иностранцевъ и мѣстныхъ балтовъ — начали постепенно ослабѣвать, но это обстоятельство, говоритъ профессоръ Пѣтуховъ, не устранило причины внутреннихъ несогласій въ профессорской средѣ: на смѣну прежнимъ причинамъ явились другія. Въ новомъ, весьма разнообразномъ, составѣ профес-

сорской коллегіи оказались налицо, рядомъ съ иностранцами и мѣстными балтами, еще нѣсколько группъ русскихъ, изъ которыхъ одни стояли за реформу не только въ принципѣ, но и въ чуждыхъ всякой уступчивости формахъ ея проведенія; другіе сочувствовали реформѣ по мысли, но желали чтобы она проведена была съ большими уступками старинѣ; иные, наконецъ, и вообще реформѣ не сочувствовали, видя въ ней политическую ошибку. Все это создавало большое разнообразіе въ оттѣнкахъ отношеній отдѣльныхъ членовъ профессорской коллегіи къ процессу реформы и вообще къ фактамъ университетской жизни. Многое мѣрилось на мѣрку общерусскихъ отношеній и примѣнялось къ юрьевскимъ университетскимъ событіямъ съ горячностью и упорствомъ, создававшими прискорбныя разногласія и конфликты; явились теченія „консервативное“ и „либеральное“, которыхъ ни названіе, ни установившійся въ общерусскихъ условіяхъ смыслъ не соотвѣтствовали очень часто сути дѣла въ ихъ новомъ приложеніи: выходило, что „консерваторы“ именно желали замѣны старыхъ порядковъ новыми, „либералы“ стояли за старину, но „дерптскую“, въ которой оказывались точки соприкосновенія съ желаемой новизной въ Россіи. Сторонники прежнихъ партій — иностранцевъ и балтовъ — не всегда сразу находили мѣсто въ этой новой борьбѣ русскихъ по происхожденію элементовъ; и если присоединить къ этому неизбежную въ такихъ условіяхъ дисгармонію нѣкоторыхъ элементовъ нъ чисто личной или полуличной почвѣ и извѣстное неумѣнье русскихъ людей къ взаимнымъ уступкамъ для веденія одного общаго дѣла, то въ итогъ получалась очень тяжелая атмосфера жизни въ университетѣ, влиявшая въ той или другой мѣрѣ не только на личное самочувствіе, но и на служебную дѣятельность и на научную продуктивность.

Книга профессора Е. В. Пѣтухова не даетъ, конечно, полнаго описанія всѣхъ сторонъ жизни Юрьевскаго университета; на это не претендуетъ и самъ авторъ, назвавшій свое сочиненіе историческимъ очеркомъ. Однако мы должны быть

благодарны ему за его книгу. представляющую собою первый трудъ по исторіи Императорскаго Юрьевскаго, бывшаго Дерптскаго, университета, — трудъ, касающійся если не всѣхъ, то многихъ, сторонъ жизни этого университета. Почтенному автору навсегда принадлежитъ право на созданіе первой тропинки въ этой, до сихъ поръ не тронутой, области. Будущіе изслѣдователи, которые пожелаютъ трудиться на томъ же пути, не могутъ оставить безъ вниманія и изученія работы почтеннаго автора.

Владимиръ Бобровъ.

„Русскія народныя сказки о животныхъ“. Изслѣдованіе. Варшава. 1909. Стр. I—II + 151.

Между прочими трудами безвременно скончавшагося, талантливаго молодого ученаго В. А. Боброва настоящій трудъ заслуживаетъ особаго вниманія. Здѣсь г. Бобровъ задался цѣлью представить подробное обзорѣніе всѣхъ, по возможности, наилучше сохранившихся русскихъ народныхъ сказокъ о животныхъ, съ точки зрѣнія ихъ древности и самобытности, или заимствованности. Единственнымъ трудомъ по данному вопросу является диссертация Л. З. Колмачевскаго: „Животный эпосъ на Западѣ и у славянъ“ (Казань, 1882). Пользуясь тѣмъ же самымъ матеріаломъ, которымъ пользовался Колмачевскій, нашъ авторъ пришелъ, однако, къ заключеніямъ, совершенно противоположнымъ г. Колмачевскому. Вопреки послѣднему, онъ доказываетъ, что „заимственность русскихъ сказокъ оказалась весьма проблематичною; многія сказки свидѣтельствуютъ о своемъ происхожденіи отъ отдаленной древности; другія, хотя и не древняго происхожденія, развились самобытно на русской почвѣ“. По мнѣнію г. Боброва, „самобытность русскихъ животныхъ сказокъ остается непоколебленною, а самыя эти сказки надобно считать драгоцѣнною частью наслѣдія народной поэзіи“. Въ заключеніе авторъ высказы-

ваетъ горячее пожеланіе, чтобы вопросъ о самобытности русскихъ животныхъ сказокъ былъ разсмотрѣнъ еще разъ болѣе обстоятельно, чтобы за этотъ вопросъ опять взялся специалистъ по всемірной литературѣ, по сравнительному фольклору, вооруженный такою же эрудиціей, какъ и Леонардъ Колмачевскій, но съ большимъ критическимъ чутьемъ, цѣнящій свою родную русскую народную словесность и чуждый литературныхъ предвзятыхъ теорій (стр. 151).

Проф. М. Красноженъ.

Къ вопросу о свободномъ воспитаніи¹⁾.

Во второмъ выпускѣ 1908 года „Библиотеки Свободнаго воспитанія и образованія“ вышелъ въ свѣтъ 2-ымъ изданіемъ, подъ редакціей И. Горбунова-Посадова, переводъ на русскій языкъ сочиненія француза П. Лакомба: „Воспитаніе, основанное на психологіи ребенка“. Этотъ трудъ представляетъ собою небольшую по объему (всего 55 страницъ), но весьма содержательную и интересную книгу. Авторъ сумѣлъ кратко, но живо, хотя и односторонне, но съ глубокимъ чутьемъ истины изложить въ ней программу „образованія“ въ самомъ широкомъ значеніи этого понятія, преслѣдующую равномерное развитіе въ человѣкѣ какъ способности къ самостоятельной критической оцѣнкѣ окружающихъ его предметовъ и явленій, такъ и твердой, стойкой воли, тѣсно связанной съ высшими нравственными чувствами, лежащими въ основѣ правильного человѣческаго общежитія.

Авторъ останавливается на воспитаніи дѣтей и юношей въ возрастѣ отъ 7 до 18 лѣтъ. Приступая къ своему труду, онъ спрашиваетъ: „Какова цѣль воспитанія разумнаго и чуждаго произвола?“ По его глубокому убѣжденію, воспитатель всегда долженъ имѣть въ своемъ умѣ одну цѣль: работать изъ даннаго ему юнаго матеріала такое существо, которое бы способно было выполнять въ дальнѣйшемъ присутствующую ему обязанность — быть человѣкомъ. „Воспитаніе“, говоритъ Лакомбъ, „должно дать (ребенку) возможность испол-

1) Напечатано подъ редакціей профессора Н. К. Грунскаго.

нить свое назначеніе съ наибольшимъ счастьемъ для себя и съ наибольшей пользой для другихъ“. Иначе говоря, — цѣль воспитанія — „сдѣлать ребенка способнымъ выполнить“ слѣдующія „довольно многочисленныя и, какъ извѣстно, не особенно легкія условія: 1) приобрѣтеніе достаточнаго знакомства съ той естественной и соціальной средой, гдѣ придется жить и дѣйствовать; 2) приобрѣтеніе привычки строго критическаго ко всему отношенія, т.-е. привычки къ научному мышленію; 3) развитіе самостоятельности, инициативы и общественныхъ чувствъ, т.-е. справедливости, симпатіи, состраданія“. Если мы будемъ имѣть въ виду столь серіозное назначеніе чловѣка, то воспитаніе, по мнѣнію автора, должно будетъ сводиться къ ознакомленію ребенка съ окружающей его обстановкой въ самыхъ общихъ чертахъ. Познавательная способность чловѣка ограничена; къ тому же и времени въ нашемъ распоряженіи очень мало, — слѣдовательно — мы должны сообщать дѣтямъ только самое необходимое, чтò способно прежде всего упражнять ихъ умственные силы, развивая въ нихъ необходимыя для каждаго чловѣка во всякой спеціальности способности: наблюденіе, размышленіе, сужденіе и разумъ. „Вотъ наша задача, какъ педагоговъ“, говоритъ Лакомбъ, „— отсюда вытекаетъ методъ, о которомъ я буду говорить“.

Политики и педагоги прошлыхъ временъ, по мнѣнію Лакомба, имѣли между собою поразительное сходство въ томъ, что первые старались управлять людьми „посредствомъ силы“, вторые же — воспитывать „посредствомъ принужденія“. Но „имѣемъ ли мы право опираться на чувство страха, полагая наказанія за лѣнь, невниманіе, невыученные уроки“, спрашиваетъ авторъ. „Видѣлъ ли кто-нибудь, чтобы лѣнивые и небрежные ученики становились прилежными, благодаря взысканіямъ“, продолжаетъ онъ далѣе. Самъ Лакомбъ лично наблюдалъ какъ-разъ обратные примѣры и полагаетъ, „что припудительныя мѣры не только безсильны въ борьбѣ съ дурными наклонностями, но мѣшаютъ часто проявленію хорошихъ“.

Внося припудительный элементъ въ дѣло образованія,

мы рискуемъ, по его мнѣнію, подорвать любознательность въ корнѣ и обречь себя на дальнѣйшее и постоянное примѣненіе насилія, какъ единственнаго средства воздѣйствія, и остаться только при одномъ этомъ принудительномъ элементѣ“.

Лакомбъ говоритъ: „Свобода дѣтей освѣщаетъ путь учителю“. Какія же средства въ этомъ отношеніи имѣются въ распоряженіи учителя? Слѣдуя за авторомъ, мы должны назвать ихъ средствами природными, естественными, коренящимися въ основаніи природы ребенка. Эти средства слѣдующія: 1) любознательность и 2) подражательность, „на которую“, говоритъ авторъ, „только недавно стали обращать должное вниманіе“, между тѣмъ какъ „ребенокъ въ высней степени подверженъ такого сорта заразѣ, чего не слѣдовало бы забывать“. Эти психологическіе двигатели, играющіе столь важную роль при обученіи, ясно опредѣляютъ, „чему надо и чему не надо учить“. Равнымъ образомъ и предлагаемыя знанія показываютъ, какія именно силы и способности они въ состояніи вызвать наружу. Значитъ, существуютъ полная связь и даже соотвѣтствіе между природными, психическими, двигателями и образовательнымъ матеріаломъ.

Поэтому Лакомбъ, категорически отказываясь начинать обученіе съ того, съ чего его обыкновенно начинаютъ, задаетъ себѣ вопросъ: „Какого рода знанія прежде всего идутъ навстрѣчу любознательности, которую особенно надо цѣнить и всячески поддерживать?“ Авторъ убѣжденъ, что „то будутъ знанія, касающіяся непосредственно окружающей ребенка среды“. Дѣти на каждомъ шагѣ спрашиваютъ себя и другихъ: „Что это такое?“ „Что значитъ это?“ и т. д. И учитель каждый разъ долженъ заинтересовать ребенка „не только предметомъ, но и умѣлымъ преподаваніемъ, и приспособиться къ нему такъ, чтобы самому стать до нѣкоторой степени ребенкомъ. Обученіе же, „вытекающее изъ нанихъ собственныхъ желаній и не обращающее ни малѣйшаго вниманія на дѣтскую природу“, авторъ предлагаетъ замѣнить „обученіемъ, которое исходило бы изъ наблюденій надъ этой именно

природой“. Умъ ребенка требуетъ столь же живой дѣятельности, какъ и тѣло. Можемъ ли мы уступить этому требованію и предоставить ребенку необходимую для него свободу умственной дѣятельности? Лакомбъ, не колеблясь, говоритъ: „Да“. У насъ подъ руками масса самыхъ обыденныхъ предметовъ, которыми мы свободно можетъ пользоваться для удовлетворенія любознательности ученика. Только не слѣдуетъ надождать ему излишнимъ рвеніемъ въ объясненіи, чтобы быстро не утомить его вниманія и не лишить его интереса къ разбираемому предмету. Авторъ намѣчаетъ даже такой порядокъ въ ежедневныхъ занятіяхъ, по крайней мѣрѣ, съ учениками до 10-ти-лѣтняго возраста. „Мнѣ кажется“, говоритъ онъ, „что данный предметъ, который я предлагаю вниманію ребенка, долженъ его заинтересовать. Но вдругъ выходитъ, что этотъ предметъ рѣшительно не затрогиваетъ его любознательности и нисколько его не интересуется. Отсюда я дѣлаю выводъ, что я представилъ предметъ съ той стороны, которая вовсе не подходила къ умственному настроенію ребенка въ данную минуту. Но я знаю, во-первыхъ, что, благодаря присущей ему живости, онъ завтра же можетъ заинтересоваться тѣмъ, къ чему нынче оказался равнодушенъ, а вторыхъ, я самъ могу попытаться обратить его вниманіе на другую сторону предмета и тѣмъ вызвать къ нему интересъ“.

Лакомбъ признаетъ, конечно, исключительно наглядное преподаваніе. Учитель не долженъ при занятіяхъ съ дѣтьми повелительно говорить: „смотрите на такой-то предметъ“ или спрашивать ихъ съ особымъ надменнымъ видомъ. Нѣтъ, онъ долженъ просто начать разсматривать какой-либо предметъ. Если къ нему подойдетъ кто-нибудь изъ учениковъ и задастъ вопросъ, — онъ объяснитъ ему, но въ самыхъ краткихъ словахъ: вниманіе ребенка непродолжительно, оно быстро переходитъ съ одного предмета на другой, и длинная рѣчь только притупитъ его мысль, сдѣлавъ для нея рассказъ безынтереснымъ. Можетъ случиться, что никто изъ дѣтей сразу не заинтересуется предметомъ, находящимся въ рукахъ учителя

(кусомъ гранита, цвѣткомъ, опилками и др.). Тогда учитель можетъ прибѣгнуть къ такому приему: онъ беретъ какой-либо предметъ, вертитъ его въ рукахъ, разсматриваетъ съ различныхъ сторонъ и разговариваетъ самъ съ собою: . . . „Какое красивое дерево“ . . . „Сколько пользы приноситъ дерево человѣку!“ . . . и т. п. Можетъ онъ только разсуждать о чемъ-н., если предмета нѣтъ подъ руками. Авторъ увѣренъ, что кто-нибудь изъ дѣтей обязательно послѣдуетъ примѣру учителя. Но допустимъ, что всѣ дѣти отнесутся пассивно къ его словамъ и дѣйствіямъ. Какъ поступить въ такомъ случаѣ? По мнѣнію Лакомба, огорчаться этимъ не слѣдуетъ, такъ какъ кто-нибудь изъ дѣтей впоследствии всиомнитъ кое-что изъ сказаннаго и начнетъ разспрашивать своего учителя по этому поводу¹⁾).

1) Примѣчаніе. Не безынтересно противопоставить мыслямъ г. Лакомба сужденія другого французскаго педагога Ж. Эльсландера. Послѣдній въ своемъ сочиненіи „Новая школа“ (выпускъ двадцать второй 1908 г, библіотеки „свободнаго воспитанія и образованія“) тоже кладетъ въ основу школьнаго воспитанія „полную свободу, полное самоопредѣленіе“ ребенка. Но этотъ непосредственный, практическій, принципъ воспитанія Эльсландеръ выводитъ изъ иного взгляда на идею дѣтства. Онъ исходитъ, если не изъ искусственнаго, то, во всякомъ случаѣ, изъ рискованнаго сравненія, уподобляя первоначальную природу ребенка состоянію первобытнаго человѣка, „Отсюда единственный вопросъ, который ставится педагогич., таковъ: . . . Какъ поможемъ ему (ребенку) изъ маленькаго дикаря превратиться въ современнаго человѣка, члена общества?“ — „Слѣдуя нашей теоріи“, отвѣчаетъ самъ же авторъ, „мы обратимся для этого къ исторіи человѣческой эволюціи. Она учитъ насъ, что напряженіе человѣческой энергіи обуславливается исключительно потребностью сохраненія и усовершенствованія особи и вида въ борьбѣ съ окружающими силами, что эта потребность мало-по-малу вела къ созиданію организованнаго труда и въ процессѣ этого созиданія человѣкъ постепенно пріобрѣталъ всѣ тѣ познанія, которыя составляли его силу. Такимъ образомъ мы узнаемъ, что воспитаніе должно совершаться посредствомъ труда, который давалъ бы поводъ къ сжатому обзору всей человѣческой дѣятельности, и ребенокъ на протяженіи этого обзора могъ бы освоиться со значеніями, логически изъ него вытекающими . . . Поводомъ къ труду служить не игра, а потребность“. Далѣе Эльсландеръ разсуждаетъ о тѣхъ видахъ труда и дѣятельности, которые должны быть введены и поставлены на первый планъ въ школѣ, при условіи необходимаго

Впрочемъ, Лакомбъ не отрицаетъ полезности формальнаго образованія. Онъ совѣтуетъ упражнять дѣтей, напр., въ рисованіи. Его удивляетъ тотъ фактъ, что въ гимназіяхъ изучаютъ съ особенной тщательностью Саллюстія и Тита Ливія, размышленія коихъ полезны юношамъ, „какъ бифштексъ новорожденному ребенку“, — и нисколько не заботятся о развитіи у этихъ юношей зрительныхъ способностей. „Потому-то“ говоритъ Лакомбъ, „мы постоянно встрѣчаемъ людей, совершенно неспособныхъ дать точное описаніе какого-нибудь конкретнаго предмета“. Эти плохіе невнимательные наблюдатели непригодны для науки и многихъ другихъ родовъ дѣятельности. — Слѣдуя своему принципу, авторъ совѣтуетъ предоставить дѣтямъ полную самостоятельность въ занятіяхъ по рисованію. Кто чѣмъ заинтересуется, тотъ пусть то и рисуетъ. Особенно полезнымъ признаетъ онъ рисованіе по памяти.

Подобный иріемъ преподаванія Лакомбъ совѣтуетъ при мѣнять и при обученіи музыкѣ. Ребенокъ учитъ ту пѣсню, которая ему нравится, — при чемъ учитель обязанъ безпрекословно повторять ему ея мотивъ, сколько бы разъ это ни потребовалось.

Къ занятіямъ музыкою авторъ присоединяетъ упражненія въ декламированіи стихотвореній, рассказовъ и проч. Здѣсь „учить придется опять-таки при помощи органа слуха“, для чего „понадобится большое количество повтореній“.

помѣщенія ея „въ деревнѣ, на хуторѣ, съ его деревенскими работами и всевозможными ремесленными мастерскими“. Здѣсь — именно трудъ и разнаго рода дѣятельность дѣтей сыграютъ для нихъ весьма важную роль въ приобрѣтеніи практическихъ знаній, которыя будутъ восприниматься ими „какъ нѣчто жизненно необходимое, и не въ видѣ сухихъ и мертвыхъ уроковъ“. Итакъ, имѣя въ виду любознательность дѣтей, какъ внутренній мотивъ къ расширенію ихъ общаго кругозора, Эльсландеръ подчеркиваетъ, однако, особенное значеніе труда и внѣшней дѣятельности вообще въ дѣлѣ формированія физическаго, умственнаго и нравственнаго организма ученика. Это — главный принципъ, который онъ старается защитить, развивая соотвѣтствующимъ образомъ всю программу шкельнаго образованія.

Въ области ариѳметики Лакомбъ, оставаясь вѣрнымъ своему принципу, совѣтуетъ дать почувствовать ребенку пользу этого занятія. Онъ признаетъ необходимымъ начинать обученіе численію посредствомъ самыхъ наглядныхъ примѣровъ.

Къ чтенію и письму слѣдуетъ приступать, значительно позже — по слѣдующимъ причинамъ. Дѣти становятся старше, слѣдовательно — сильнѣе волею и терпѣніемъ. Примѣръ учителя, увлекательно читающаго интересные рассказы, разовьетъ въ нихъ желаніе самимъ научиться читать также. Занятія рисованіемъ развиваютъ въ дѣтяхъ вѣрность глаза и укрѣпляютъ руку, — что такъ необходимо для письма. Наконецъ, музыка и декламація способствуютъ развитію ихъ слуха, — что поможетъ имъ быстрѣ схватывать сочетанія гласныхъ и согласныхъ звуковъ. Авторъ не ошибается, предполагая, что дѣти не всѣ вдругъ захотятъ учиться читать; но онъ увѣренъ, что въ скоромъ времени явится охотникъ, за которымъ послѣдуютъ другіе ученики, — и дѣло быстро пойдетъ на ладъ. Во всякомъ случаѣ, принужденіе здѣсь не должно имѣть мѣста.

Посвящая сравнительно много мѣста вопросу объ орѳографіи, Лакомбъ придаетъ въ этой области особенное значеніе декламаціи, какъ средству къ быстрому и прочному усвоенію правилъ правописанія, въ противоположность скучнымъ и надоедливымъ, по его мнѣнію, даже едва-ли цѣлесообразнымъ диктантамъ. Авторъ находитъ болѣе полезнымъ для ученика, на ряду съ декламаціей „предложить“ ему завести тетрадь лишь для записи содержанія прочитываемыхъ рассказовъ и стихотвореній, даже того, что ему понравится въ стихахъ или прозѣ.

Все сказанное Лакомбъ относитъ къ программѣ обученія дѣтей въ теченіе первыхъ трехъ-четырехъ лѣтъ пребыванія ихъ въ школѣ, полагая, что любознательность дѣтей, достигшихъ десяти-одиннадцати-лѣтняго возраста, сдѣлается устойчивѣе, и они будутъ способны остановиться на одномъ предметѣ на болѣе продолжительное время. Эти дѣти должны

будутъ перейти изъ низшихъ классовъ въ средніе. Но переходъ ихъ будетъ совершаться не массою и въ опредѣленный (экзаменаціонный) срокъ, а каждый мальчикъ переходитъ лишь тогда, когда станетъ ясно, что онъ способенъ уже воспринимать знанія въ болѣе связномъ и стройномъ планѣ.

Останавливаясь на способѣ преподаванія каждаго отдѣльнаго предмета въ остальныхъ классахъ гимназій, Лакомбъ настойчиво проводитъ всюду тотъ же принципъ свободнаго обученія, удовлетворенія любознательности дѣтей и отсутствія принужденія надъ ихъ волею.

Авторъ начинаетъ съ естествознанія. Въ этой области онъ не устанавливаетъ никакихъ новыхъ приѣмовъ и лишь подробно развиваетъ способъ обученія, который, хотя и не во всей полнотѣ, уже давно практикуется многими разумными учителями. Это — стремленіе преподавателя посредствомъ простыхъ, наглядныхъ опытовъ и наблюденій привести ученика къ желательному самостоятельному заключенію.

Занятія по такому методу, безусловно, интересны для дѣтей, да и полученные результаты лучше запоминаются. Къ тому же они и педагогическимъ образомъ могутъ оказывать на нихъ вліяніе, если, при встрѣчѣ со всевозможными затрудненіями на пути опыта, дѣти будутъ освѣдомляемы о тѣхъ затрудненіяхъ, которыя природа ставитъ каждому ученому, приступающему къ дѣлу съ большою подготовкою и наиряженнымъ вниманіемъ.

Въ дѣлѣ умственнаго развитія Лакомбъ придаетъ весьма большое значеніе гуманитарнымъ наукамъ, знакомящимъ юношей съ духомъ и характеромъ челоѣка въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Въ этомъ отношеніи на первомъ мѣстѣ должно стоять чтеніе біографій, которыя дадутъ знакомство съ различными проявленіями сильной воли и ума. Но не мѣшаетъ юношамъ ознакомиться и съ типами низкихъ характеровъ. Здѣсь окажетъ большую помощь литература. Только слѣдуетъ вести занятія въ этой области не догматически, пристегивая, такъ сказать, живыя словесныя произведенія къ

мертвымъ языкамъ, а посредствомъ живого чтенія въ классѣ хотя бы переведенныхъ авторовъ новаго времени и даже античнаго міра.

Что касается исторіи, то Лакомбъ сильно вооружается противъ стремленія учителей (обязанныхъ, конечно, программю) начинать головы дѣтей перечисленіемъ хронологическихъ датъ, точными названіями лицъ, событій, хронологіей договоровъ, сраженій и пр. „Все это“, говоритъ онъ, „служить упражненіемъ памяти, пожалуй даже излишнимъ, но гдѣ же тутъ упражненіе умственныхъ способностей?“ Съ одной стороны, ученикъ, по мнѣнію автора, пассивно воспринимаетъ сужденія учителя, не извлекая для дальнѣйшей жизни ни малѣйшей пользы; съ другой стороны — онъ механически заучиваетъ эти мелочныя даты, — что также не можетъ быть ему особенно полезно. Между тѣмъ, по мнѣнію автора, исторіей можно пользоваться съ большою выгодною. Подобно литературѣ, исторія дѣйствуетъ на дѣтскую душу, развивая въ ней чувство симпатіи. Но для достиженія этого необходимо идти навстрѣчу дѣтской любознательности. Мы имѣемъ подъ руками массу разнообразныхъ памятниковъ старины. Наше дѣло — заинтересовать ими ребенка. Но какимъ образомъ? Лакомбъ предписываетъ учителямъ въ этомъ случаѣ тотъ же самый пріемъ обученія, которому онъ слѣдуетъ при преподаваніи естественныхъ наукъ и вообще при сообщеніи дѣтямъ какихъ-либо знаній изъ области окружающихъ насъ предметовъ и явленій. Авторъ не отрицаетъ безсвязности и даже нѣкоторой беспорядочности своей системы; но онъ увѣренъ въ томъ, что его преподаваніе составитъ въ душѣ учениковъ представленіе объ исторіи, какъ о предметѣ интересномъ.

„Географія“, говоритъ Лакомбъ, „имѣетъ такое же отношеніе къ пространству, какое исторія ко времени“. Поэтому исторія и географія, по его мнѣнію, имѣютъ между собою весьма тѣсную связь. Слѣдовательно — и географію можно преподавать по примѣру обученія исторіи и въ тѣсной связи съ нею. Нѣтъ необходимости зазубривать по порядку всѣ

острова, полуострова, перешейки, мысы и т. д. Географія должна лишь служить „рамкой для всевозможныхъ сценъ, возбудившихъ дѣтскую любознательность“.

Вообще для преподаванія исторіи и географіи авторъ совѣтуетъ украшать стѣны класса живописными картинами и снабдить библіотеку множествомъ рисунковъ и фотографій. „Это“, говоритъ онъ, „должно заинтересовать дѣтей и вызвать съ ихъ стороны вопросы, требующіе объясненій, а объясненія поведутъ къ чтенію“.

Слѣдуя своему основному принципу свободнаго обученія дѣтей и ставя цѣлью образованія — развитіе въ умахъ вступающихъ въ самостоятельную жизнь юношей способности критически, разумно оцѣнивать различные предметы и явленія окружающей ихъ среды, — Лакомбъ требуетъ, чтобы въ школахъ дѣтямъ и юношамъ не только сообщались точныя знанія въ естественныхъ и гуманитарныхъ наукахъ, но главнымъ образомъ раскрывались предъ ихъ широкой любознательностью разнообразныя пути, которыми тотъ или иной ученый пришелъ къ извѣстному выводу, взгляду и убѣжденію. Но и здѣсь необходимо предоставить какъ можно больше мѣста самостоятельности ученика. вмѣсто догматическаго изложенія выводовъ, до которыхъ дошли цѣлыя поколѣнія историковъ, — мы должны будемъ указать ему на какое-либо выдающееся сочиненіе (предположимъ, Сеньбоса и Ланглуа) и, при чтеніи имъ книги, будемъ лишь руководить.

Языки — древніе и въ особенности новые — авторъ какъ бы изгоняетъ изъ средней школы, такъ какъ они, отнимая у учениковъ массу времени, по признанію многихъ, имѣютъ самое ничтожное значеніе для умственной дѣятельности. „Та огромная польза“, говоритъ онъ, „которую можно извлечь изъ знакомства съ живымъ (даже) языкомъ, заключается не въ процесѣ его изученія, но въ томъ употребленіи, которое мы впоследствии изъ него дѣлаемъ“. Въ виду этого Лакомбъ находитъ, что, по крайней мѣрѣ, новые языки должны служить предметомъ спеціальнаго образованія. Что же касается древ-

нихъ языковъ, то онъ совѣтуетъ — въ угоду безынтереснымъ и непонятнымъ для учениковъ красотамъ прошлаго міра — не умалять достоинствъ настоящаго.

Указавъ общія основанія и частныя приемы преподаванія предметовъ во всѣхъ классахъ средней школы, Лакомбъ, оставаясь вѣрнымъ своему принципу, предлагаетъ распредѣлять занятія такимъ образомъ, чтобы каждый ученикъ свободно занимался тѣмъ, что его интересуетъ. Въ опредѣленный часъ занятія будутъ идти по нѣсколькимъ предметамъ, и ученикъ самостоятельно выбираетъ себѣ тотъ или иной изъ нихъ. „Такой порядокъ необходимъ и для учителей, такъ какъ нельзя требовать, чтобы они отдавали школѣ все свое время“. — Нельзя не замѣтить здѣсь того противорѣчія, въ которое сознательно впадаетъ Лакомбъ, какъ бы на моментъ отступая отъ своего главнаго принципа. „Единственный принудительный элементъ отрицательнаго характера“, говоритъ онъ, „заключается въ томъ, что они (т. е. ученики) могутъ играть только въ опредѣленное время“. Въ часы, назначенныя для занятій, ребенокъ обязанъ чѣмъ-либо заниматься. Если онъ не желаетъ принимать участіе въ бесѣдахъ, которыя ведутся въ извѣстный часъ, то онъ можетъ заняться музыкой, рисованіемъ или даже отправиться въ бібліотеку, — словомъ — онъ долженъ заниматься чѣмъ-нибудь серьезнымъ, но не играть тогда, когда ему это желательно.

Авторъ далѣе продолжаетъ: „Я предлагаю не только учить ребенка лишь тому, чему онъ самъ хочетъ учиться, но непременно учить его всему, что онъ желаетъ знать“. Очень часто бываетъ, что ребенокъ интересуется техническимъ искусствомъ. По мнѣнію автора, слѣдуетъ непременно удовлетворить этотъ запросъ ученика. Допустимъ, ребенокъ желаетъ знать, какъ переплетаются книги. Развѣ нельзя войти въ соглашеніе съ переплетчикомъ, который могъ бы удовлетворить это желаніе даже нагляднымъ образомъ?

Лакомбъ глубоко вѣритъ въ силу дѣтской подражательности и убѣжденъ въ томъ, что для 20-ти дѣтей „понадобится

лишь отъ 4-хъ до 5-ти руководителей, если не меньше“. Къ тому же должна значительно упроститься и роль этихъ руководителей. „Въ сущности“, по словамъ автора, „вся работа учителя должна бы ограничиваться разъясненіемъ темныхъ и непонятныхъ ученику мѣстъ той или иной книги“.

Предлагаемый методъ преподаванія, по мнѣнію Лакомба, не только можетъ всесторонне развивать умъ юноши, дѣлая послѣдняго способнымъ къ разумной оцѣнкѣ явленій жизни, но усиливаетъ въ немъ также волю, давая ему возможность ясно опредѣлять себѣ путь къ достигаемой цѣли, и оказываетъ огромное вліяніе на воспитаніе его характера, порождая и воспитывая въ немъ высшія общественныя чувства — справедливости и симпатіи.

Кромѣ того, для воспитанія въ ребенкѣ твердой воли, авторъ требуетъ давать какъ можно больше мѣста въ школьной жизни дѣтей физическимъ упражненіямъ, пріучая ихъ (дѣтей) въ то же время къ ручному труду. Послѣдній „вноситъ равновѣсіе въ нашу нервную систему и благотворно дѣйствуетъ на весь организмъ; поддерживаетъ довѣріе къ своимъ силамъ и бодрый взглядъ на будущее, и помогаетъ ребенку хоть отчасти освободиться отъ предубѣжденія, до сихъ поръ тяготящаго“ надъ занятіемъ ремеслами въ школахъ.

Въ виду правильнаго образованія характера въ ребенкѣ, Лакомбъ рѣшительно отрицаетъ даже какую-нибудь полезность нравоученій и совѣтуетъ, взамѣнъ послѣднихъ, прибѣгать къ великой силѣ воздѣйствія иримѣромъ. „Нравоученіе обдаетъ холодомъ, примѣръ воспламеняетъ“, говоритъ онъ, „потому что первое является въ видѣ отвлеченной идеи, а второй исходитъ отъ живого и дѣятельнаго человѣческаго существа, къ которому мы проникаемся любовію и благоговѣніемъ“. Разсужденія учителя съ дѣтьми по поводу прочитанныхъ біографій, литературныхъ статей и прочаго словеснаго матеріала окажутъ тоже большую услугу въ этомъ дѣлѣ.

Авторъ слѣдующими словами заканчиваетъ свое сочиненіе: „Признаюсь, я не вижу иныхъ средствъ, которыми могла

бы воспользоваться школа въ цѣляхъ нравственнаго воздѣйствія на своихъ питомцевъ. Но зато я отлично вижу, что современная школа не дѣлаетъ ровно ничего для нравственнаго воспитанія вѣрннхъ ей дѣтей!“

Пунктуально слѣдуя за авторомъ, разбирая приведенныя его сужденія, — мы въ состояннн будемъ придти къ иному выводу, который, надѣюсь, внесетъ свою долю истины въ сумму преннн и доказательствъ, увлекающихъ многіе умы, отзывчивые къ современной коренной и неотложной потребности просвѣщенныхъ націй въ измѣненнн основныхъ началъ и улучшеннн методическихъ прнемовъ воспитательно - учебнаго дѣла въ низшихъ и среднихъ школахъ.

Я вполне согласенъ съ г. Лакомбомъ въ томъ, что традиція — если не единственный, то, во всякомъ злучаѣ, главный — виновникъ весьма многихъ отрицательныхъ и въ высшей степени нежелательныхъ явленнн въ современной постановкѣ школьнаго образованія и воспитанія. И намъ, будущимъ учителямъ, прежде чѣмъ приниматься за свою профессію, слѣдуетъ серіозно обдумать и болѣе или менѣе увѣренно ориентироваться въ личномъ пониманнн и рѣшеннн поставленнаго авторомъ вопроса: „Чему ребенокъ способенъ научиться?“ Это — важный вопросъ: онъ непосредственно вытекаетъ изъ наблюденнн надъ дѣтскою природою. Природа ребенка требуетъ внимательнаго къ ней приспособленія.

Однако, соглашаясь съ г. Лакомбомъ въ этомъ основномъ положеннн, я не могу признать всецѣло заслуживающими уваженія прочіе принципы предлагаемой имъ системы, — именно: тѣ принципы, которые, согласно его крайней логикѣ, являются прямымъ результатомъ его разсужденія о дѣтяхъ, какъ о средѣ, не поддающейся точному изслѣдованнн и насильственному ограниченнн формальными рамками существующихъ программъ. Признавая вмѣстѣ съ авторомъ задачу разумаго воспитанія — сдѣлать ребенка способнымъ критически относиться къ окружающимъ его явленнямъ естественной и соціальной среды и быть твердымъ и самостоятельнымъ въ опре-

дѣленіи себя по отношенію къ отдѣльнымъ людямъ и различнымъ событіямъ; будучи согласенъ съ нимъ въ томъ, что время (семилѣтній, скажемъ, курсъ), которое имѣется въ нашемъ распоряженіи для этой цѣли, крайне ограничено, а способности ученика также не безпредѣльны; вполне одобряя при этомъ его совѣтъ сообщать дѣтямъ какъ можно меньше мелочей, ни къ чему неирригодныхъ подробностей и, наоборотъ, стараться развивать въ нихъ критическій смыслъ, — я однако повторяю, что никакъ не могу рѣшиться принять означенные принципы его метода въ абсолютное руководство и какъ единственное средство въ своей будущей педагогической дѣятельности. Я не отрицаю того частнаго значенія, какое можетъ имѣть примѣненіе въ дѣлѣ воспитанія многихъ отдѣльныхъ сторонъ системы Лакомба, являющихся прямыми слѣдствіями его основного практическаго принципа — свободнаго воспитанія дѣтей исключительно посредствомъ развитія въ нихъ любознательности и удовлетворенія ихъ умственныхъ вкусовъ и запросовъ. Мало того, я отлично сознаю, что всѣ мы должны будемъ преподавать знанія ученикамъ, имѣя въ виду скрывающуюся за ними (т.-е. знаніями) возложенную на насъ весьма отвѣтственную задачу воспитанія юношества и значительнымъ образомъ исходя къ осуществленію этой задачи прямо изъ принциповъ разбираемаго автора. Но, какимъ бы ни показалось мое личное убѣжденіе, я все-таки съ увѣренностію утверждаю, что полное осуществленіе и развитіе въ жизни системы обученія дѣтей согласно принципу безапелляціонно-свободной инициативы и только личнаго интереса ребенка скорѣе извратитъ дѣло воспитанія, нежели направитъ его по пути естественной дѣйствительности. Мы не могли не замѣтить того, что Лакомбъ, развивая принципъ естественнаго или свободнаго воспитанія, слишкомъ ужъ преувеличилъ значеніе средствъ, ведущихъ къ наиболѣе широкому осуществленію этого принципа. Эти средства — любознательность и подражательность дѣтей. Онѣ являются у автора главными практическими двигателями всей его системы, объясняющими,

повидимому, всякія затрудненія, которыя иногда невольно возникаютъ въ умахъ читателей. Поэтому неудивительно, что Лакомбъ, совершенно искренно выступившій на борьбу противъ традиціи, опирающейся, по его словамъ, на силу палки и линейки, категорически отказывается дать мѣсто въ своей системѣ всякимъ мѣрамъ принужденія. Вспомнимъ здѣсь укоризненные слова автора: „Видалъ ли кто-нибудь, чтобы лѣнивые и небрежные ученики становились прилежными, благодаря взысканіямъ?“ Какъ мы знаемъ, Лакомбъ наблюдалъ совершенно обратные примѣры отъ принудительныхъ занятій. Но и послѣ всѣхъ съ его стороны доводовъ я позволю себѣ спросить его: всегда ли принужденіе дѣйствуетъ такъ пагубно на ученика, какъ это рисуете Вы, г. Лакомбъ? Я увѣренъ, что послѣдній для того, чтобы не оказаться голословнымъ въ своихъ сужденіяхъ относительно правильнаго распредѣленія ежедневныхъ занятій среди учениковъ, долженъ будетъ, вопреки своей (вначалѣ крайней) логикѣ, отвѣтить: „Нѣтъ, не всегда: иногда принужденіе бываетъ и полезно, — конечно, только въ нредѣлахъ разумности образованнаго воспитателя“. И въ самомъ дѣлѣ, почему авторъ, признавая даже необходимымъ лишить ученика возможности въ назначенные для занятій часы отдаваться играмъ и даже запретить ему послѣднія, въ то же время не допускаетъ въ школу никакихъ другихъ принудительныхъ мѣръ? Неужели можетъ ребенку принести вредъ въ прочности усвоенія знаній такой, на примѣръ, приемъ принудительной системы обученія? Ребенокъ, допустимъ, сегодня полѣнился выучить заданный ему урокъ. Онъ совершенно откровенно заявляетъ объ этомъ учителю. Послѣдній хотя не наказываетъ его, но и не прощаетъ совершенно за лѣнь, а заставляетъ его все-таки довести дѣло до конца. Въ этомъ случаѣ опытный учитель пользуется силою своего авторитетнаго вліянія на учениковъ или опирается на свой личный примѣръ и склонность дѣтей къ подражанію поступкамъ лицъ старшихъ или себѣ равныхъ. Я думаю, что такая мѣра не только не окажется противорѣчащею самой

природѣ ребенка, но даже будетъ способствовать развитію въ его душѣ тѣхъ именно сторонъ волевой дѣятельности, къ воспитанію и усовершенствованію которыхъ направлена вся система Лакомба: ребенокъ пойметъ необходимость нормальнаго труда; начнетъ сознавать свое личное достоинство и превосходство предъ другими, — что такъ необходимо для успѣха во всякаго рода занятіяхъ; наконецъ, онъ привыкнетъ къ самостоятельной работѣ. Все это непосредственно воспитаетъ въ немъ энергичную волю въ ея лучшемъ, самомъ желательномъ, направленіи. Кромѣ того, подобные приемы воспитанія ничуть не нарушаютъ той прекрасной гармоніи дружественныхъ отношеній между учителемъ и учениками, которая могла бы существовать, по мнѣнію Лакомба, только при безгранично-свободномъ отношеніи ребенка къ преподаваемому ему уроку. Напротивъ, принужденіе, основанное на авторитетѣ опытнаго, разумнаго и добросовѣстнаго учителя, выражающееся не въ формѣ жестокаго наказанія или мести, но въ видѣ твердаго, непоколебимаго вліянія чловѣка сильнаго надъ существомъ слабымъ, лишь начинающимъ развиваться, — еще болѣе приблизитъ сердца дѣтей къ доброму учителю, сдѣлавъ ихъ юныя души открытыми и чистыми предъ взорами проницательнаго наставника.

По моему мнѣнію, Лакомбъ отводитъ слишкомъ много мѣста для дѣтской любознательности въ области умственныхъ занятій ученика. Я вовсе не думаю этимъ замѣчаніемъ умалять значеніе названной способности, но хочу сказать, что любознательность ребенка, будучи очень важнымъ факторомъ въ дѣлѣ обученія, въ то же время не можетъ быть признана исключительнымъ средствомъ въ области образованія и воспитанія. Если мы въ своей будущей дѣятельности поставимъ себѣ въ исключительное руководство желаніе сообразовываться со вкусами и интересами только учениковъ и даже каждаго изъ нихъ въ отдѣльности, то, безусловно, мы не въ состояніи будемъ воспитать въ нихъ людей, способныхъ достаточно владѣть собою во всякой отрасли труда, хотя бы и не всегда

привлекающей ихъ вниманіе и возбуждающей живой интересъ къ себѣ. Ученики, какъ это нерѣдко бываетъ и теперь, тогда еще въ большемъ количествѣ будутъ выходить изъ школы людьми, не умѣющими сообразовываться съ окружающей средой, привыкшими поступать чаще всего по своему усмотрѣнію и сообразно съ личнымъ впечатлѣніемъ и интересомъ. Едва ли такіе люди бываютъ способны разумно опредѣлять себя въ отношеніи къ окружающимъ ихъ лицамъ и явленіямъ жизни?! . . . Если — нѣтъ, то въ такомъ случаѣ „свобода дѣтей“ не „освѣщаетъ путь учителю“ (какъ говоритъ Лакомбъ), а — наоборотъ — затемняетъ его. Не можетъ быть никакихъ возраженій противъ того, что каждый учитель не только долженъ, но и обязанъ считаться съ настроеніемъ класса, сообщая дѣтямъ знанія живо и наглядно, заинтересовывая ихъ „умѣлымъ преподаваніемъ“. Но однако я никакъ не могу признать полезнымъ въ дѣлѣ обученія и воспитанія постоянное приноравливаніе учителя ко вкусамъ учениковъ даже въ выборѣ матеріала для отдѣльныхъ уроковъ. Помимо того, что такой пріемъ обученія будетъ идти какъ разъ вразрѣзъ съ стремленіемъ педагоговъ къ развитію въ умахъ учащейся молодежи строгой послѣдовательности, логичности мышленія, — этотъ же пріемъ внесетъ въ самый методъ школьнаго обученія еще одну очень нежелательную черту: учитель, безусловно, сдѣлается въ нѣкоторомъ родѣ рабомъ учащихся. Авторъ предвидѣлъ подобное возраженіе и такъ отвѣчаетъ на него: „Нѣтъ, я не буду въ подчиненіи у ребенка, но считаю необходимымъ подчиняться требованіямъ дѣтства, что далеко не одно и то же“. Но я скажу, что понятія „дѣтство“ и „ребенокъ“ въ области педагогіи не могутъ быть строго разграничиваемы: исходя въ принципѣ начальнаго обученія изъ понятія о дѣтской природѣ вообще, мы на дѣлѣ тотчасъ же становимся лицомъ къ лицу съ ребенкомъ въ частности, какъ существомъ индивидуальнымъ. Слѣдовательно, безгранично подчиняясь требованіямъ дѣтства, мы непременно попадемъ въ другую — болѣе опасную — край-

ность: мы можем очутиться въ подчиненіи у избалованнаго и своенравнаго ребенка. А что если такихъ учениковъ будетъ въ классѣ 5—6?!... Въдь тогда учитель, идя на урокъ, никогда не скажетъ съ увѣренностью, что именно, какія знанія преподастъ онъ дѣтямъ, такъ какъ онъ обязанъ будетъ приноравливаться ко вкусамъ и любопытству каждаго ученика, а недовольныхъ труднымъ урокомъ окажется не мало. Спѣшу оговориться. Я дѣлаю возраженія не иротивъ предлагаемаго авторомъ плана ежедневныхъ, свободно избираемыхъ каждымъ ученикомъ классныхъ занятій (съ этимъ предложеніемъ нельзя не согласиться и не сочувствовать ему), — нѣтъ, я горячо протестую противъ заявленія г. Лакомба о необходимости ежедневнаго распредѣленія или выбора учителемъ матеріала для преподаванія ученикамъ, примѣнительно къ ихъ вкусамъ и настроенію ума въ данную минуту. Любознательность ученика должна быть уважаема учителемъ, но послѣдній не обязанъ дѣлаться ея рабомъ; онъ долженъ быть всегда товарищемъ ученика, но не ниже этого, хотя бы, по видимому, и впротивовѣсъ столь высокимъ идеямъ воспитанія, какою является для насъ понятіе дѣтства въ самомъ глубокомъ его раскрытіи. Ребенокъ бываетъ чистъ постольку, поскольку онъ можетъ быть подведенъ подъ эту возвышенную идею дѣтства; но, какъ единичный членъ реального содержанія названнаго понятія, онъ нерѣдко бываетъ грязенъ отъ природы въ отдѣльныхъ сторонахъ своей души, будучи нотомкомъ, можетъ быть, далеко безпорочныхъ предковъ. Любознательность ребенка должна быть провѣряема и уравновѣшиваема здравымъ смысломъ педагога. Послѣдній можетъ приноравливаться къ ней постольку, поскольку она составляетъ основное свойство легко возбуждающейся души ребенка; но онъ перестаетъ считаться съ нею, какъ съ такимъ процессомъ психическихъ явленій, въ которомъ надъ функціями ума беретъ перевѣсъ непостоянство дѣтской воли. Я имѣю въ виду свойственную дѣтямъ быстроту впечатлѣній. Нерѣдко случается, что ребенокъ, живо заинтересовавшись раз-

сказомъ учителя, вдругъ получаетъ новую смѣну впечатлѣній — и не желаетъ далѣе слушать и учить урокъ. Лакомбъ говоритъ: „Я знаю, во-первыхъ, что, благодаря присущей ребенку живости, онъ завтра же можетъ заинтересоваться тѣмъ, къ чему нынче оказался равнодушенъ, а во-вторыхъ, я самъ могу попытаться обратить его вниманіе на другую сторону предмета и тѣмъ вызвать къ нему интересъ“. Вполнѣ соглашаясь со словами автора, я однако позволю себѣ спросить его: ну, а что дѣлать, если ребенокъ и завтра, и послѣзавтра и т. д. не захочетъ учить заданный ему урокъ? . . . Неужели причину я вредъ природѣ ребенка, заставивъ его все-таки выучить урокъ (не прибѣгая, конечно, къ мѣрамъ наказанія, унижающимъ его въ глазахъ товарищей)? Во всякомъ случаѣ, лучше будетъ заставить ученика заниматься, нежели покинуть его на произволъ судьбы. Пусть онъ ежедневно выбираетъ занятія по своему вкусу; но, если онъ принялся за работу или только началъ слушать урокъ, онъ обязанъ довести дѣло до конца. Иначе ученіе превратится въ одну лишь кукольную игру. Учитель будетъ приходить и сообщать дѣтямъ знанія; но они будутъ выслушивать и учить лишь то, что для нихъ покажется интереснымъ и легкимъ, и пропускать сквозь пальцы все трудное, хотя бы и сильное. Время насъ не ждетъ. Годы будутъ уходить, а знанія нашихъ учениковъ, если мы послѣдуемъ въ данномъ случаѣ совѣту Лакомба, окажутся мало того, что раздробленными, но и неполными. Въ Университетѣ же, наприм., съ этимъ обстоятельствомъ не станутъ особенно считаться. Здѣсь требуютъ отъ Лакомбова ученика не только умственного развитія, но и достаточнаго формальнаго усвоенія знаній. Мнѣ кажется страннымъ, что авторъ, исходя въ своихъ сужденіяхъ изъ принципа всесторонне-свободнаго воспитанія ребенка, стремится на этой же основѣ урегулировать приемы преподаванія предметовъ въ 6, 7 и даже 8-омъ классахъ гимназій. Неужели учителя должны наканунѣ своихъ занятій съ учениками 16—18 лѣтняго возраста готовить ма-

теріалъ для уроковъ, напередъ предугадывая завтрашнее минутное настроеніе цѣлаго класса или (что еще хуже) всего только нѣсколькихъ учениковъ?!... Я задаю себѣ такой вопросъ потому, что не допускаю занятій съ учениками вообще, тѣмъ болѣе, въ старшихъ классахъ, безъ подготовки даже для учителя, прослужившаго уже много лѣтъ. Г. Лакомбъ съ этимъ не можетъ не согласиться, такъ какъ онъ настаиваетъ на необходимости сообщенія дѣтямъ не столько догматически установленныхъ фактовъ, сколько свѣдѣній о предварительныхъ взглядахъ, мнѣніяхъ, доказательствахъ и, наконецъ, заключеніяхъ, къ которымъ пришли различными путями умы ученыхъ относительно установленія дѣйствительнаго существованія того или иного явленія. Отсюда ясно видно, какими обширными свѣдѣніями долженъ обладать каждый учитель. Авторъ, какъ мы знаемъ, совѣтуетъ учителямъ обращать въ такихъ случаяхъ вниманіе своихъ питомцевъ на полезныя для нихъ сочиненія, могущія вполне удовлетворить ихъ запросы. Но здѣсь-то неизбѣжна предварительная подготовка самого учителя. Послѣдній, можетъ быть, давно прочиталъ ту или иную книгу, а для характеристики всякаго сочиненія необходимо точное, детальное воспроизведеніе его содержанія. Кромѣ того, неоднократное повтореніе будетъ открывать самому учителю съ каждымъ разомъ все новыя и новыя черты въ сужденіяхъ разбираемыхъ имъ авторовъ, — что благопріятно отразится на развитіи учащихся. Впрочемъ, я нахожу неудобнымъ болѣе подробно касаться этого пункта. Меня, — короче говоря, — удивляетъ, почему г. Лакомбъ предпочитаетъ свою систему обученія въ 8-омъ классѣ гимназій методу строго-последовательнаго сообщенія знаній 17—18-лѣтнимъ юношамъ, чрезъ годъ имѣющимъ вступить въ аудиторію Университета, гдѣ подобная раздробленность въ прохожденіи курсовъ отдѣльныхъ наукъ немыслима уже въ силу одного лишь уваженія къ послѣднимъ.

Не менѣе преувеличиваетъ г. Лакомбъ значеніе въ дѣлѣ

воспитаніи и обученія дѣтей другого средства, имѣющагося въ рукахъ каждаго педагога — склонности ребенка къ подраженію. „Подражательность“, говоритъ онъ, „— чувство сложное. Иногда она появляется почти механически. Человѣкъ воспроизводитъ внѣшніе акты другого безъ всякаго соображенія о желательныхъ результатахъ; это нѣчто въ родѣ заразы, дѣйствующей на чувство зрѣнія и слуха. Ребенокъ въ высшей степени подверженъ такого сорта заразѣ, чего не слѣдовало бы забывать. Иногда къ такой внѣшней подражательности примѣнивается желаніе быть нохожимъ на тотъ или иной образецъ и даже превзойти его, или желаніе понравиться кому-либо путемъ иодражанія ему. Наконецъ, существуетъ подражательность, основанная на болѣе глубокомъ внутреннемъ чувствѣ. Въ послѣднемъ случаѣ мы воспринимаемъ психическое настроеніе даннаго лица, и сходство поступковъ вытекаетъ изъ сходства душевныхъ побужденій“. Давъ столь вѣрное — краткое, но весьма обстоятельное — опредѣленіе подражательности, какъ свойства, присущаго главнымъ образомъ дѣтямъ, Лакомбъ однако не совсѣмъ правильно поступаетъ, выставляя эту способность ребенка исключительнымъ и непремѣннымъ побужденіемъ для ученика къ занятіямъ уроками въ томъ случаѣ, еслибы въ немъ отсутствовалъ въ данную минуту всякій интересъ къ избираемому имъ дѣлу. „Занимающіеся являются соблазнительнымъ примѣромъ для каждаго новаго посѣтителя“, говоритъ онъ: „Не думаю однако, чтобы ребенокъ могъ долго смотрѣть на работу другихъ, самъ ничего не дѣлая. Онъ, прежде всего, слишкомъ склоненъ къ подражанію, да наконецъ, надо же признать въ каждомъ человѣческомъ существѣ стремленіе къ дѣятельности. Если допустить, что встрѣтится такой исключительный субъектъ безусловно лѣнивый и не желающій ничѣмъ заняться, то вѣдь съ нимъ ужъ никакая система ничего не подѣлаетъ“. По поводу замѣчанія автора, что ребенокъ „слишкомъ склоненъ къ подражанію“, я, на основаніи многихъ фактовъ изъ своего личнаго дѣтства и наблюденія надъ жизнью бывшихъ

своихъ учениковъ, позволю себѣ возразить, что его слова слѣдуетъ понимать въ весьма относительномъ смыслѣ. Склонность къ подражанію присуща дѣтямъ, — это вѣрно; по несомнѣнно также и то, что она не всегда бываетъ въ дѣятельномъ состояніи и приводится въ таковое на ряду съ прочими психическими эмоціями въ зависимости отъ различныхъ стороннихъ возбужденій, на примѣръ: отъ общаго состоянія организма ученика, а также отъ возраста дѣтей. Бываютъ отъ природы вялыя дѣти, очень мало интересующіяся окружающими ихъ предметами; поступки товарищей часто не вызываютъ въ нихъ ни малѣйшаго удивленія или интересуютъ ихъ въ очень малой степени; примѣръ учителя не возбуждаетъ въ нихъ особаго желанія подражать ему. Между тѣмъ подобныхъ учениковъ нельзя назвать „исключительными субъектами“, способными только лѣниться. Нѣтъ, они въ силу особыхъ условій лишь медленно развиваются, нежели прочіе ученики. Дѣло учителя — не оставлять ихъ безъ всякаго вниманія, на произволъ судьбы, а, наоборотъ, тщательно слѣдить за ихъ жизнью и всевозможными средствами содѣйствовать ихъ развитію. Дѣти малоспособныя часто бываютъ и лѣнивыми учениками, такъ какъ урокъ, кажущійся имъ труднымъ, вызываетъ въ нихъ неохотное къ нему отношеніе, а отсюда недалеко и до упорной лѣни. Учитель долженъ помочь имъ выбраться на самостоятельный путь, но для достиженія этой цѣли средства, предлагаемыя Лакомбомъ, не всегда оказываются достаточными. Придется учителю не только возбудить такого ученика къ занятіямъ, развить въ немъ интересъ къ дѣлу, но и заставить его заниматься. Я не отрицаю того факта, что въ классѣ среди учениковъ могутъ быть нѣсколько человѣкъ первостатейныхъ избалованныхъ лѣнивцевъ или „исключительныхъ субъектовъ“, какъ выражается Лакомбъ. Но неужели никакая система ничего не подѣлаетъ съ ними? Неправда, — я самъ наблюдалъ, какъ подобные типы совершенно исправлялись, благодаря разумнымъ принудительнымъ и увѣщательнымъ мѣрамъ (исключаю, ко-

нечно, гнусныя наказанія); но подражательность (на которую Лакомбъ возлагаетъ столько надеждъ!) играла здѣсь, повидимому, очень малую роль. Авторъ не допускаетъ, „чтобы ребенокъ могъ долго смотрѣть на работу другихъ, самъ ничего не дѣлая“. Но такъ ли это всегда бываетъ? Надъ этимъ вопросомъ приходится серьезно призадуматься. Встрѣчаются среди учениковъ и такіе, которые своимъ поведеніемъ иногда всецѣло опровергаютъ слова Лакомба. Это можно наблюдать, по крайней мѣрѣ, на 17—18-лѣтнихъ юношахъ, достигшихъ уже большей самостоятельности въ характерѣ и слѣдующихъ свободными отъ механической, почти невольной, стадной подражательности, которая на каждомъ шагу проявляется въ дѣтяхъ ранняго возраста. Ученикамъ старшаго возраста наиболѣе свойственна подражательность во второй степени своего проявленія, такъ какъ она возникаетъ въ нихъ на болѣе критической, умственной почвѣ. Но поскольку подражательность въ данномъ случаѣ зависитъ отъ минутнаго настроенія самого ученика, постольку она можетъ оказывать и не оказывать на него воздѣйствія. Я самъ наблюдалъ, какъ 15—16-лѣтнія ученицы, не принеся на урокъ рукодѣлія нужнаго матеріала, находили лучшимъ для себя сидѣть безъ дѣла и глазѣть по сторонамъ, мечтая о чемъ-то или уже о комъ-то, въ то время, когда прочія, оказавшіяся въ тѣхъ же условіяхъ, съ удовольствіемъ занимались чтеніемъ, исправленіемъ другъ у друга диктантовъ, геометрическимъ черченіемъ и т. д. И только строгое приказаніе учительницы заставляло юныхъ мечтательницъ приняться за что-нибудь болѣе серьезное.

Вооружаясь противъ холодныхъ и докучливыхъ нравоученій и возлагая слишкомъ много надеждъ на силу „благихъ примѣровъ“, Лакомбъ совѣтуетъ совершенно избѣгать въ воспитаніи, повидимому внушительныхъ и предостерегающихъ ребенка отъ скверныхъ поступковъ, на самомъ же дѣлѣ нерѣдко притупляющихъ въ немъ нравственное чувство „наставительныхъ увѣщаній“. Соглашаясь съ авторомъ, что нравоученія могутъ вызывать въ ребенкѣ „даже желаніе поступить какъ

разъ наоборотъ“, я спѣшу оговориться, что это бываетъ въ томъ случаѣ, когда слова наставника очень ужъ расходятся съ его личной жизнью и дѣти это видятъ и сознаютъ или когда увѣщанія преподносятся дѣтскому уму и сердцу въ видѣ пространныхъ патетическихъ тирадъ, утомляющихъ слухъ ребенка, притушляющихъ его соображеніе и, конечно, надоедающихъ до приторности. Но это еще не даетъ основанія педагогамъ совершенно избѣгать всякихъ нравоучительныхъ замѣчаній ребенку. Мнѣ кажется, что искренній примѣръ учителя тѣмъ сильнѣе отражается въ душѣ ученика, чѣмъ удачнѣе онъ бываетъ освѣщаемъ краткимъ, но глубоко продуманнымъ нравственнымъ заключеніемъ. Разумъ и сердце въ практической жизни каждаго человѣка нуждаются въ постоянномъ взаимодействіи, а это бываетъ лишь тогда, когда умъ ясно воспринимаетъ смыслъ того, что глубоко должно запечатлѣть въ себѣ сердце. Лакомбъ самъ невольно преподноситъ дѣтямъ тѣ же нравоученія только подъ инымъ соусомъ. Онъ совѣтуетъ учителю посвящать особые часы чтенію съ ними біографій, литературныхъ и историческихъ рассказовъ и оживленному, свободному обмѣну мнѣній, „самымъ осторожнымъ и деликатнымъ образомъ оспаривая“, однако, „стремленія явно безнравственныя, если бы таковыя были имъ (учителемъ) открыты“ въ комъ-либо изъ учениковъ.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію совѣтовъ Лакомба относительно внѣшней постановки начальнаго обученія и преподаванія предметовъ въ средней школѣ.

Вполнѣ соглашаясь съ нимъ, что „начинать обученіе надо съ того, что въ данную минуту можетъ усвоиться наиболѣе легкимъ образомъ“, — я однако не рѣшился бы растягивать обученіе чтенію и письму на столь продолжительное время, на какое онъ указываетъ. Авторъ говоритъ: „Въ вашемъ распоряженіи имѣется, по крайней мѣрѣ, семь лѣтъ для достиженія этой цѣли“. Такое сужденіе является неизбѣжнымъ слѣдствіемъ общаго стремленія автора создать все умственное образованіе ученика на почвѣ его самостоятельной

любопытности и личных запросовъ. Естественно, что при такихъ условіяхъ внѣшняя постановка образованія должна рѣзко измѣниться: формальное образованіе должно занять мѣсто второстепенное или, по крайней мѣрѣ, въ немъ получаютъ чрезвычайное преобладаніе приемы нагляднаго обученія, основанные на личной инициативѣ ребенка. Но мнѣ кажется, что, при всемъ желаніи облегчить начальный трудъ ученика, представить предъ нимъ предметы изученія въ живыхъ и интересныхъ образахъ, а не подъ символами тяжело произносимыхъ словъ и выраженій, составленныхъ изъ замысловатыхъ гласныхъ и согласныхъ звуковъ, изображеніе которыхъ не легко достигается дѣтскою рукою, — при всемъ желаніи помочь ученику, не слѣдуетъ слишкомъ поздно начинать обученіе чтенію и письму. Дѣти должны въ достаточной степени ориентироваться въ области чтенія, по крайней мѣрѣ, къ концу 2-го года обученія. Не тѣ знанія бываютъ прочно, которое усваивается только со словъ учителя — посредствомъ нагляднаго объясненія имъ того или иного предмета, явленія и событія; но — то, которое закрѣпляется въ памяти еще и формальнымъ образомъ — съ помощью учебнаго руководства. Многія слова учителя могутъ быть неточно услышаны и неуверенно запоминаемы ученикомъ при одномъ лишь наглядномъ преподаваніи, и вотъ въ такихъ случаяхъ учебникъ является для него неизбежнымъ пособіемъ. Но что будетъ дѣлать ученикъ Лакомба, скажемъ, на третій годъ обученія даже въ низшихъ классахъ? Вѣдь и въ началѣ ученія потребуется точное и вѣрное усвоеніе знаній о многихъ фактахъ и явленіяхъ. Основанія, выставляемые Лакомбомъ въ пользу поздняго обученія чтенію и письму, мнѣ не представляются заслуживающими большого вниманія. Учиться читать и писать я не считаю такимъ ужъ адскимъ трудомъ, чтобы ожидать, пока музыка разовьетъ уши ребенка для усвоенія гласныхъ и согласныхъ звуковъ и рисованіе приучитъ руку къ извѣстному положенію при письмѣ. Самый же способъ совершенно свободнаго обученія ребенка чтенію представляется мнѣ,

какъ наиболѣе желательный. Личный интересъ и подражаемость ребенка должны имѣть здѣсь первое мѣсто.

Авторъ справедливо иридаетъ большое значеніе въ дѣлѣ образованія рисовашю и музыкѣ. Доводы, которые онъ приводитъ въ пользу перваго, весьма убѣдительны. Но нельзя признать заслуживающими вниманія его сужденія о необходимости предоставленія дѣтямъ полной свободы и личной инициативы въ выборѣ матеріала для занятій обоими искусствами. Эти сужденія противорѣчатъ основнымъ положеніямъ теоріи названныхъ искусствъ. По крайней мѣрѣ, занятія рисованіемъ, основанныя на личномъ выборѣ ученика, вопреки строго — теоретической послѣдовательности изученія, едва ли разовьютъ въ немъ способность „давать точное описаніе какому-нибудь конкретнаго предмета“, о значеніи которой въ наукѣ и жизни такъ много говоритъ Лакомбъ.

Вполнѣ убѣдительно доказывая значеніе для орфографіи декламации и самостоятельнаго занисыванія учениками въ тетради нравящихся имъ мѣстъ изъ прочитываемыхъ статей, рассказовъ и изучаемыхъ стихотвореній, — Лакомбъ не безъ основанія вооружается противъ упорнаго стремленія педагоговъ укрѣплять въ памяти учениковъ грамматическія правила помощью однихъ лишь безконечно повторяющихся диктантовъ. Занятія послѣдними, отнимая массу времени и вызывая непомѣрную скуку, кромѣ того не всегда оказываются цѣлесообразными. „Положимъ“, говоритъ авторъ, „ребенокъ дѣлаетъ ошибку, пишетъ *липешка* вмѣсто *лепешка*; если мнѣ скажутъ, что учитель на этой именно ошибкѣ и выяснитъ правописаніе даннаго слова, то я замѣчу, что въ силу психическихъ законовъ можно ожидать скорѣе повторенія ошибки, чѣмъ правильнаго начертанія. Не забудемъ, что все дѣло въ зрительной памяти, и если ребенокъ разъ напишетъ невѣрно, а другой разъ вѣрно, то шасны пока равны. Но *липешка* имѣетъ то преимущество предъ *лепешка*, что она придумана имъ самимъ и раньше запечатлѣлась въ его памяти, такъ что, давая возможность сдѣлать эту ошибку, вы

тѣмъ самымъ рискуете утвердить ее въ представленіи ученика“. Между тѣмъ заучиваніе наизусть, сопровождаемое соответствующими указаніями учителя, если не больше всего (какъ утверждаетъ Лакомбъ), то, во всякомъ случаѣ, значительно помогаетъ овладѣвать неподвижными формами языка, т. е. больнею частью правописанія. Но, къ сожалѣнію, декламация пользуется меньшимъ вниманіемъ въ сравненіи съ диктантомъ и изустнымъ зазубриваніемъ правилъ, вызывающими въ дѣтяхъ отвращеніе ко всякимъ занятіямъ. Я не отрицаю полезности существующихъ средствъ къ усвоенію орфографіи дѣтьми, но хочу только сказать, что эти средства не исключительныя, что нерѣдко можно, взамѣнъ диктантовъ, прибѣгать къ другимъ уираженіямъ въ правоисаніи, даже болѣе цѣлесообразнымъ. Это сдѣлаетъ работу ученика легкой и живою.

Что касается занятій съ учениками среднихъ и старшихъ классовъ, то я считаю весьма цѣнными слѣдующіе совѣты Лакомба: во-первыхъ, относительно нагляднаго преподаванія ученикамъ предметовъ естествознанія и гуманитарныхъ наукъ съ стремленіемъ къ развитію въ нихъ способности къ самостоятельнымъ выводамъ или обобщеніямъ частныхъ явленій и событій; далѣе — о необходимости не только сообщать ихъ уму разъ навсегда установленные факты окружающей насъ естественной и соціальной среды, но и ознакомлять ихъ съ тѣми первичными путями и трудностями, которыми шли и которыя преодолевали ученые, прежде чѣмъ устанавливали точныя знанія объ этихъ фактахъ, — что сдѣлаетъ умственные занятія интересными для дѣтей и породитъ въ нихъ увѣренность въ возможности преодоленія трудностей, возникающихъ при изученіи того или иного предмета; наконецъ, мнѣ кажется не менѣе цѣннымъ замѣчаніе автора объ обязанности учителя развивать въ ученикахъ охоту къ чтенію серьезныхъ книгъ, въ видахъ воспитанія въ нихъ склонности къ разумной, критической оцѣнкѣ всего окружающаго. Но я не могу съ нимъ согласиться въ томъ, что, для достиженія наи-

большаго умственнаго развитія учениковъ, гораздо полезнѣе, при преподаваніи имъ предметовъ естествознанія и исторіи, изложить вполнѣ подробно, со всестороннимъ освѣщеніемъ и захватывающимъ вниманіе интересомъ, одинъ или два только отдѣла науки, нежели проходить съ ними въ общихъ чертахъ весь курсъ ея, отягощая такимъ, образомъ ихъ головы массой неполныхъ, отрывочно усвояемыхъ знаній и выпуская основныя свѣдѣнія о жизни и дѣятельности ученыхъ, ихъ взглядахъ и сужденіяхъ. Какъ мы видимъ, Лакомбъ, кромѣ означенной цѣли, единственнымъ основаніемъ введенія такого метода въ школьное преподаваніе выставляетъ неудовлетворительность современной учебной постановки. Юноши оканчиваютъ курсъ (обученія), вынося изъ школы лишь раздробленные, непрочныя знанія и даже отвращеніе къ наукѣ. Но, возражая Лакомбу его же словами, мы скажемъ, что едва ли онъ пополнитъ въ ученикахъ раздробленность знаній, преподавая имъ послѣднія въ еще болѣе раздробленномъ видѣ! Авторъ ужъ слишкомъ много надеждъ возлагаетъ на развитіе ума и любознательности въ ученикѣ, который, получивъ въ школѣ пріемы критическаго мышленія, успѣетъ, по его мнѣнію, пополнить всѣ прочіе умственные недочеты въ далѣйшей жизни посредствомъ усиленнаго чтенія научныхъ сочиненій. Главная задача школы — дать ученику надлежащее умственное и волевое развитіе. Но если Лакомбъ видитъ большое зло въ непрочности усвоенія учениками многихъ знаній, то я позволю себѣ усматривать еще большее зло въ совершенномъ незнакомствѣ ихъ со многими законами физическихъ явленій или важными историческими событіями. Плохо будетъ читаться такимъ ученикомъ серьезная книга, требующая достаточной формальной подготовки.

Только-что высказанное сужденіе я могу включить въ число тѣхъ своихъ возраженій г. Лакомбу, которыя направлены мною противъ его заявленія о необходимости руководиться при обученіи исключительно состояніемъ любознатель-

ности ребенка въ данную минуту и его личнаго интереса къ предлагаемому ему или имъ самимъ избираемому занятію. Авторъ старается примѣнить этотъ взглядъ и къ преподаванію исторіи. Но я надѣюсь, что приведенныя мною соображенія довольно ясно показываютъ невозможность предоставленія и въ этой области каждому ученику свободнаго выбора матеріала для занятій въ данную минуту и разспросовъ преподавателя о событіяхъ или документахъ, только его одного интересующихъ.

Полагая вмѣстѣ съ г. Лакомбомъ, что не мѣшало бы облегчить дѣтямъ трудность изученія географіи даже до низведенія послѣдней на положеніе вспомогательныхъ отдѣловъ въ учебникахъ физики, естественной исторіи и гражданской, — я никакъ не могу признать возможнымъ совершенное изгнаніе изъ средней школы новыхъ языковъ. Доводы Лакомба малоубѣдительны и нѣсколько односторонни. Съ одной стороны — онъ самъ не отрицаетъ нѣкотораго значенія новыхъ языковъ для умственныхъ упражненій. Но вѣдь не всѣ предметы, изучаемые въ школахъ, можно подводить только подъ одну мѣрку — ихъ наибольшей важности для умственной дѣятельности ученика. Нельзя не считаться — съ другой стороны — съ тѣми полезными практическими результатами, которые являются непремѣннымъ слѣдствіемъ для человѣка, изучившаго иностранный языкъ. Авторъ говоритъ, что нужно отнести новые языки къ области спеціальныхъ знаній. Но я съ этимъ мнѣніемъ совершенно не согласенъ. Пусть г. Лакомбъ спроситъ объ этомъ тѣхъ, кому не удалось въ среднемъ учебномъ заведеніи изучить, какъ слѣдуетъ, новые языки и пришлось заниматься ими, поступивъ уже на службу, или въ Университетъ, — я увѣренъ — они его не поблагодарятъ за намѣреніе изъять преподаваніе языковъ изъ числа предметовъ средней школы.

Совершенно инымъ мнѣ представляется значеніе древнеклассическихъ языковъ въ общеобразовательной гимназической системѣ. Я не стану отрицать полезности ихъ изученія для

формального мышленія, — при умѣломъ преподаваніи ихъ вліяніе на развитіе логичности мышленія, несомнѣнно, должно обнаруживаться. Таково, однако, можетъ быть значеніе формъ этихъ языковъ, но не содержанія произведеній, на нихъ написанныхъ. Послѣднія не только не вызываютъ въ дѣтяхъ умственного интереса и душевнаго восторга, будучи по необходимости (за недостаткомъ времени и вслѣдствіе своей серіозности) отрывочно переводимы и плохо усвояемы, но даже наводятъ на нихъ страхъ и вселяютъ холодную подозрительность къ тѣмъ труднымъ, можно сказать, неподвижнымъ для дѣтскаго языка, мертвымъ формамъ нарѣчія, за которыми скрываются вся глубина, красота и оригинальность классической мысли. Недавно мнѣ удалось познакомиться съ прекраснымъ переводомъ нѣсколькихъ трактатовъ Платона (переводъ В. Соловьева). Я съ большимъ удовольствіемъ читалъ многія мѣста въ нихъ, и мнѣ, между прочимъ, невольно пришло на мысль: „А вѣдь этотъ же самый „Критонъ“ въ свое время заставлялъ меня дремать надъ текстомъ!“ Если въ этомъ смыслѣ положительно говорить объ умственномъ и воспитательномъ значеніи для учениковъ древне-классическихъ языковъ, то его въ большей степени слѣдуетъ признавать за новыми, которые изъ — за живыхъ и гораздо легче воспринимаемыхъ словесныхъ формъ и значеній вскрываютъ предъ дѣтскимъ умомъ и сердцемъ человѣческую жизнь въ ея современномъ развитіи. Мнѣ кажется, что именно обученіе древнимъ языкамъ должно быть отнесено къ области спеціальнаго образованія, будучи гораздо болѣе необходимо для научныхъ цѣлей, — хотя г. Лакомбъ, если не ошибаюсь, смотритъ на нихъ болѣе снисходительно, нежели на новые языки.

Наконецъ, авторъ очень горячо доказываетъ необходимость нагляднаго преподаванія въ средней школѣ техническихъ знаній (въ родѣ переплетнаго дѣла, ткацкаго искусства) и введенія на ряду съ гимнастикой ручного труда. Полезность одного и другого занятія неоспорима — и я отъ всей души привѣтствую искреннюю и глубокую мысль Лакомба.

Заканчивая обзоръ сужденій г. Лакомба и резюмируя все сказанное, я такимъ образомъ приведу въ заключеніе свои личныя положенія¹⁾. Постановка школьнаго образованія не

1) Примѣчаніе. Въ 1900 году переведено на русскій языкъ сочиненіе извѣстнаго французскаго педагога Э. Демолена подъ заглавіемъ: „Новое воспитаніе. Реформа средняго образованія съ замѣной классицизма болѣе практическимъ обученіемъ, имѣющимъ въ виду всестороннее развитіе духовныхъ и физическихъ способностей ученика“ (Изданіе магазина „Книжное Дѣло“). Авторъ, глубоко затрогивая вопросъ объ образованіи человѣка, указываетъ на крупныя недостатки въ постановкѣ современнаго преподаванія и въ организаціи строго воспитательной стороны въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Франціи и Германіи. Коллежи и лицеи первой готовятъ лишь будущихъ чиновниковъ, людей мало-развитыхъ, съ заглушенными способностями, безъ всякой инициативы. Состояніе нѣмецкихъ гимназій еще болѣе неудовлетворительно. Это чисто-сердечно высказалъ германскій Императоръ въ одной своей рѣчи: по его мнѣнію, старая школа Германіи выпускаетъ лишь близорукихъ людей, неспособныхъ къ практической жизни. Онъ начертываетъ планъ будущей лучшей школы. Послѣдняя, по его словамъ, должна приготовить молодыхъ людей „къ борьбѣ за жизнь“ и выработать изъ нихъ самыхъ преданныхъ слугъ Императора и убѣжденныхъ защитниковъ границъ Имперіи. Но ни одно, ни другое не достижимо съ точки зрѣнія Демолена. Причина этого скрывается въ самой программѣ реформы Императора, который свелъ все обученіе „на восторженное созерцаніе военныхъ подвиговъ, совершенныхъ его предшественниками“. Полную противоположность сказанному представляютъ собою новыя школы, устраиваемыя въ Англіи людьми истинно преданными своему дѣлу. На первомъ мѣстѣ должны быть поставлены двѣ школы — Абботсгоймская (въ Дербиширѣ) и Бедалъская (на югѣ Англіи, въ Суссексѣ). Г. Демольенъ въ III главѣ своего труда подробно излагаетъ организацію школы въ Бедалѣ; она особенно интересуетъ автора: въ ней обучался его сынъ. Но, помимо этого, постановка обученія и воспитанія въ обѣихъ школахъ должна вызывать необыкновенный интересъ у человѣка, сколько-нибудь сочувствующаго стремленію лучшихъ людей своего времени къ измѣненію существующаго строя средне-учебныхъ заведеній. Все воспитаніе здѣсь сводится къ одной широкой цѣли — къ образованію человѣка всесторонне (умственно, нравственно и физически) развитого, законченнаго, и независимаго во всей своей дальнѣйшей жизни. Отзывы экзаменаторовъ и описаніе жизни въ Бедалъской школѣ ея учениками даютъ полное основаніе возлагать на нее весьма большія надежды. Все воспитаніе основывается на принципѣ свободнаго отношенія между учителемъ и учениками. Соотвѣтствующимъ образомъ составлены, конечно, и самыя программы преподаванія предметовъ. Но нельзя

можетъ быть основана только на идеѣ свободнаго развитія дитяти и осуществляется исключительно въ видѣ удовлетворенія живой любознательности ученика или возбужденія въ немъ интереса къ предметамъ, явленіямъ и событіямъ окружающей среды. Темпераментъ и характеръ каждаго человѣка могутъ быть разсматриваемы съ двухъ сторонъ — положительной и отрицательной. Первая состоитъ изъ свойствъ, желательныхъ для жизни; вторая же многими своими проявленіями препятствуетъ правильному развитію положительныхъ натуральныхъ чертъ души и даже нерѣдко оказываетъ на нихъ подавляющее вліяніе. Такимъ образомъ отрицательныя наклонности физической и духовной природы человѣка часто являются въ своемъ родѣ принудительными факторами въ отношеніи къ положительнымъ функціямъ души. Если мы съ этой точки зрѣнія взглянемъ на природу ребенка и задумаемся надъ вопросомъ о его воспитаніи, то мы невольно придемъ къ мысли, что свободное воспитаніе, понимаемое въ духѣ Лакомба, оказывается весьма одностороннимъ, такъ какъ средства, должныя его осуществлять, соотвѣтствуютъ лишь положительнымъ функціямъ души ребенка. Отрицательныя же черты, не всегда поддающіяся вліянію средствъ мягкихъ, часто будутъ оставаться безъ надлежащаго ограниченія и (что всего опаснѣе), развиваясь, будутъ оказывать постоянное давленіе на направленіе лучшихъ свойствъ дѣтской природы. Съ другой стороны — выставляя въ такихъ случаяхъ противъ нежелательныхъ, принудительныхъ элементовъ души ребенка принудительныя

терять изъ вида и то обстоятельство, что во время занятій въ названной школѣ существуетъ въ достаточной степени контроль учителя надъ учениками. Учитель — не только старшій товарищъ, совѣтами котораго пользуется ученикъ, но и авторитетный руководитель послѣдняго, могущій (конечно, въ наиболѣе деликатной формѣ) принудить его къ тому или иному серьезному и даже опредѣленному занятію въ извѣстный часъ. Уже точное распределеніе ежедневныхъ часовъ для участванія въ классныхъ, теоретическихъ, занятіяхъ и самый способъ ихъ веденія ясно говорятъ объ этомъ.

же мѣры и оказывая воздѣйствіе на нравственные недостатки соотвѣтствующими же средствами, — школа ничуть не будетъ противорѣчить нормальному развитію основныхъ природныхъ способностей ребенка: живости воображенія, подвижности и воспріимчивости къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ, любознательности и интереса ко всему окружающему. Напротивъ, указывая вообще всеѣмъ психическимъ функціямъ естественныя рамки ихъ проявленія, она этимъ будетъ даже способствовать совершенствованію положительныхъ чертъ. Я не говорю, что принужденіе должно быть признано главнымъ средствомъ воспитанія дѣтей. Нѣтъ, къ нему мы можемъ прибѣгать лишь въ крайнемъ случаѣ, употребивъ ранѣе все средства, вытекающія изъ положительной идеи свободнаго воспитанія. Кромѣ того, принужденіе въ дѣлѣ разумнаго воспитанія не должно проявляться въ формѣ суровыхъ наказаній или мести. Критеріемъ при установленіи крайнихъ предѣловъ распространенія его должно служить прежде всего благоразуміе образованнаго педагога. При такихъ условіяхъ мѣры принужденія, нормируя уклонившіяся отъ правильнаго развитія тѣ или иныя свойства души, окажутся на ряду съ любознательностью и подражательностью дѣтей важнымъ вспомогательнымъ средствомъ къ развитію и должному направленію ихъ волевой дѣятельности. Итакъ, принужденіе является необходимымъ элементомъ въ воспитаніи дѣтей. Слѣдовательно — свободное воспитаніе въ самомъ широкомъ толкованіи этого понятія (какъ это подчеркнуто нами въ сочиненіи Лакомба), въ частности — исключительные внутренніе мотивы или средства къ его осуществленію и внѣшніе приемы свободнаго преподаванія въ школѣ отдѣльныхъ предметовъ не могутъ быть проведены въ жизнь во всей полнотѣ своего теоретическаго развитія. Послѣднее въ практическомъ примѣненіи встрѣчается съ серьезными препятствіями и неизбѣжнымъ ограниченіемъ. Но и въ умѣренно-свободной школѣ учитель и ученики будутъ находиться въ глубокомъ взаимномъ общеніи, искреннемъ уваженіи другъ къ другу и горячей любви. А кто сумѣетъ создать

такую школу, положивъ въ основаніе новой программы (правда, съ значительнымъ ограниченіемъ) многія мысли Лакомба, — тотъ, поистинѣ, молодъ душою и будетъ безконечно счастливъ въ кругу благодарной молодежи!

Д. А. Захаровъ.

Изъ
УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ЛѢТОПИСИ.

1910—1911.

СОДЕРЖАНІЕ.

Высочайшая грамота Институту инженеровъ путей сообщенія.

Высочайшій приёмъ студенческихъ депутацій.

Высочайшая благодарность.

Правительственныя распоряженія.

Университетская лѣтопись.

Запросъ о высшихъ учебныхъ заведеніяхъ въ Государственной Думѣ.

Учебное дѣло.

Юбилей.

Праздникъ академистовъ.

Проектъ новаго университетскаго устава.

Наши незнаградимыя потери. *М. К.*

Некрологи: В. А. Фауссекъ †. В. М. Володиміровъ †. Н. А. Кромлевъ †. Профессоры Чижовъ † и Кононовичъ †. М. И. Горчаковъ †. С. А. Муромцевъ †. М. А. Елеонскій †. Д. А. Дриль †. А. С. Кривцовъ †. Эрнстъ Лейденъ †.

Похороны С. А. Муромцева.

Муромцевъ о самомъ себѣ.

**Высочайшая грамота
институту инженеровъ путей сообщенія.**

Божіею милостію

Мы, Николай Второй,
Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій,
Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій,
и проч., и проч., и проч.

Державною волею Императора Александра Благословеннаго для устроенія удобныхъ сообщеній въ обширномъ Отецествѣ Нашемъ сто лѣтъ тому назадъ былъ созданъ корпусъ инженеровъ путей сообщенія, а также учрежденъ особый институтъ, имѣвшій задачей готовить способныхъ дѣятелей по различнымъ отраслямъ инженернаго искусства. Образованный первоначально на положеніи воинскомъ институтъ корпуса инженеровъ путей сообщенія, соотвѣтственно требованіямъ времени, подвергался постепенно измѣненіямъ и

съ изволеніемъ блаженныя памяти дѣда Нашего Императора Алксандра II, получилъ въ 1864 г. гражданское устройство, а засимъ былъ осчастливленъ присвоеніемъ ему Высочайшаго имени Державнаго его основателя, всегда проявлявшаго особую заботливость къ призванному имъ къ жизни учреждешю, и въ первые-же годы существованія института принявшаго его подъ непосредственное Свое попеченіе. Обращая взоръ Нашъ на истекшее столѣтіе, Мы убѣждаемся въ томъ, что институтъ, въ лицѣ своихъ питомцевъ и ближайшихъ ихъ руководителей, ревностнымъ отношеніемъ къ дѣлу устроенія отечественныхъ путей сообщенія заслужилъ проявленныя къ нему въ разное время Монаршія милости. За эти сто лѣтъ трудами питомцевъ института въ государствѣ Нашемъ создана обширная сѣть желѣзныхъ дорогъ, искусственныхъ водныхъ сообщеній и шоссейныхъ путей, сблизившихъ отдаленнѣйшія его окраины и вызвавшихъ ростъ отечественной торговли и промышленности, способствовавшихъ улучшенію народнаго быта и укрѣпившихъ военную мощь государства. Намъ отрадно знать, что инженерная наука въ Россіи нынѣ идетъ въ уровень съ успѣхами ея въ другихъ странахъ, и что русскіе инженеры заняли достойное державы Нашей мѣсто среди своихъ иноземныхъ собратій. Съ чувствомъ удовлетворенія видимъ Мы на пространствѣ обширной Имперіи Нашей рядъ выдающихся сооруженій, воздвигнутыхъ русскими руками и изготовленныхъ въ Россіи матеріаловъ, и среди нихъ Великій Сибирскій путь, по своему протяженію не имѣющій себѣ равнаго въ мірѣ. Нынѣ въ знаменательный день столѣтней годовщины института инженеровъ путей сообщенія Императора Александра I Мы изъясняемъ Ему Наше благоволеніе за ревностную и плодотворную Его дѣятельность, въ твердой увѣренности, что и впредь,

вѣрный предашямъ славнаго Своего прошлаго, институтъ, сообщая своимъ питомцамъ всю полноту нужныхъ имъ знаній, будетъ внушать имъ также завѣты трудолюбія и высокога уваженія къ наукѣ, преданности къ долгу и самоотверженнаго служенія Престолу и Родинѣ.

На подлинной Собственной Его Императорскаго Величества рукою подписано:

Николай“.

Вольфсгартенъ,
20 октября 1910 года.

Высочайшій приемъ студенческихъ депутацій.

Въ портретномъ залѣ Царскосельскаго дворца 15 мая Его Императорскому Величеству Государю Императору имѣли счастье представляться депутаціи студентовъ С.-ПБ. университета, политехникума и институтовъ инженеровъ путей сообщенія, горнаго и лѣснаго, въ числѣ до 60 человекъ, въ присутствіи Министра Императорскаго Двора и дежурства, а также оберъ-гофмаршала князя Долгорукаго. Его Императорское Величество Государь Императоръ обходилъ студентовъ, удостоивая ихъ милостивою бесѣды. Затѣмъ Государь Императоръ обратился къ студентамъ съ слѣдующими высокомилостивыми словами:

„Я очень радъ былъ видѣть васъ, господа. Благодарю за ваши чувства преданности и любви къ Россіи, которыя вы смѣло исповѣдывали передъ остальными товарищами. Дай Богъ, чтобы и впредь эти чувства росли и крѣпли; тогда Россія станетъ спокойной, сильной и славной на радость Мнѣ и всѣмъ Моимъ подданнымъ. Передайте вашимъ товарищамъ, что Я буду радъ, если съ каждымъ годомъ численность ваша станетъ возрастать. Желаю вамъ успѣха, господа, на пользу вашихъ же учебныхъ заведеній, на благо родинѣ и на радость Мнѣ.“

Слова эти были встрѣчены пѣніемъ гимна и восторженными криками „ура“. Его Величество изъявилъ согласіе

снятыя со студентами на фотографической группѣ; затѣмъ обходилъ ихъ, удостоивая милостивыхъ распросовъ. Послѣ бесѣды и снятія группы, студенты, съ пѣніемъ гимна и восторженными криками „ура“, проводили Государя до внутреннихъ покоевъ.

Послѣ отбытія Его Величества въ одну изъ дворцовыхъ залъ, студентамъ былъ поданъ завтракъ à la fourchette.

Высочайшая благодарность.

Петербургъ. На всеподданнѣйшей телеграммѣ отъ 12 октября съ выраженіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ отъ имени студенческаго академическаго клуба, по случаю годовщины основанія клуба, Его Величество Государь Императоръ Собственноручно начертать изволилъ: „**Искренно благодарю академическій студенческий клубъ за любовь и преданность**“. Канцелярія Министра Двора уведомила председателя союза, что первый номеръ издаваемого со-вѣтомъ академическаго студенческаго союза и клуба журнала: „*Вѣстникъ студенческой жизни*“ представленъ Его Императорскому Величеству, и Государь Императоръ Высочайше повелѣтъ соизволилъ благодарить совѣтъ за подношеніе.

Правительственныя распоряженія.

— Министръ Народнаго Просвѣщенія, тайный совѣтникъ Шварцъ уволенъ, согласно прошенію, по болѣзни, отъ занимаемой имъ должности, съ производствомъ въ дѣйствительные тайные совѣтники и съ оставленіемъ членомъ Государственнаго Совѣта и сенаторомъ.

— Директоръ Императорскаго лицея въ память Цесаревича Николая въ Москвѣ, ординарный професоръ Императорскаго Московскаго университета, докторъ гражданскаго права, статскій совѣтникъ К а с с о назначенъ Управляющимъ М-вомъ Народнаго Просвѣщенія, съ производствомъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники.

— Ярославль. М-ромъ Н. П. утвержденъ директоромъ Демидовскаго лицея профессоръ Щегловъ.

— Управляющій Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія д. с. с. К а с с о будетъ принимать просителей и по дѣламъ службы по пятницамъ, отъ 1 до 3 час. дня, въ зданіи Министерства Нар. Просв. (у Чернышева моста).

— Высочайше утвержденнымъ особымъ журналомъ Совѣта

Министровъ положено : образовать при М-вѣ Н. П. междувѣдомственное совѣщаніе, изъ представителей Собственной Его Императорскаго Величества и Государственной канцелярій, всѣхъ прикосновенныхъ къ дѣлу вѣдомствъ, а также представителей Императорскаго Александровскаго лица, для разработки преположеній: а) о распространеніи на всѣ общеобразовательныя учебныя заведенія намѣченнаго въ проектѣ новаго университетскаго устава лишенія дипломовъ учебныхъ заведеній и ученыхъ степеней какихъ-либо правъ, кромѣ правъ на учебную службу и на соисканіе таковыхъ степеней, и б) объ установленіи, одновременно съ указанною въ пунктѣ а) мѣрою, особыхъ государственныхъ экзаменовъ, какъ способа удостовѣренія въ познаніяхъ и степени подготовки лицъ, желающихъ посвятить себя служебной или общественно-профессіональной дѣятельности, если предоставленіе правъ на послѣднюю не будетъ сохранено за специальными учебными заведеніями.

— В ы с о ч а й ш е утвержденнымъ журналомъ Совѣта Министровъ постановлено, что проректоры университетовъ утверждаются Министромъ Народнаго Просвѣщенія въ означенныхъ должностяхъ на 3 года.

— По распоряженію Управляющаго М-ствомъ Н. П. д. с. с. К а с с о, попечителямъ учебныхъ округовъ разсылается циркуляръ, въ которомъ предписывается обратить вниманіе на введеніе въ среднихъ учебныхъ заведеній курса обученія воспитанниковъ военному строю.

— Министерство Народнаго Просвѣщенія разослало попечителямъ учебныхъ округовъ циркуляры, въ коихъ излагается программа занятій съ „потѣшными“ въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, находящихся въ вѣдѣніи Министерства. Строевыя занятія: 1) строй, шеренга, флангъ, двунереночный строй, строй сомкнутый, развернутый, колонна; 2) команда предварительная и исполнительная; 3) стойка и отданіе чести; 4) повороты, построеніе, выравниваніе и расчетъ шеренги; 5) размыканіе и смыканіе шеренги. Ружейныя приемы: 1) ружье у ноги; команда: „ложись“, „встать“, „на руку“, „къ ногѣ“, „на плечо“, отъ плеча къ ногѣ, отъ ноги на караулъ; 2) повороты, движеніе съ ружьемъ и выравниваніе. Теоретическія занятія: военный уставъ. Руководство къ изученію — циркуляръ извѣстнаго организатора „потѣшныхъ“, Луцкевича, инспектора народныхъ училищъ Бахмутскаго уѣзда.

— Въ виду подлоговъ и поддѣлокъ ученическихъ аттестатовъ объ окончаніи курса, М-ство Н. П. отпечтало въ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ около полумилліона аттестатовъ снабженныхъ сложными водяными знаками.

— Совѣтъ Министровъ въ отношеніи пріема евреевъ въ среднія учебныя заведенія установилъ правила, согласно коимъ процентная норма для евреевъ въ содержимыхъ на средства казны среднихъ учебныхъ заведеніяхъ всѣхъ вѣдомствъ опредѣляется въ размѣрѣ 5 проц. общаго числа учащихся въ столичныхъ учебныхъ заведеніяхъ, 10 проц. въ учебныхъ заведеніяхъ прочихъ мѣстностей внѣ черты еврейской осѣдлости и 15 проц. въ районѣ означенной черты осѣдлости.

— **Правила приѣма евреевъ въ учебныя заведенія.** Министерство Народнаго Просвѣщенія признало необходимымъ установить съ 1910—1911 учебнаго года слѣдующія условія приѣма евреевъ въ учебныя заведенія: 1) Въ среднія учебныя заведенія, содержимыя на счетъ общественныхъ учреждений, обществъ или частныхъ лицъ, въ коихъ учаще и учащіяся или только сіи послѣдніе пользуются правами, предоставленными означеннымъ лицамъ въ правительствен. учебныхъ заведеніяхъ, евреи принимаются съ соблюденіемъ установленныхъ нормъ (ст. I отд. 1 Положенія Совѣта Министровъ) по отношенію къ общему числу принимаемыхъ въ данное учебное заведеніе впредь до того времени, когда окончатъ полный курсъ тѣ евреи, которые будутъ находиться въ учебномъ заведеніи къ началу будущаго 1910—1911 учебнаго года, т. е. въ теченіе 8 учебныхъ лѣтъ для учебныхъ заведеній съ курсомъ гимназій, считая въ гимназіи 8 основныхъ и одинъ приготовительный классъ, и 7 учебныхъ лѣтъ для учебныхъ заведеній съ курсомъ реальныхъ училищъ, считая въ нихъ 6 основныхъ, дополнительный и приготовительный классъ. 2) Съ истеченіемъ означеннаго срока, ограничительныя для приѣма евреевъ нормы начать исчислять по отношенію къ общему составу учащихся въ каждомъ отдѣльномъ учебномъ заведеніи. 3) Распространить установленныя положеніемъ Совѣта Министровъ 22 августа 1909 г. нормы (ст. I отд. 1) и на тѣ частныя учебныя заведенія, въ которыхъ отдѣльными распоряженіями Министерства разрѣшено было установить высшую норму $\frac{0}{10}$ отношенія для приѣма евреевъ. Въ отношеніи приѣма евреевъ въ специально еврейскія среднія учебныя заведенія съ правами для учащихся послѣдуетъ особое распоряженіе.

— Министерство Внутр. Д. разъяснило, что циркуляръ о примѣненіи 15-ти проц. нормы для евреевъ, учениковъ фельдшерскихъ, акушерскихъ и другихъ низшихъ медицинскихъ школъ, не распространяется на зубоврачебныя школы.

— Министерство Н. П. признало возможнымъ включить директоровъ народныхъ училищъ въ число лицъ, имѣющихъ право на безплатное обученіе сыновей въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

— Министръ Н. П. циркулярно разъяснилъ попечителямъ учебныхъ округовъ, что женщины, имѣющія степень лекаря, могутъ быть допускаемы къ исполненію обязанностей врача по глазнымъ, горловымъ и зубнымъ болѣзнямъ въ мужскихъ учебныхъ заведеніяхъ.

— Циркуляромъ по учебному вѣдомству разъяснено, что лица, окончившія курсъ учебныхъ заведеній за границей, при поступленіи въ учебныя заведенія въ Россіи или же при допущеніи ихъ къ испытаніямъ при русскихъ учебныхъ заведеніяхъ, должны предъявлять иностранные дипломы, засвидѣтельствованные по мѣсту ихъ выдачи русскими дипломатическими или консульскими чинами.

— Предсѣдателемъ Думской университетской комиссіи большинствомъ голосовъ октябристовъ и оппозиціи противъ правыхъ избранъ проф. М. В. Капустинъ, товарищемъ предсѣдателя бар. А. Ф. Мейендорфъ, секретаремъ Н. В. Некрасовъ, докладчикомъ И. В. Годневъ.

Университетская лѣтопись.

Московскій университетъ. Министръ Народнаго Просвѣщенія увѣдомилъ Императорскій Московскій университетъ, что онъ не находитъ возможнымъ утвердить профессоромъ по кафедрѣ русской исторіи избраннаго со-вѣтомъ университета привать-доцента А. А. Кизеветтера.

Кромѣ того, Министръ запросилъ медицинскій факультетъ Московскаго университета, какими мотивами онъ руководствовался, избравъ на кафедру офтальмологіи привать-доцента А. А. Маклакова и отклонивъ выступившаго вмѣстѣ съ А. А. Маклаковымъ кандидатомъ на кафедру профессора Императорскаго Новороссійскаго университета Головина.

— При клиникѣ нервныхъ болѣзней Московскаго университета состоялась закладка зданія неврологическаго института, въ которомъ будутъ помѣщаться нѣсколько лабораторій, библіотека, антропологическій кабинетъ и редакция журнала общества невропатологовъ и психіатровъ. На сооруженіе института собрано черезъ посредство проф. В. К. Рота 40,000 руб. Въ этомъ же зданіи будетъ помѣщаться неврологическій институтъ имени покойнаго профессора А. Я. Кожевникова. Постройка института будетъ закончена къ осени будущаго года. Въ текущемъ же году Московскій университетъ предполагаетъ приступить къ постройкѣ зданія психо-неврологическаго института. Такой институтъ явится первымъ не только въ Россіи, но и въ Европѣ. Университетъ командировалъ въ Америку, гдѣ имѣются подобныя учрежденія, проф. Челпанова, для детальнаго ознакомленія съ постановкой дѣла на мѣстѣ. На постройку зданія психо-неврологическаго института извѣстный московскій благодетель С. И. Щукинъ пожертвовалъ 100,000 руб.

— Въ Университетѣ подъ амфитеатрами юридической аудиторіи найдены двѣ бомбы, начиненныя македонской смѣсью и порохомъ, 1,200 патроновъ, бездымный порохъ и нелегальная литература. Повидимому находка относится къ 1905 году, ко времени университетскихъ сборищъ. Произведенъ обыскъ въ помѣщеніи общества студентовъ-юристовъ.

*) Въ настоящее время привать-доцентъ А. А. Маклаковъ утвержденъ экстраординарнымъ профессоромъ Московскаго университета.

— 30 октября въ приёмную ректора Московскаго университета явился студентъ Пирольянцъ просить объ обратномъ приёмѣ въ университетъ. Получивъ отъ ректора А. А. Мануйлова отказъ, онъ скомкалъ и бросилъ ему въ лицо какую-то бумажку. Совѣтская комиссія экстренно собралась въ засѣданіе и въ полномъ составѣ явилась на квартиру ректора выразить ему сочувствіе, и негодованіе по поводу дикой выходки студента.

Канцеляріей С.-Петербургскаго университета выдано первое свидѣтельство объ окончаніи университета г-жѣ Югенбургъ, одной изъ 3-хъ вольнослушательницъ, сдавшихъ въ нынѣшнемъ году государственный экзамень. Г-жа Югенбургъ прослушала курсъ наукъ естественнаго факультета. Кромѣ нея, въ нынѣшнемъ году окончили С.-Петербургскій университетъ г-жа Лучицкая — по юридическому факультету и г-жа Бодуень-де-Куртене — по историко-филологическому факультету.

Кіевъ. Состоялось учредительное собраніе кіевского отдѣла всероссійскаго національнаго студенческаго союза. Избраны уполномоченные для сношенія съ главнымъ совѣтомъ. Цѣль союза — развитіе національнаго самосознанія и ознакомленіе съ культурными задачами и нуждами отечества.

Юрьевъ. 28 мая юридическая испытательная комиссія при Императорскомъ Юрьевскомъ университетѣ закончила свою дѣятельность. Всего допущенныхъ къ экзаменамъ было 121 человекъ. Изъ нихъ 7 человекъ не окончили испытанія по своей волѣ, а 9 признаны не выдержавшими экзаменовъ. Остальные 105 человекъ окончили испытанія. Изъ нихъ 11 лицамъ присуждены дипломы первой степени, такъ какъ трое имѣли за сочиненія золотыя медали, одинъ серебряную медаль и семь представили одобренныя сочиненія. 48 лицамъ присуждены комиссіей дипломы 2-ой степени съ правомъ получить дипломъ 1-ой степени, если въ 6-мѣсячный срокъ будутъ представлены хорошія сочиненія. 46 лицамъ присуждены дипломы 2-ой степени. Изъ допущенныхъ къ испытаніямъ 91 представили

выпускныя свидѣтельства Юрьевского Университета, а 30 свидѣтельства другихъ университетовъ.

— Въ текущемъ семестрѣ въ засѣданіи совѣта университета утверждены три новыхъ приватъ-доцента. Всѣ трое — питомцы Юрьевского университета и доктора медицины: г. г. Бурденко, Тюльпинъ и Мазингъ. Лекціи будутъ читать: Бурденко по хирургіи, Тюльпинъ и Мазингъ — по специальной патологіи.

— Устроенная физико-математическимъ кружкомъ студентовъ научная выставка различныхъ научныхъ инструментовъ, препаратовъ и моделей въ стѣнахъ Юрьевского университета имѣла большой успѣхъ, Она охотно посѣщалась широкими кругами публики и въ особенности учащимися. Благодаря большому количеству посѣтителей, выставка имѣла и значительный матеріальный успѣхъ. Входная плата достигла 800 р. Выставку посѣтилъ прибывшій изъ г. Риги Попечитель Рижскаго учебнаго округа камергеръ С. М. Прутченко.

Опредѣленіе юридическаго факультета Императорскаго Юрьевского университета по присужденію преміи графа Сперанскаго 1-го января 1910 г. заслуж. ординар. профессору С.-Петербургскаго Университета В. И. Сергѣевичу.

По обсужденіи рецензіи профессора Э. В. Тарановскаго о сочиненіи В. И. Сергѣевича: „Древности русскаго права. Т. I и II, изд. 3-е, Спб. 1909 и 1908 гг.“, юридическій факультетъ Императорскаго Юрьевского университета, соглашаясь съ заключеніемъ профессора Э. В. Тарановскаго, остановилъ свое вниманіе на слѣдующихъ достоинствахъ сочиненія В. И. Сергѣевича.

I и II тт. „Древности русскаго права“ даютъ мастерскую и оригинальную разработку важнѣйшихъ вопросовъ государственнаго строя древней Руси до конца XVII вѣка. Первоначальное изслѣдованіе нѣкоторыхъ изъ этихъ вопросовъ и притомъ столь существенныхъ, какъ вѣчевой строй и порядокъ междукняжескихъ отношеній, составляетъ давно уже признанную заслугу автора. Ученіе о государственной территоріи впервые получаетъ въ „Древностяхъ“ строгую юридическую постановку, благодаря которой автору удалось пролить новый свѣтъ на ростъ Московскаго

единодержавія. Въ ученіи о населеніи авторъ далъ повсюду стройную юридическую конструкцію классовъ, рядовъ и сословій и обогатилъ это ученіе весьма существенно, включивъ въ него систематическую разработку московскихъ дворовыхъ чиновъ и военной службы; систематической разработки этихъ вопросовъ до сихъ поръ не было въ нашей историко-юридической литературѣ; только сдѣланное авторомъ изслѣдованіе строя дворовой и военной службы выясняетъ сущность сословной организаціи населенія въ Московскомъ государствѣ. Благодаря неутомимому и проницательному чтенію текстовъ, авторъ имѣлъ возможность выяснитъ значеніе нѣкоторыхъ разрядовъ населенія, которые въ предшествовавшей литературѣ оставались въ тѣни, напр. закладней. Ученіе о власти авторъ обогатилъ обстоятельнымъ пересмотромъ вопроса о взаимоотношеніяхъ свѣтской и духовной власти въ древней Руси и опроверженіемъ распространеннаго мнѣнія о механическомъ реципированномъ происхожденіи Московскаго самодержавія. Выводы всѣхъ историческихъ изысканій автора неизмѣнно облекаются имъ въ стройныя юридическія конструкціи.

Въ виду изложеннаго, юридическій факультетъ единогласно постановилъ, на основаніи § 3 Положенія о преміи графа Сперанскаго, признать сочиненіе В. И. Сергѣевича „Древности русскаго права, т. I и II, изд. 3-е, Спб. 1909 и 1908 гг.“ заслуживающимъ денежной преміи имени графа Сперанскаго съ малою медалью; рецензію же профессора О. В. Тарановскаго заслуживающею, въ видѣ вознагражденія за трудъ, большой медали и быть напечатанною.

Въ Казани, въ мѣстномъ университетѣ защищала диссертацию на степень доктора медицины женщина-врачъ Г. Шумкова-Трубина. Тема диссертациі „Къ морфологіи печени“. Оппоненты привѣтствовали г. Шумкову-Трубину, какъ первую женщину, защищающую диссертацию въ Казанскомъ университетѣ. Проф. Арнштейнъ оцѣнилъ диспутъ, какъ „историческое событіе“ для университета, и горячо привѣтствовалъ „недюжинную энергію и недюжинныя способности“ диссертантки. Медицинскій факультетъ единогласно призналъ г-жу Шумкову-Трубину достойной ученой

степени. Публика отвѣтила дружной оваціей по адресу первой въ Казани женщины-доктора медицины.

Харьковъ. Въ засѣданіи совѣта харьковскаго университета Александра Яковлевна Ефименко избрана единогласно докторомъ русской исторіи безъ представленія диссертациі.

А. Я. начала работать въ области народнаго быта, затѣмъ русской исторіи, по преимуществу бытовой. Съ 1907 г. А. Я. читаетъ лекціи по исторіи южной и западной Россіи на петербургскихъ высшихъ женскихъ курсахъ.

Это первый случай въ Россіи удостоенія женщины ученой степени.

Въ Одессѣ, за протестъ противъ отказа въ разрѣшеніи служить панихиду по С. А. Муромцевѣ, по распоряженію ректора университета Левашева, медики II курса лишены стипендій, пособій и освобожденія отъ платы за право слушанія лекціи. Мѣра эта, угрожающая многимъ студентамъ увольненіемъ изъ университета, вызвала среди студентовъ старшихъ курсовъ сборъ денегъ въ пользу нуждающихся. Во время сбора въ физической аудиторіи явились ректоръ, проректоръ и инспекція и конфисковали собранную сумму.

Варшава. Принято въ университетъ 645 христіанъ и 71 еврей. Осталось 100 вакансіи на математическомъ отдѣленіи. Число студентовъ на трехъ курсахъ 1926.

Томскъ. Экзамены въ юридической испытательной комиссіи при Томскомъ университетѣ, предсѣдателемъ которой въ настоящемъ академическомъ году Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія былъ назначенъ ординарный профессоръ Юрьевскаго университета М. Е. Красноженъ, окончились вполнѣ успѣшно. Изъ 64 лицъ, подавшихъ прошенія о своемъ желаніи подвергнуться испытаніямъ въ весеннюю сессію этого года, выдержали всѣ экзамены 62, изъ нихъ 19 удостоены диплома 1-й степени, а прочіе 43 — диплома 2-й степени, причемъ относительно 20 лицъ, удо-

влетворяющимъ всѣмъ условіямъ для полученія диплома 1-й степени, но не успѣвшихъ еще представить сочиненій, требуемыхъ правилами отъ лицъ, удостоиваемыхъ диплома 1-й степени, комиссія постановила ходатайствовать предъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія о предоставленіи имъ права въ 6-тимѣсячный срокъ представить требуемыя сочиненія; по одобреніи этихъ сочиненій, дипломы 2-й степени означеннымъ 20 лицамъ будутъ замѣнены дипломами 1-й степени.

— 20 мая профессору математики Технологическаго института Некрасову нанесено оскорбленіе дѣйствіемъ неизвѣстнымъ лицомъ. Какъ утверждаютъ, это былъ студентъ. Въ послѣднее время проф. Некрасовъ получалъ угрожающія письма, съ предупрежденіемъ, что будетъ избить, если не прекратитъ „рѣзать“ на экзаменахъ. Въ городѣ это событіе надѣлало много нума. Экзаменъ по этому случаю былъ отмѣненъ.

Саратовъ. Николаевскій университетъ. На Московской площади, гдѣ уже началась постройка университетскихъ зданій, будутъ возведены: центральное зданіе, бібліотека и институты — экспериментальныхъ медицинскихъ наукъ, анатомическій, физическій, химическій и др. Для остальныхъ же зданій, въ томъ числѣ и для клиникъ, городомъ отведено мѣсто вдоль желѣзнодорожной линіи, въ общемъ количествѣ 15 десятинъ. Правленіе университета, хотя и признаетъ это мѣсто относительно удовлетворительнымъ, но находитъ, что для постройки тѣхъ зданій, которыя не помѣстятся на Московской площади, у города имѣется болѣе подходящее мѣсто, а именно — участокъ земли за товарной станціей желѣзной дороги, противъ бывшей губернаторской дачи. Участокъ этотъ строительная комиссія осмотрѣла и обслѣдовала черезъ архитекторовъ при помощи буровыхъ скважинъ. Кромѣ того, этотъ участокъ осматривалъ и Товарищъ Министра Народнаго Просвѣщенія въ апрѣлѣ мѣсяцѣ текущаго года. Въ виду этого, правленіе университета проситъ городское управленіе отвести на означенномъ участкѣ для университетскихъ зданій 15 десятинъ, взамѣнъ тѣхъ 15 десятинъ, кои отведены вдоль желѣзнодорожной линіи.

По случаю исполняющагося 5 декабря этого года 75-лѣтія Императорскаго Училища Правовѣдѣнія утверждень нагрудный знакъ для бывшихъ и кончающихъ курсъ правовѣдовъ. Знакъ будетъ въ видѣ „столба законовъ“, съ короной. До сихъ поръ училище правовѣдѣнія не имѣло никакого знака.

Министерствомъ Торговли и Промышленности получены въ настоящее время слѣдующія данныя о результатахъ испытаній, бывшихъ текущей осенью въ подвѣдомственныхъ сему Министерству высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Въ С.-Петербургскій политехническій институтъ императора Петра Великаго было подано 4,001 прошеніе, принято въ число студентовъ 1,292 чел. (въ томъ числѣ 42 чел. окончившихъ высшее учебное заведеніе). Въ Кіевскій политехническій институтъ императора Александра II приступило къ испытаніямъ 949 чел., выдержало испытанія 540, принято въ институтъ 400 чел. Въ Варшавскій политехническій институтъ императора Николая II было подано 986 прошеній, принято въ студенты института 400 чел. Въ Алексѣевскій Донской политехническій институтъ было подано 638 прошеній, принято въ число студентовъ 300 чел. Въ Горномъ институтѣ императрицы Екатерины II приступило къ испытаніямъ 544 чел., выдержало 179 чел., принято въ число студентовъ института 150 чел., въ томъ числѣ 25 чел. съ высшимъ образованіемъ. Въ Екатеринославское высшее горное училище было подано 206 прошеній, приступило къ испытаніямъ 97 чел., выдержало испытанія 83 чел., принято 50 человекъ.

Ново-Александрія. 29 октября. Вслѣдствіе столкновенія, на почвѣ чисто-студенческихъ интересовъ, между студентами разныхъ группъ, произошли безпорядки, препятствовавшіе чтенію лекцій. 27 студентовъ исключены.

Сельско-Хозяйственный институтъ. Проектъ новаго устава и штатовъ Московскаго Сельско-Хозяйственнаго института уже внесенъ Главнымъ Упр. Землеустр. и Землед. въ Совѣтъ Министровъ. Согласно проекту, инсти-

тутъ сохраняетъ два отдѣленія — сельско-хозяйственное и сельско-хоз.-инженерное. Завѣдуютъ институтомъ директоръ, деканы, собраніе отдѣленій и совѣтъ; хозяйственную часть — правленіе. Для преподаванія входящихъ въ программу предметовъ учреждаются 38 кафедръ. Учебный планъ разсчитанъ на 5 лѣтъ на инженерномъ отдѣленіи и на 4 года на сельско-хозяйственномъ. Помимо теоретическаго преподаванія, по соотвѣтствующимъ предметамъ ведутся практическія занятія. Никакія студенческія организаціи внутри института не допускаются. Окончившіе курсъ въ институтѣ получаютъ званіе ученаго агронома или инженеръ-агронома. Посторонніе слушатели и неокончившіе студенты получаютъ дипломъ о пройденномъ, не дающій никакихъ правъ. Евреи въ институтъ не принимаются.

Общество народныхъ университетовъ. 4 марта состоялось годовое общее собраніе Московскаго Общества народныхъ университетовъ. Изъ отчета за 1908—1909 г. выяснилось, что Обществомъ было организовано чтеніе лекцій по слѣдующимъ отдѣламъ: юридическому, литературному, по естествознанію и исторіи. Въ теченіе пяти мѣсяцевъ были прочитаны 138 двучасовыхъ лекцій. На всѣ четыре отдѣла было взято 830 абонементныхъ билетовъ; входныхъ билетовъ на лекціи было выдано 17,825. Районныя чтенія велись въ пяти пунктахъ; всѣхъ лекцій въ районахъ было прочитано 97, билетовъ было выдано 26,026. Въ секціи средней школы въ первомъ полугодіи было 197, во второмъ — 129. Общее число учащихся въ музыкальной секціи было 454 человекъ.

Признаніе Бестужевскихъ курсовъ высшимъ учебнымъ заведеніемъ. Канцеляріей 1-го департамента Сената 29-го іюня полученъ отъ Министра Юстиціи ордеръ о приведеніи въ исполненіе Высочайше утвержденнаго 30-го мая постановленія перваго департамента Государственнаго Совѣта, которымъ уважена жалоба повѣреннаго еврейки Доры Рафаловичъ, прис. пов. Айзенберга, на распоряженіе петербургскаго градоначальника объ отказѣ въ разрѣшеніи г-жѣ Рафаловичъ, какъ окончившей курсъ

ученія на петербургскихъ высшихъ курсахъ, проживать въ столицѣ. Исполнительный указъ подписанъ 2-го іюля.

Дѣло это тянувшееся долгое время, имѣетъ большое принципиальное значеніе, такъ какъ этимъ сенатскимъ разъясненіемъ петербургскіе высшіе женскіе курсы признаются высшимъ учебнымъ заведеніемъ, дающимъ право еврейкамъ, какъ учащимся, такъ и окончившимъ, проживать внѣ черты осѣдлости.

— Съ разрѣшенія директора высшихъ женскихъ (Весту-жевскихъ) курсовъ проф. С. Е. Савича въ институтѣ состоялась сходка, посвященная памяти казенныхъ слушательницъ института Анастасіи Мамаевой и Анны Венедиктовой. Министръ Народнаго Просвѣщенія Л. А. Кассо потребовалъ отъ директора курсовъ объясненій, какимъ образомъ проф. Савичъ нашель возможнымъ разрѣшить устройство совершенно недопущенныхъ поминокъ. И. о. директора отвѣтилъ Министру, что подобныя сходки устраивались, изъ года въ годъ всякій разъ при покойномъ В. А. Фаусекѣ, и онъ не нашель поэтому возможнымъ не разрѣшить таковую въ этомъ году.

Женскій медицинскій факультетъ получилъ наслѣдство по завѣщанію М. И. Лапотникова. Наслѣдство превышаетъ 200,000 рублей. Согласно волѣ завѣщателя, проценты съ капитала должны итти бѣднѣйшимъ слушательницамъ института.

Новочеркаскъ. 15 сентября открылись высшіе женскіе курсы.

Въ Москвѣ открываются съ разрѣшенія митрополита Московскаго женскіе богословскіе курсы, подъ руководствомъ протоіерея І. Восторгова.

Томскъ, 26 октября. Открыты высшіе женскіе курсы.

Запросъ о высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Въ Государственную Думу, за подписями представителей фракціи націоналистовъ, крайнихъ правыхъ и правыхъ

октябристовъ, внесенъ запросъ, направленный къ Предсѣдателю Совѣта Министровъ о положеніи въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Подписавшіе обращаются къ Предсѣдателю Совѣта Министровъ со слѣдующимъ: „Извѣстно ли Предсѣдателю Совѣта Министровъ: 1) что въ цѣломъ рядѣ высшихъ учебныхъ заведеній завѣдываніе стипендіями и т. п. находится въ рукахъ студенческихъ организацій, дѣйствующихъ на началахъ общестуденческаго представительства и допускающихъ въ своей дѣятельности значительныя злоупотребленія; 2) что въ тѣхъ же учебныхъ заведеніяхъ вплоть до апрѣля 1910 года былъ рядъ противозаконныхъ студенческихъ сходокъ, для прекращенія коихъ и для наказанія виновныхъ учебное начальство не приняло надлежащихъ мѣръ; 3) что въ высшія учебныя заведенія противозаконно имѣютъ доступъ лица постороннія и что тамъ происходятъ сцены полового разврата; 4) что въ Горномъ институтѣ дѣйствовала особая междусовѣтская коммисія, гдѣ профессора засѣдали со студентами, изъ которыхъ трое были ставленниками студенческихъ революціонныхъ организацій; 5) что среди профессоровъ, состоящихъ на государственной службѣ, рядъ лицъ принадлежитъ къ нелегальной организаціи, именующей себя — конституціонно-демократической партіей, и что нѣкоторые изъ этихъ лицъ, призванныя правительствомъ къ воспитанію юношества, лишены избирательныхъ правъ и отбыли тюремное наказаніе за призывъ не повиноваться правительству, и 6) что одно изъ этихъ лицъ — Гредескуль, въ настоящее время въ качествѣ профессора въ своихъ лекціяхъ возбуждаетъ слушателей противъ правительства и существующаго государственнаго строя; что такое же возбужденіе встрѣчается въ лекціяхъ другою профессоромъ — Гессена, что сдача студенческихъ экзаменовъ по этимъ лекціямъ является обязательной для получения диплома, дающаго права государственной службы. Если изложенное правительству извѣстно, то какія мѣры оно намѣрено принять для устроенія указанныхъ незаконныхъ дѣяній и для привлеченія виновныхъ къ законной отвѣтственности. Настоящій запросъ просятъ признать спѣшнымъ.“

Учебное дѣло.

Министерство Народнаго Просвѣщенія выработало законопроектъ о среднеучебныхъ заведеніяхъ.

Всѣ они будутъ называться гимназіями, для всѣхъ устанавливается шестилѣтній курсъ съ одинаковой программой, за исключеніемъ языковъ. Въ однихъ гимназіяхъ предположено преподавать оба древніе языка, въ другихъ латинскій и одинъ изъ новыхъ (обязательно), въ третьихъ французскій и нѣмецкій. Приготовительный и два младшихъ класса образуютъ особый типъ низшихъ училищъ, откуда будутъ поступать или въ гимназіи (въ III кл.) или въ высшія начальныя училища.

Такъ какъ потребность въ средне-учебныхъ заведеніяхъ растетъ годъ отъ году и казна, по мнѣнію Министерства, ея удовлетворить не въ состояніи, то проектируется привлечь къ расходамъ на гимназіи города и земства.

На долю послѣднихъ должно пасть $\frac{2}{3}$ всѣхъ расходовъ, казна ограничится выдачей субсидіи, въ размѣрѣ одной трети. Для увеличенія доходности гимназій Министерство находитъ возможнымъ увеличить плату за ученіе до 100 рублей въ годъ и ограничить число бесплатныхъ вакансій 10 проц.

Штаты по новому проекту о гимназіяхъ. Внесенный Министромъ Народнаго Просвѣщенія новый проектъ о гимназіяхъ устанавливаетъ, между прочимъ, и новые штаты. Законоучители, учителя и учительницы съ высшимъ образованіемъ получаютъ въ первыя пять лѣтъ службы окладъ въ 900 рублей въ годъ за 12 недѣльныхъ уроковъ и пользуются правомъ на 4 пятилѣтнихъ прибавки по 300 руб. каждая, доводящая окладъ содержанія за 12 уроковъ черезъ 20 лѣтъ до 2,100 руб. Дополнительные (сверхъ 12) уроки оплачиваются по 75 руб. за годовой урокъ. Учителя и учительницы безъ высшаго образованія, а также учителя и учительницы подготовительнаго класса, будутъ получать по новому проекту пониженное содержаніе въ размѣрѣ 750 руб. въ годъ за 12 недѣльныхъ уроковъ въ началѣ службы и по 1,350 руб. черезъ 20 лѣтъ со вре-

мени начала ихъ служебно-педагогической дѣятельности. За дополнительные уроки учителя и учительницы этой категоріи получаютъ по 60 руб. Учителя и учительницы графическихъ искусствъ съ высшимъ художественнымъ или техническимъ образованіемъ будутъ получать въ гимназіяхъ безъ древнихъ языковъ по 900 руб. за 15 недѣльныхъ уроковъ, а за дополнительные уроки по 60 руб. Учителя и учительницы рисованія въ гимназіяхъ съ древними языками получаютъ 360 руб. въ годъ съ четырьмя пятилѣтними прибавками по 100 руб. за 6 недѣльныхъ уроковъ. Директоръ и начальница гимназій получаютъ по 75 руб. за годовой урокъ. Сторонніе преподаватели и преподавательницы съ высшимъ образованіемъ получаютъ по 75 руб., а безъ высшаго — по 60 руб. за годовой урокъ. Классные наставники и наставницы получаютъ за наставничество въ одномъ классѣ — 600 руб., а въ двухъ 1,200 руб. Классныя наставницы, назначенныя не изъ числа учительницъ, получаютъ содержаніе въ 600 руб. и пятилѣтними прибавками изъ средствъ казны не пользуются. Инспектору присваивается содержаніе въ 2,700 руб. жалованья и 675 руб. квартирныхъ (при отсутствіи готовой квартиры) и за уроки по 75 руб. Воспитателю присваиваются оклады въ 900 р. въ началѣ службы и 2,100 руб. по истеченіи 20 лѣтъ. Директоръ и начальница гимназій получаютъ вмѣстѣ съ квартирными 4,500 р. въ годъ. Пенсіи назначаются при выходѣ въ отставку, прослужившимъ не менѣе 25 лѣтъ по учебной службѣ: директору и начальницѣ гимназій по 2,000 руб. въ годъ, инспектору — 1,700 руб., учителямъ и учительницамъ съ высшимъ образованіемъ — 1,200 руб., а безъ высшаго — 720 руб. Учителямъ и учительницамъ, перешедшимъ изъ какого-нибудь учебнаго заведенія вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія на службу въ гимназію, содержимую Министерствомъ, земствомъ, городомъ, сельскимъ обществомъ или сословіемъ, засчитывается педагогическая дѣятельность въ прежнемъ учебномъ заведеніи въ срокъ выслуги высшихъ окладовъ.

Министерство Народнаго Просвѣщенія въ 1911 году предполагаетъ открыть 20 новыхъ гимназій, 9 реальныхъ учи-

лищъ, 4 учительскихъ института, 6 учительскихъ семинарій, 4 школы для ремесленныхъ учениковъ, 10 низшихъ ремесленныхъ школъ и одно ремесленное училище, и преобразовать двѣ прогимназіи въ гимназіи. А именно:

1) реальныя училища: въ Юрьевѣ-Польскомъ (Владимірской губ.); Осташковѣ (Твер. губ.); Тотъмѣ (Вологод. губ.); Малой Вишерѣ (Новгород. губ.); Островѣ (Псков. губ.); Витебскѣ; Томскѣ; Ефремовѣ (Тульск. губ.); Бахмутѣ (Екатериносл. губ.);

2) учительскіе институты въ Тулѣ; Нижнемъ-Новгородѣ; Новочеркасскѣ; Самарѣ;

3) учительскія семинаріи въ Александріи (Херсон. губ.); Великомъ Устюгѣ (Вологод. губ.); Кіевѣ; Лубнахъ (Полтав. губ.); Мглинѣ (Черниг. губ.); Оршѣ, (Могил. губ.);

4) школы ремесленныхъ учениковъ въ селѣ Устьѣ (Вологод. губ.); зав. Огерскомъ (Перм. губ.); Чердынѣ (Перм. губ.); Ржевѣ (Твер. губ.);

5) низшія ремесленныя школы въ Мещовскѣ (Калуж. губ.); Житомирѣ (Волин. губ.); Курганѣ (Тобол. губ.); Скопинѣ (Рязан. губ.); Липецкѣ (Тамбов. губ.); Черкассахъ (Кіевск. губ.); Красноборскѣ (Вологод. губ.); слободѣ Ютановкѣ (Ворон. губ.); Устьсысольскѣ (Вологод. губ.); Темиръханъ-Шурѣ (Дагест. обл.) и

6) ремесленное училище — въ Варшавѣ.

М-ство Н. П. отклонило ходатайство съѣзда учителей, прослужившихъ пять лѣтъ, держать экзаменъ на званіе учителя гимназіи.

Усиленіе медицинскаго надзора въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. М-ство Н. П. съ осени нынѣшняго года рѣшило организовать при каждомъ изъ среднихъ учебныхъ заведеній медицинскую комиссію для освидѣтельствованія поголовно всѣхъ учащихся. Такая комиссія для осмотра учащихся вызвана желаніемъ М-ства добиться того, чтобы среди воспитанниковъ не было какихъ-либо секретныхъ заразныхъ заболѣваній. Кромѣ того, одинъ разъ въ годъ, передъ началомъ занятій, всѣ учащіеся будутъ подвергаемы изслѣдованію крови по способу Вестермана.

Въ связи съ циркуляромъ М-ва Н. П. о признаніи неудовлетворительнымъ сочиненія по русск. яз. за 8 кл. даже съ одной орфографической ошибкой, учителя Житомирской I гимназіи ввели новый родъ занятій — диктовки. Первая диктовка въ 8 классѣ дала неожиданные результаты. Удовлетворительную отмѣтку получило всего 3 ученика. Даже кандидаты на полученіе медалей оказались безграмотными. О другихъ говорить нечего. Одинъ даже изукрасилъ свою диктовку 19-ью орфогр. и 27-ью синтаксич. ошибками.

Попечитель С.-Петербургскаго учебнаго округа разослалъ циркуляръ начальникамъ среднихъ учебныхъ заведеній съ предложеніемъ „по мѣрѣ силъ бороться съ куреніемъ учащихся“.

Подложные аттестаты. Въ Вильнѣ закончено судебное слѣдствіе по дѣлу о подложныхъ аттестатахъ. Привлекается до 127 человекъ; небольшая часть изъ нихъ — поставщики, остальные — потребители, проникнувшіе, благодаря купленнымъ ими документамъ, въ высшія учебныя заведенія.

Юбилей.

Юбилей Берлинскаго университета.

28 сентября (11 октября).

На устроенномъ по случаю столѣтняго юбилея Берлинскаго университета торжественномъ актѣ присутствовали: Императорская чета, наслѣдный принцъ, остальные принцы и принцессы, а также высшіе сановники, президентъ парламента, ректоры иностранныхъ университетовъ, въ томъ числѣ — С.-Петербургскаго, и многочисленные другіе почетные гости. Въ вестибюлѣ былъ выставленъ почетный караулъ отъ полка Императора Александра, а также стояли шпалерами выборные студенческихъ корпорацій.

Ректоръ Берлинскаго университета произнесъ привѣтственную рѣчь, широко очертивъ картину мощнаго развитія

университетской науки за истекшее столѣтіе и охарактеризовавъ высокія задачи, которыя современность ставитъ университетамъ.

Послѣ этого императоръ Вильгельмъ взошелъ на трибуну. Въ своей рѣчи императоръ указалъ на международное значеніе Берлинскаго университета и подчеркнул затѣмъ необходимость созданія, на ряду съ академіями наукъ и университетами, въ качествѣ неотъемлемыхъ частей единаго научнаго организма, еще особыхъ самостоятельныхъ научныхъ институтовъ, которые должны бы служить исключительно цѣлямъ изслѣдованія, главнымъ образомъ — въ области естествознанія. Учрежденіе такихъ научныхъ организацій представляется Императору священной задачею настоящаго времени. Частными жертвователями уже представлено для этой цѣли въ распоряженіе Императора отъ девяти до десяти милліоновъ марокъ. Теперь Императоръ желалъ бы учредить имѣющее находиться подъ его покровительствомъ общество своего имени, для созданія и поддержанія такого рода научныхъ институтовъ. Этому обществу Императоръ передастъ собранныя средства и полагаетъ, что этому предпріятію будетъ оказана поддержка и со стороны государства.

Послѣ рѣчи Императора Вильгельма собраніе провозгласило „Noch“ въ честь Императора и пропѣло гимнъ.

Затѣмъ Министръ Народнаго Просвѣщенія, отъ имени своего вѣдомства и ландтага, сообщилъ о передачѣ городу Берлину въ даръ перестроенной заново бывшей королевской библіотеки съ новымъ актовымъ заломъ. Городъ Берлинъ пожертвовалъ 200,000 марокъ на стипендіи для научныхъ путешествій.

Далѣе приносили свои поздравленія представители университетовъ другихъ государствъ, причемъ отъ имени славянскихъ университетовъ говорилъ ректоръ С.-Петербургскаго университета.

Въ отвѣтъ на привѣтствія иностранныхъ университетовъ ректоръ относительно славянскихъ университетовъ сказалъ: „Предводимая Россією славянская группа можетъ, подобно германскимъ университетамъ, гордиться своимъ трудолюбіемъ и глубокимъ проникновеніемъ въ науку“.

По случаю празднованія столѣтія университета юридическій факультетъ поднесъ Императору дипломъ доктора *honoris causa*.

Избраны докторами *honoris causa* богословскимъ факультетомъ профессоръ Гиргенсонъ въ Юрьевѣ, философскимъ — Великій Князь Николай Михайловичъ и академикъ Шахматовъ въ С.-Петербургѣ и юридическимъ факультетомъ профессоръ нынѣ Оксфордскаго, прежде Московскаго университета, Павелъ Виноградовъ.

Юбилей института инженеровъ путей сообщенія Императора Александра I.

(31 октября — 3 ноября.)

Путейскій институтъ преобразился. Передъ главнымъ входомъ въ институтъ сооружена грандіозная арка изъ зелени, освѣщаемая разноцвѣтными электрическими лампюнами. Внутри всюду пальмы, живыя растенія и національныя флаги. Воздвигнуто много красивыхъ кіосковъ.

Въ воскресенье, 31 октября, въ девять часовъ утра, въ институтской церкви началась литургія, которую совершалъ профессоръ богословія, протоіерей о. Городцевъ въ сослуженіи съ другимъ духовенствомъ.

Небольшая институтская церковь переполнена. Здѣсь высшіе чины Министерства Путей Сообщенія, профессора столичныхъ высшихъ учебныхъ заведеній, представители различныхъ депутацій, французскіе гости — делегаты отъ парижской высшей инженерной академіи путей сообщенія проф. Клейнъ, Рабю, д'Оконъ, студенты-путейцы, бывшіе питомцы института и многіе другіе. Въ церкви присутствовали вся администрація института, профессора, преподаватели, во главѣ съ директоромъ проф. Брандтомъ и инспекторомъ проф. Янковскимъ. Торжественная литургія и панихида окончились въ концѣ перваго часа дня.

Въ половинѣ втораго дня въ залѣ Дворянскаго собранія начался торжественный актъ, пріемъ депутацій и чтеніе многочисленныхъ адресовъ. Въ 10 час. вечера въ зданіи института состоялся раутъ для депутацій и прочихъ участниковъ торжества.

На юбилейной выставкѣ института перебивало болѣе 3000 человекъ. Выставка богата проектами и чертежами всевозможныхъ каменныхъ, желѣзныхъ, и желѣзно-бетонныхъ мостовъ, а также историческими документами до Высочайшихъ рескриптовъ Императора Александра I и послѣдующихъ государей, дарованныхъ институту, какъ высшая награда и Монаршая милость. На выставкѣ выставлены въ красивой группировкѣ и всѣ адреса текущаго юбилея — отъ всевозможныхъ учреждений. Особенно интересенъ даръ Горнаго института — глыба изъ горнаго хрусталя.

Во вторникъ, 2 ноября, въ 10 часовъ вечера, въ залахъ дворянскаго собранія состоялся юбилейный балъ, устроенный обществомъ вспомошествованія недостаточнымъ студентамъ института. Юбилейныя празднества закончились общимъ обѣдомъ всѣхъ инженеровъ, состоявшимся 3 ноября. Въ обѣдѣ участвовало болѣе 500 человекъ.

Гр. П. С. Уварова, по случаю 25-лѣтія предсѣдательства въ Императорскомъ Московскомъ археологическомъ обществѣ избрана Московскимъ и Кіевскимъ университетами въ почетные члены.

Въ Варшавѣ, въ воскресенье, 24 октября, состоялся рѣдкій въ научномъ мірѣ юбилей: исполнилось сорокъ лѣтъ непрерывной дѣятельности заслуженнаго профессора по кафедрѣ исторіи славянскихъ законодательствъ Зигеля.

Въ Харьковскомъ университетѣ состоялось чествованіе извѣстнаго окулиста профессора Гиршмана по случаю его 50-лѣтняго юбилея.

Праздникъ академистовъ.

10 октября исполнился годъ со дня открытія общестуденческаго академическаго клуба въ Лѣсномъ. На этотъ

день было назначено въ помѣщеніи клуба торжественное молебствіе, вечеромъ — балъ.

Къ двумъ часамъ дня помѣщеніе клуба было переполнено студентами-академистами высшихъ учебныхъ заведеній Петербурга.

Въ 2 ч. 30 м. дня прибылъ предсѣдатель Совѣта Министровъ П. А. Столыпинъ.

Начался молебенъ. Послѣ прекраснаго слова, сказаннаго учащимся о. Троицкимъ, предсѣдатель клуба студ. Л. А. Балицкій огласилъ текстъ телеграммы, посланной студентами-академистами на Высочайшее Имя. При громовомъ „ура“ былъ тоекратно исполненъ гимнъ.

Секретарь клуба, студентъ К. И. Федюшинъ, прочелъ краткій отчетъ о дѣятельности академическихъ корпорацій. Было сообщено и о тяжелыхъ минутахъ академической жизни: о бойкотѣ, о недружелюбномъ отношеніи профессоровъ, о лишеніи стипендій.

Получена масса телеграммъ; задушевностью дышала телеграмма заслуженнаго профессора Золотарева.

П. А. Столыпинъ, обратился къ молодежи съ такими словами:

„Я не предполагалъ сегодня говорить, но послѣ всего, что я слышалъ, я долженъ сказать вамъ: Радъ сегодня быть среди васъ. Услышавъ все, что здѣсь говорилось, я сливаюсь душой съ вами и переживаю то, что вы пережили. Я вѣрю въ великую мощную Россію и вѣрю въ то, что именно вы будете ея представителями. Я вѣрю въ русскій духъ и вижу его въ васъ, господа. Я долженъ сейчасъ уѣхать, но не говорю вамъ „прощай“, нѣтъ, я говорю вамъ: „здравствуй“, молодая, здоровая Россія“. Провожаемый бурными привѣтствіями, П. А. Столыпинъ прослѣдовалъ въ паркъ при клубѣ, гдѣ вмѣстѣ со студентами снялся.

Въ 5 часовъ вечера въ клубѣ состоялся банкетъ болѣе чѣмъ на 100 кувертовъ. Обѣдъ прошелъ очень оживленно, къ концу былъ полученъ еще цѣлый рядъ телеграммъ: отъ ст. секр. Кривошеина, членовъ Гос. Совѣта адм. Бирилева, вице-адмирала Григоровича, нѣсколькихъ бывшихъ академистовъ, окончившихъ курсъ, находящихся внѣ Петербурга.

Вечеромъ состоялся балъ.

10-го октября клубомъ студентовъ академистовъ получены были слѣдующія телеграммы:

Отъ великаго князя Михаила Александровича:

„Искренно благодарю старшинъ клуба за приглашеніе, желаю процвѣтатія клубу и успѣшныхъ занятій всѣмъ членамъ его.

Михаилъ.

Отъ великаго князя Николая Николаевича:

„Очень благодарю совѣтъ старшинъ академическаго клуба за любезное приглашеніе, но быть не могу.

Николай.

Проектъ новаго университетскаго устава.

Главное начальство надъ университетами, какъ учреждениями государственными, и общее руководство принадлежитъ Министру Народнаго Просвѣщенія. Ближайшія же функціи контроля и надзора за дѣятельностью университета присваиваются попечителю учебнаго округа. Въ опредѣленіи функцій попечителя по отношенію къ университетамъ проектъ устава мало чѣмъ отличается отъ устава 1884 года. Объяснительная записка указываетъ, что еслибы контроль надъ университетами осуществлялся самимъ Министерствомъ, то онъ обратился бы въ бумажный, или получилъ бы характеръ случайности, ограничившись командированіемъ временныхъ ревизоровъ. Дѣйствительный же надзоръ и контроль надъ университетами могутъ быть осуществляемы только чрезъ лицъ, находящихся въ непосредственномъ общеніи съ университетами, т.-е. чрезъ попечителей. Попечитель является, по выраженію объяснительной записки, естественнымъ посредникомъ между университетомъ и Министерствомъ. По этимъ соображеніямъ попечителю предоставляется наблюдать за точнымъ исполненіемъ закона и правилъ всѣми университетскими должностными лицами; попечитель имѣетъ право созывать собранія совѣта, правленія и факультетовъ, а равно присутствовать въ этихъ собраніяхъ. Дѣятельность университета должна всегда быть доступна контролю попечителя, а въ случаяхъ чрезвычайныхъ попечитель дѣйствуетъ самостоятельно, принимая всѣ необходимыя мѣры, хотя бы онѣ и выходили изъ предѣловъ предоставленной ему власти. Попечитель возбуждаетъ дѣла объ отвѣтственности всѣхъ должностныхъ лицъ до пятаго класса включительно и представляетъ къ награжденію достойныхъ. Всѣ сношенія Министра съ университетомъ и всѣ представленія послѣдняго Министерству происходятъ чрезъ попечителя.

Должность ректора замѣщается посредствомъ выборовъ въ совѣтъ университетовъ. Проектъ исходитъ изъ положенія, что выборный

ректоръ долженъ явиться отвѣтственнымъ представителемъ университета. Въ виду этого ректоръ, облеченный довѣріемъ совѣта, получаетъ такую полноту правъ, которая позволяетъ ему дѣйствовать въ должной мѣрѣ самостоятельно.

Ректоръ завѣдуетъ всѣми частями университетскаго правленія, на него возлагается обязанность блюсти за исполненіемъ закона и за правильнымъ ходомъ учебнаго дѣла въ университетѣ, а потому ему предоставляется право обозрѣвать всѣ части университетскаго правленія, дѣлать указанія какъ должностнымъ лицамъ, такъ и служащимъ по учебной части съ доведеніемъ до свѣдѣнія факультета, совѣта и попечителя объ ихъ неисправныхъ дѣйствіяхъ. Въ случаяхъ чрезвычайныхъ ректоръ имѣетъ право принимать нужныя мѣры, хотя бы онѣ и превышали принадлежащую ему власть, дѣлая объ этихъ мѣрахъ немедленное представленіе попечителю. Ректоръ избирается изъ ординарныхъ профессоровъ. Выборы утверждаются Министромъ Народнаго Просвѣщенія; назначается ректоръ на три года приказомъ. Объяснительная записка указываетъ, что необходимо принять мѣры на тотъ случай, когда партійные расчеты могли бы взять верхъ надъ безпристрастіемъ большинства и избраннымъ въ ректоры оказалось бы лицо, не представляющее гарантій достаточной самостоятельности и авторитетности въ столь отвѣтственной дѣятельности. Эти мѣры заключаются въ слѣдующемъ: если избранный совѣтомъ кандидатъ въ ректоры не будетъ утвержденъ Министромъ, то назначаются новые выборы, причемъ не утвержденный кандидатъ не можетъ быть вновь избираемъ совѣтомъ. Въ случаѣ вторичнаго неутвержденія избраннаго кандидата, ректоръ назначается изъ ординарныхъ профессоровъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія на три года.

Въ помощь ректору избирается совѣтомъ профессоровъ проректоръ срокомъ на три года; по отношенію къ проректору соблюдаются тѣ же правила избранія и утвержденія, какія установлены по отношенію къ ректору. Другимъ помощникомъ ректора, завѣдующимъ всей хозяйственной частью въ университетѣ, является совѣтникъ по хозяйственной части, который назначается изъ лицъ съ высшимъ образованіемъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія.

Всѣ должностныя лица по хозяйственной части, какъ экзекуторъ, архитекторъ, смотритель клиникъ и т. д., представляются на утвержденіе правленія ректоромъ по соглашенію съ совѣтникомъ по хозяйственной части, а утверждаются попечителемъ. Завѣдываніе отдѣльными факультетами въ смыслѣ наблюденія за ходомъ преподаванія возлагается на декановъ, которые избираются собраніями факультетовъ изъ ординарныхъ профессоровъ на 4 года и утверждаются Министромъ Народнаго Просвѣщенія. По отношенію къ выборамъ декана установлены такія же правила, какъ по отношенію къ выборамъ ректора т.-е. Министру предоставляется право, въ случаѣ двукратнаго неутвержденія декана, назначать такового по своему усмотрѣнію изъ ординарныхъ профессоровъ. На факультеты возлагается распределеніе курсовъ по учебнымъ годамъ, разсмотрѣніе программъ, составленіе пра-

вилъ для устройства научныхъ кружковъ, разрѣшеніе отдѣльныхъ дѣлъ о пріемѣ въ число студентовъ и постороннихъ слушателей и о переходѣ студентовъ изъ одного университета въ другой, ходатайства о назначеніи студентамъ стипендій и пособій, присужденіе, съ утверженіемъ совѣта, ученыхъ степеней.

Избраніе секретаря факультетовъ, лекторовъ и лицъ, состоящихъ при учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ, а также допущеніе лицъ, имѣющихъ право быть привать-доцентами, къ чтенію лекцій въ университетѣ, поступають на утвержденіе попечителя учебнаго округа. На утвержденіе Министра Народнаго Просвѣщенія поступають: рѣшеніе факультетовъ объ избраніи декана, объ избраніи кандидата на вакантныя должности профессоровъ и доцентовъ, ходатайство о допущеніи лицъ, окончившихъ курсъ въ иностранныхъ университетахъ, къ испытанію въ факультетскихъ комиссіяхъ, командировки и ходатайства объ оставленіи на дальнѣйшей службѣ въ университетѣ доцентовъ по выслугѣ ими 25 лѣтъ. Право избранія профессоровъ отнято такимъ образомъ у совѣтовъ а передано факультетскимъ собраніямъ.

Въ совѣтъ университета входятъ лишь ординарные профессора и въѣдомству совѣта предоставлено весьма ограниченное количество дѣлъ, а именно: утвержденіе въ ученыхъ степеняхъ лицъ, коимъ эти степени присуждены факультетами, избраніе предсѣдателя библіотечной комиссіи и составленіе годового отчета и назначеніе ежегодно дня торжественнаго собранія университета. Эти важныя дѣла предоставляются окончательному рѣшенію совѣта. Подлежатъ утвержденію попечителя округа слѣдующія рѣшенія совѣта: библіотечныя правила, избраніе секретаря совѣта и его помощника, а равно библіотекаря и его помощника.

Подлежатъ утвержденію Министра Народнаго Просвѣщенія: избраніе ректора и проректора, правила для студентовъ и постороннихъ слушателей, предположеніе факультетовъ о раздѣленіи, соединеніи, объ открытіи новыхъ каѳедръ, избраніе почетныхъ членовъ университета, устройство торжественныхъ собраній и ходатайство объ учрежденіи ученыхъ обществъ въ университетѣ. По словамъ объяснительной записки, подчиненіе факультетовъ и правленія совѣтамъ линаетъ факультеты и правленіе самостоятельности и сознанія отвѣтственности, а съ другой стороны передача совѣту всѣхъ дѣлъ, касающихся жизни университета, ведетъ къ случайнымъ рѣшеніямъ, сообразно тому или иному настроенію совѣтскаго большинства. Всѣ хозяйственныя и денежныя дѣла университета сосредоточиваются въ правленіи, въ составъ котораго входятъ: ректоръ, проректоръ и деканы, а также новый чиновникъ, носящій титулъ совѣтника по хозяйственной части; послѣдній назначается Министромъ и, какъ объясняетъ записка, пользуясь достаточной самостоятельностью, можетъ оказать помощь ректору и въ то же время придать университетскому хозяйству планомѣрность и въ экономическомъ и въ учено-учебномъ отношеніи. Секретарь правленія, бухгалтеръ, а равно всѣ должностныя

лица утверждаются попечителемъ. Попечитель же утверждаетъ составленныя правленіемъ правила для завѣдыванія университетскими клиниками, ему принадлежитъ утвержденіе условій и контрактовъ на сумму не свыше 10.000 руб., назначеніе стипендій или пособій студентамъ по ходатайству факультетовъ; условія же и контракты на сумму не свыше 10.000 р., а равно предположенія факультетовъ объ учрежденія учебно-вспомогательныхъ установленій утверждаются Министромъ по представленію правленія.

Попечителемъ, по ходатайству факультетовъ, утверждаются лица, оставляемые при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію.

По отношенію къ учащимся уставъ исходитъ изъ той точки зрѣнія, что общеніе между студентами и профессорами должно ограничиваться исключительно сферой науки. Поэтому проектъ устраняетъ вмѣшательство университета во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда студенты хотятъ на общемъ основаніи воспользоваться правами, предоставляемыми имъ общими законами, какъ — право образовывать общества и устраивать собранія съ тѣмъ, чтобы права эти были использованы внѣ стѣнъ университета: въ стѣнахъ же его никакихъ студенческихъ собраній, кромѣ обычныхъ собраній для слушанія лекцій и для практическихъ занятій, не можетъ быть допущено. По словамъ записки, всѣ постороннія учебнымъ цѣлямъ общества только отвлекаютъ студентовъ отъ учебныхъ занятій. Поэтому въ стѣнахъ университета не можетъ быть допущена дѣятельность какихъ бы то ни было студенческихъ обществъ и организацій. Опытъ правилъ 11 іюня 1907 г., давшихъ возможность образованія студенческихъ обществъ и организацій въ стѣнахъ университетовъ, привелъ лишь въ тому, что безчисленныя студенческія общества своими постоянными собраніями и сходками стали угрожать университетамъ полнымъ прекращеніемъ собственно учебной дѣятельности. Записка ссылается на примѣръ западныхъ университетовъ въ доказательство того, что студенческія общества могутъ лучше развиваться внѣ стѣнъ университетовъ, на основаніи общихъ законовъ. Пора прекратить въ университетахъ господство студенческой сходки. Пора у политической смуты отнять университеты, которыми она пользуется, какъ своими надежными цитаделями; пора установить неизблемымъ закономъ, что наши университеты существуютъ только для науки и ученія.

Исходя изъ этихъ основныхъ предпосылокъ, проектъ возлагаетъ ближайшее наблюденіе за исполненіемъ студентами правилъ на особыхъ факультетскихъ приставовъ, избираемыхъ ректоромъ и утверждаемыхъ попечителемъ учебнаго округа. Инструкція для приставовъ точно также утверждается попечителемъ.

Профессора избираются факультетами. Послѣ публичнаго курса Министръ Народн. Просв. или утверждаетъ одного изъ представленныхъ факультетомъ кандидатовъ, или же замѣщаетъ вакантную профессорскую должность лицомъ по своему усмотрѣнію, причемъ это лицо должно удовлетворять опредѣленнымъ требованіямъ, т.-е.

имѣть степень доктора. Профессоръ богословія назначается Министромъ Народнаго Просвѣщенія. Такимъ же точно образомъ, какъ и должности профессоровъ, замѣщаются и должности доцентовъ. Привать-доценты избираются факультетомъ и утверждаются попечителемъ, причемъ послѣдній можетъ устранить привать-доцента отъ преподаванія собственной властью.

Въ студенты принимаются только лица, окончившія курсъ гимназій. Студентамъ не возбраняется образовывать разнаго рода общества, на основаніи общихъ законоположеній, съ тѣмъ, чтобы дѣятельность обществъ происходила внѣ стѣнъ университета. Точно такъ же студенты могутъ устраивать собранія, на основаніи общихъ законоположеній. Въ стѣнахъ университета никакія студенческія собранія не допускаются. Въ видѣ исключенія на богословскомъ факультетѣ Юрьевского университета преподаваніе ведется на нѣмецкомъ языкѣ, а въ Варшавскомъ университетѣ преподаваніе польскаго языка и исторіи польской литературы производится на польскомъ языкѣ.

Для евреевъ, во избѣжаніе недоразумѣній, примѣняется норма, установленная положеніемъ Совѣта Министровъ отъ 16 сентября 1908 года, а именно: для столичныхъ университетовъ 3⁰/₀ общаго числа учащихся, для другихъ университетовъ, находящихся внѣ черты — 5⁰/₀ и для университетовъ, находящихся въ чертѣ осѣдлости — 10⁰/₀.

Въ представленіи высказывается пожеланіе о томъ, чтобы уставъ былъ введенъ въ дѣйствіе съ 1 января 1911 года. Что касается штатовъ, то для ординарнаго профессора съ прибавками высшей окладъ устанавливается въ 6 тыс. руб., для экстра-ординарнаго высшей окладъ 4 тыс. руб., для доцента — 2.400 руб. Ректоръ, сверхъ содержанія по должности профессора, получаетъ 2.500 руб. и квартиру натурой, проректоръ — 1.500 руб. и квартиру натурой и деканъ — 1.000 руб.

Плата за обученіе, во избѣжаніе скопленія студентовъ въ столичныхъ университетахъ, установлена: для Петербургскаго и Московскаго университетовъ — 150 руб. для остальныхъ — 100 руб.

Наши невознаградимыя потери.

Одинъ за другимъ сходятъ въ могилу лучшіе представители русской науки. Въ короткое время мы потеряли любимаго директора высшихъ женскихъ курсовъ профессора зоологіи В. А. Фауссека; профессора и извѣстнаго славянскаго дѣятеля В. М. Володимірова; старѣйшаго профессора, бывшаго ректора Казанскаго университета Н. А. Кремлева; профессора Новороссійскаго университета Чижова; извѣстнаго знатока каноническаго права профессора С.-Петербургскаго университета и члена Государственнаго Совѣта протоіе-

рея М. И. Горчакова; профессора и перваго предсѣдателя Государственной Думы С. А. Муромцева; профессора богословія въ Московскомъ университетѣ протоіерея Н. А. Елеонскаго; профессора Дриля . . . Сколько славныхъ именъ! Старыя силы умирають; молодыхъ научныхъ силъ въ послѣднее время нарождается очень мало . . . М. К.

Некрологи.

7 ноября въ 6 ч. 5. м. (по московскому времени) скончался Л. Н. Толстой.

В. А. Фаусекъ. †

Въ ночь на 1 іюля въ Кіевѣ, въ Тарасовской лечебницѣ, скончался отъ болѣзни почекъ, на 49-мъ году жизни директоръ высшихъ женскихъ бестужевскихъ курсовъ, профессоръ зоологіи Викторъ Андреевичъ Фаусекъ.

В. М. Володиміровъ. †

Въ ночь на 5 іюля скончался послѣ тяжелой болѣзни бывшій заслуженный профессоръ Александровской военно-юридической академіи Владиміръ Михайловичъ Володиміровъ. Покойный родился 23 декабря 1840 года.

Онъ былъ одинъ изъ энергичнѣйшихъ организаторовъ перваго съѣзда славянскихъ дѣятелей въ Петербургѣ и участвовалъ въ его трудахъ.

Н. А. Кремлевъ. †

Въ Казани скончался бывшій ректоръ Казанскаго университета, заслуженный ординарный профессоръ, Николай Александровичъ Кремлевъ. Н. А. родился 11 поля 1833 г. Въ 1890 г. Н. А. покинулъ университетскую службу, будучи

назначенъ членомъ консультаціи Министерства Юстиціи, при чемъ читаль въ С.-ПБ. университетѣ, въ качествѣ приватъ-доцента, курсъ римскаго права.

Профессоры Чижовъ и Кононовичъ. †

Новороссійскій университетъ потерялъ къ началу учебнаго года двухъ профессоровъ — доктора государственнаго права Чижова, читавшаго на юридическомъ факультетѣ этого университета энциклопедію и исторію философіи права, и заслуженнаго профессора этого университета Кононовича.

М. И. Горчаковъ. †

5 августа, въ 7 часовъ вечера, скончался извѣстный профессоръ церковнаго права, протоіерей Михаилъ Ивановичъ Горчаковъ. Послѣ полученія степени магистра государственнаго права, съ 1868 года до дня кончины, состоялъ профессоромъ церковнаго права въ С.-Петербургскомъ университетѣ. Черезъ три года онъ былъ уже удостоенъ степени доктора государственнаго права, а въ 1883 г. совѣтомъ Кіевск. дух. академіи возведенъ въ степень доктора православнаго богословія. Въ послѣднее время покойный былъ, по избранію, членомъ Государственнаго Совѣта.

Изъ научныхъ трудовъ протоіерея М. И. Горчакова особенно извѣстны: „Монастырскій приказъ“ (магистерская диссертация, С.-ПБ. 1868 г.), „О земельныхъ владѣніяхъ всероссійскихъ митрополитовъ, патріарховъ и Св. Синода“, (докторская диссертация по государств. праву, С.-ПБ. 1871 г.); „О тайнѣ супружества“ (С.-ПБ. 1880 г., докторская диссертация по богословію, защищенная въ Кіевской духовной академіи) и „Церковное право“ (курсъ лекцій, С.-ПБ. 1909 г.).

С. А. Муромцевъ. †

Въ ночь на 4-е октября въ Москвѣ неожиданно скончался отъ паралича сердца Сергѣй Андреевичъ Муромцевъ, бывший предсѣдатель первой Гос. Думы.

Родился онъ въ 1850 г. въ Петербургѣ, но всю жизнь провель въ Москвѣ.

По окончаніи московскаго университета С. А. слушалъ лекціи знаменитаго Іеринга въ Геттингенѣ и въ 1875 г. защитилъ диссертацию на степень магистра, а въ 1876 г. на степень доктора римскаго права.

Въ восьмидесятыхъ годахъ С. А. Муромцевъ оставилъ профессуру и занялся адвокатурой. Онъ учредилъ юридическое общество при университетѣ и сталъ издавать „Юридическій Вѣстникъ“.

Избранный въ 1906 г. членомъ первой Гос. Думы С. А. Муромцевъ избранъ председателемъ ея 27 апрѣля 1907 г. большинствомъ 426 изъ 436 голосовъ. Пресловутое „Выборгское воззваніе“ положило конецъ политической карьерѣ С. А. Муромцева.

Протоіерей Н. А. Елеонскій. †

25 октября скончался профессоръ богословія Московскаго Университета протоіерей Николай Александровичъ Елеонскій, 67 лѣтъ.

Покойный, уроженецъ Калужской епархіи, получилъ образованіе въ Калужской духовной семинаріи и Московской духовной академіи, въ которой окончилъ курсъ въ 1868 году. Въ 1870 году покойный былъ назначенъ доцентомъ Московской духовной академіи по кафедрѣ священнаго писанія Ветхаго Завѣта. Въ 1871 году за представленную диссертацию онъ былъ удостоенъ магистра богословія. Въ 1879 году Н. А. Елеонскій принялъ санъ священника и былъ назначенъ профессоромъ богословія въ Петровскую земледѣльческую и лѣсную академію и настоятелемъ академическаго храма; въ 1892 году онъ былъ перемѣщенъ на кафедру богословія въ Московскій университетъ.

За свои научные богословскіе труды протоіерей Н. А. Елеонскій былъ избранъ почетнымъ членомъ Московской духовной академіи.

Д. А. Дриль. †

1 ноября скончался отъ паралича сердца профессоръ Дмитрій Андреевичъ Дриль.

Д. А. Дриль, по окончаній курса въ Московскомъ университетѣ и сдачи магистрскаго экзамена по уголовному праву, поступилъ на медицинскій факультетъ. Съ ученой цѣлью онъ неоднократно былъ командированъ за границу. Кромѣ цѣлаго ряда статей въ „Юридическомъ Вѣстникѣ“, проф. Дриль печаталъ массу статей публицистическаго характера во многихъ научныхъ журналахъ и другихъ периодическихъ изданіяхъ.

А. С. Кривцовъ. †

9 ноября скончался профессоръ Юрьевскаго университета, по каѳедрѣ римскаго права, Александръ Сергѣевичъ Кривцовъ, на 42 году жизни.

По окончаніи курса юридическихъ наукъ въ Московскомъ университетѣ, А. С. Кривцовъ былъ командированъ на три года для занятій римскимъ правомъ въ такъ называемую Берлинскую семинарію римскаго права, учрежденную на средства русскаго правительства. Въ 1896 г. онъ былъ назначенъ профессоромъ Юрьевскаго университета по каѳедрѣ мѣстнаго права Прибалтійскихъ губерній, а въ 1897 г. переведенъ на каѳедру римскаго права.

Изъ научныхъ работъ проф. Кривцова остались двѣ на русскомъ языкѣ и одна на нѣмецкомъ: 1) „Абстрактныя обязательства въ римскомъ и въ современномъ гражданскомъ правѣ“. Юрьевъ, 1898 г. 2) „Общее ученіе объ убыткахъ“. Юрьевъ, 1902 г. 3) „Delictsfähigkeit der Gemeinde“. Berlin, 1904.

Эрнстъ Лейденъ. †

На 80-мъ году жизни скончался близъ Берлина знаменитый терапевтъ Эрнстъ Лейденъ.

Помимо цѣлой массы научныхъ работъ, Лейденъ былъ однимъ изъ первыхъ и главныхъ сторонниковъ лѣченія ча-

хотки устройствомъ санаторіи. Благодаря неутомимой энергіи и настойчивости Лейдена, въ Германіи, а затѣмъ и въ другихъ странахъ, былъ основанъ цѣлый рядъ спеціальныхъ санаторій для легочныхъ больныхъ, не только богатыхъ, но и неимущихъ, гдѣ больныхъ лѣчатъ усиленнымъ питаніемъ и чистымъ воздухомъ. Благодаря устройству санаторій, смертность отъ чахотки уменьшилась въ огромной степени.

Лейденъ считался однимъ изъ величайшихъ спеціалистовъ Европы по внутреннимъ болѣзнямъ, главнымъ образомъ, болѣзнямъ почекъ и легкихъ.

Похороны С. А. Муромцева.

7-го октября въ Москвѣ хоронили С. А. Муромцева. Несмотря на то, что погребеніе было назначено въ 11 ч. утра, съ 7 ч. прилегающія къ дому покойнаго улицы были запружены тысячной толпой. Около 11 ч. утра гробъ съ тѣломъ покойнаго на рукахъ перводумцевъ былъ вынесенъ изъ квартиры. За гробомъ около десятка горокъ съ вѣнками. Серебряные вѣнки и вѣнки отъ перводумцевъ фракціи народной свободы лежали на гробу.

По прибытіи тѣла къ университету гробъ былъ вынесенъ въ университетскую церковь, гдѣ былъ встрѣченъ многочисленнымъ духовенствомъ, ректоромъ, профессорами и городскимъ головой. Въ 12 ч. дня гробъ былъ вынесенъ изъ университетской церкви, и печальная процессія направилась къ кладбищу Донского монастыря. Непосредственно за гробомъ шла семья, а за нею свыше 200 депутаціи съ вѣнками. Около четырехъ часовъ траурная процессія достигла кладбища.

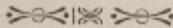
Передъ открытой могилой было произнесено болѣе 30 рѣчей. Первымъ отъ имени университета произнесъ рѣчь ректоръ Московскаго университета Мануиловъ, вторую рѣчь произнесъ предсѣдатель Московскаго совѣта присяжныхъ повѣренныхъ Филатовъ.

С. А. Муромцевъ о самомъ себѣ.

Въ 1908 г. Министерство Народнаго Просвѣщенія потребовало отъ профессоровъ и приватъ-доцентовъ, бывшихъ членами первой Г. Думы и подписавшихъ выборгское воззваніе, подписку о непринадлежности къ противогосударственнымъ и противоправительственнымъ партіямъ и организаціямъ.

С. А. отвѣтилъ на это требованіе слѣдующимъ образомъ („Русск. Вѣд.“):

На предложеніе дать подписку въ непринадлежности ни къ какимъ противогосударственнымъ и противоправительственнымъ партіямъ и организаціямъ и о ненарушеніи присяги и вѣрности служебному долгу, — полагаю соотвѣтственнымъ заявить, что, дѣйствуя всегда открыто, постоянно почиталъ государство за основную форму народнаго существованія и это свое воззрѣніе съ полною опредѣленностью проводилъ въ своихъ научныхъ и публицистическихъ работахъ и въ общественной дѣятельности, — чѣмъ сама собою устраняется всякая мысль о возможной непринадлежности къ какой-либо направленной противъ государства партіи или организаціи. Въ своей ученой, общественной и государственной дѣятельности неизмѣнно памятовалъ и памятую, что государство Россійское управляется „на твердыхъ основаніяхъ законовъ“, почему залогъ крѣпости правительственной власти полагалъ въ точномъ слѣдованіи представителей власти законамъ, въ твердомъ убѣжденіи, что цѣлямъ правительства не можетъ противорѣчить посильное распространеніе того установленнаго самимъ законодателемъ взгляда, что законы должны быть исполняемы безпристрастно, несмотря на лица и не внимая ничьимъ требованіямъ и предложеніямъ. Наконецъ, въ своей академической дѣятельности полагалъ и полагаю обязанностью профессора передавать преподаваемый предметъ съ полною научною объективностью, не оскорбляя достоинства каѳедры внесеніемъ какихъ-либо тенденцій, въ чемъ и заключается подобающее профессору исполненіе принятой присяги и соблюдение вѣрности служебному долгу. Ординарный профессоръ Сергѣй Муромцевъ. Москва, 1908 г. сентября 1-го дня.

Содержаніе XI—XVII томовъ
Сборника Учено-Литературнаго Общества
 при
 Императорскомъ Юрьевскомъ Университетѣ.

Томъ XI. (1907.)

	Стр.
Отчетъ о дѣятельности Общества за 1905—1906 г.	VII—XVIII
1. Проф. М. Красноженъ. Границы вѣротерпимости.	1
2. Онъ же. Какъ наши предки берегли православную вѣру	7
3. Проф. Евгений Бобровъ. Къ біографіи Н. М. Языкова (съ портретомъ Н. М. Языкова)	18
4. Н. Н. Бѣлявскій. Домашная прислуга во Франціи и Гер- маніи	59
5. С. Богушевскій. Наше денежное обращеніе за послѣдніе три года	111
6. Владимиръ Бобровъ. Замѣтки о преподаваніи исторіи въ реальныхъ училищахъ	157
7. Проф. В. Алексѣевъ. І. Ф. Гербартъ и его педагогиче- ская система	179
	—232

Томъ XII. (1907.)

1. Проф. М. Красноженъ. Наканунъ церковной реформы	1
2. Проф. Евгений Бобровъ. Матеріалы для біографіи Е. А. Бѣлова	34
3. Проф. В. Алексѣевъ. Л. Г. Штрюмпель и его педагогиче- ская система	73
4. І. Змигродскій. Городъ Юрьевъ Лифляндской губерніи и Высочайшій манифестъ 14 декабря 1766 года	129
5. Проф. Евгений Бобровъ. О преподаваніи философіи въ университетахъ	187
	—238

II

Томъ XIII. (1908.)

Отчетъ о дѣятельности Общества за 1906—1907 г.		VII—XX
1.	А. Невзоровъ. Прибалтійскій край въ русской литературѣ	I
2.	Л. Богушевская. Къ вопросу о наградахъ въ средней школѣ	41
3.	В. Бобровъ. Народныя пѣсни русскаго населенія Лифляндской губерніи	76
4.	Проф. Евгеній Бобровъ. Забѣтки по исторіи русской литературы и просвѣщенія XIX вѣка	94
5.	І. Змигродскій. Городъ Юрьевъ Лифляндской губерніи и Высочайшій манифестъ 14 декабря 1766 года	173 —240

Томъ XIV. (1909.)

1.	Я. Лаутенбахъ. Объ искусствѣ и красотѣ. (Рядъ мнѣній философовъ — эстетиковъ)	I
2.	Проф. Евгеній Бобровъ. Жизнь и поэзія Павла Петровича Шкляревскаго	18
3.	Проф. М. Красноженъ. Старые и новые законы о бракѣ. (По поводу 352, 440, 441 и 359 статей проекта Новаго Уголовнаго Уложенія)	59
4.	Онъ же. Позднѣйшіе проекты положенія о поводахъ къ разводу	77
5.	І. Змигродскій. Городъ Юрьевъ Лифляндской губерніи и Высочайшій манифестъ 14 декабря 1766 года. (Окончаніе)	81
6.	Владимиръ Бобровъ. Очерки изъ исторіи новой русской литературы	191
7.	Проф. М. Красноженъ. А. Ф. Зачинскій. † Некрологъ. (Съ портретомъ покойнаго)	239 —241
Приложеніе. Изъ университетской лѣтописи		I — 28

Томъ XV. (1909.)

Отчетъ о дѣятельности Общества за 1907—1908 г.		VII—XVIII
1.	М. А. Тростниковъ. Методика грамматики русскаго литературнаго языка	I
2.	Проф. М. Е. Красноженъ. Исторія образованія каноническаго кодекса Греческой церкви отъ начала его возникновенія до эпохи введенія на Руси христіанства.	113
3.	Г. Г. Сумаковъ. Образовательная экскурсія въ Закаспійскій край и на Кавказъ группы учениковъ Юрьевской гимназіи.	151
4.	Проф. Евгеній Бобровъ. Этюды по исторіи русской литературы и просвѣщенія	185 — 264

Томъ XVI. (1910.)

Отчетъ о дѣятельности Общества за 1908—1909 г.		VII—XVIII
1.	Проф. М. Красноженъ. А. С. Будилевичъ. † Некрологъ (Съ портретомъ покойнаго)	I

2.	І. Змигродскій. Обь одной книгѣ изъ библіотеки Наполеона І.	41
3.	Проф. Евгений Бобровъ. Изъ исторіи древне-греческой педагогикѣ	51
4.	Студ. С. П. Сахаровъ. О Высочайше утвержденномъ при Св. Синодѣ особомъ Присутствіи для разработки вопросовъ, подлежащихъ разсмотрѣнію Всероссійскаго Собора. (Подъ редакціей проф. М. Красножена)	129
5.	В. В. Богачевъ. Географическое развитіе дельты р. Дона, въ связи съ ея заселеніемъ. (Съ картой)	205 —264

Томъ XVII. (1910.)

1.	Проф. Евгений Бобровъ. Положеніе науки психологіи въ XVII столѣтіи.	1
2.	Онъ-же. В. А. Бобровъ. † Некрологъ. (Съ портретомъ покойнаго.)	73
3.	Я Лаутенбахъ. Христіанъ Доналицусъ, инициаторъ-основатель изящной литовской литературы	97
4.	Проф. М. Красноженъ. Библиографическія замѣтки	110
5.	Студ. Д. Захаровъ. Къ вопросу о свободномъ воспитаніи.	179 —212

Приложеніе.

Изъ университетской лѣтописи	1
Оглавленіе XI—XVII томовъ Сборника	— 35 I—III

Съ требованіями обращаться въ Учено-Литературное Общество при Императорскомъ Юрьевскомъ Университетѣ